

ÎĀĪÀ ÆËÇĪ Ū, ÎĀĪÀ ĪËÎŌŪ

Ëtāā i ū nī tae āāōūtaē aeāī tē dāoeēē m̄:āō āōūŋy ādāēīī, ī āīōōī ēēī āīŋēōēō āēūū īā ādāī y. Nāāūūāā āūēā āāīēēē ē dāāīŋōīīē. Ē ū īā āīp aeēçī ū çāīīī īēē ī taeāēāīēā īāī īā ōī ī īāī :āēīāēā, āīŋōy īā īāōāī ōī dēāīōāā Ī ī īēāçē: «Eāēāp āāī, -ōīāū ōīō āīŋōīōā ēīōīōūī āū īōāā-āī ū īāāī ū, m̄ōōāī ēēŋy īā āīp aeēçī ū!»

Тора говорит о брачном союзе: «... Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть». В этом – основа понимания семейной жизни для еврея. Наши мудрецы объясняют: брак – восстановление целого. Муж и жена – две половины одного существа. Каждая, появившись на свет, в одиночестве блуждает по миру, пока не находит вторую. Обретя друг друга, они становятся единым целым. Мы верим: души этих «половинок» связаны изначально и судьба ведет их к тому, что однажды они встретятся и поженятся. Еврейские мудрецы утверждают: Г-сподь еще до рождения человека знает, с кем тот заключит брачный союз. Поэтому мы говорим: «суженый», «суженая». Так что не надо думать, будто люди женятся вследствие простой случайности – вроде знакомства на дискотеке. Нерушимый брачный союз есть воплощение великого замысла Г-сподня. Именно Г-сподь назначил, с кем ты создашь семью, от кого будешь рожать детей, с кем сможешь уверенно и без сожалений пройти до конца жизненный путь.

Вообще счастливый брак – это всегда результат осознанного (или даже неосознанного) исполнения Б-жьей воли. Да, Б-г говорит нам, что мужчина должен найти свою половинку-женщину, а женщина – свою половинку-мужчину. До брака главную роль играет дружба: казалось бы, каждый из нас – по интересам, по устремлениям, по взглядам – ближе к представителям своего пола. Но Б-г заповедал, что жениться нужно на тех, кто относится к полу противоположному. И так же выходить замуж. Ибо только объединив два несхожие существа, можно создать нечто высшее по сравнению с обоими. У мужчины одни преимущества, у женщины – другие, брак же заключается для того, чтобы к вашим достоинствам прибавились достоинства человека, с которым вы делите радости и тяготы бытия. И тогда единое целое, которое вы оба являете собой, станет совершеннее, чем каждый из вас в отдельности. Вы не просто получаете удовольствие от благих свойств своей второй половины, но сами улучшаетесь вместе с ней. И главное, по Торе, – размышлять надо не о том, как получить, а о том, как отдать. И, конечно, надо стремиться отдать самое лучшее.

Если вы не следуете этому принципу, тогда вашей семейной жизни не позавидуешь. Часто встречаются пары, что прожили вместе год-два и разочаровались друг в друге. Они решили пожениться в период взаимной романтической влюбленности. Каждый видел в другом только хорошее и был уверен, что так будет продолжаться вечно. То есть, что он будет вечно «получать». А потом начались обиды, претензии: дескать, как же так, я ожидал от тебя большего!.. И я ожидала того же...

А по Торе – скажу еще раз – «ожидать» от другого вообще ничего не нужно, нужно отдавать самому. Раз я люблю, я хочу, чтобы моя любимая была счастлива. Или был счастлив мой любимый. В этом случае – только в этом! – супругам не грозит разочарование.

Один из традиционных еврейских свадебных обычаев велит невесте стоять под хупой с закрытым лицом. Это символ того, что мужчина женится не «на внешности», а на человеке – в котором, как во всяком другом, наряду с хорошим есть и дурное. Глядя на невесту с закрытым лицом, жених, кроме того, как бы говорит ей: многое в тебе утаено от моего взора, но я беру тебя такой, какова ты есть, ибо ты – моя половина.

Половина, которую назначил вам Г-сподь, – самая лучшая, но не потому, что она идеальна «по определению», а потому, что Г-сподь счел ее, со всеми ее недостатками, единственно идеальной для вас, со всеми вашими недостатками. В истинном браке, совершающемся по законам Торы, эти недостатки уничтожаются совместными усилиями, а достоинства супругов, напротив, возрастают.

Знавал я супружескую чету, которая трижды праздновала свадьбу. Поженились в первый раз – развелись: каждый решил, что у партнера слишком много дурных качеств. Поискали других партнеров – ни на что хорошее не набрали; вернулись друг к другу. Пожили вместе сколько-то времени – снова крупно поссорились и разошлись. Второй раз занялись поисками – опять не получилось. Поженились в третий раз. Смотришь на таких и думаешь: сколько же эти люди потеряли времени зря! Сколько отняли у собственного счастья! Конечно, наша религия разрешает развод, – но это на крайний случай, а настоящий брак, по Торе, предполагает, что мужчина и женщина сразу будут «одна плоть» на всю жизнь.

Увы! Нынешняя «масс-культура» диктует совершенно иные стандарты поведения. Кино и телевидение демонстрируют надуманные любовные истории, исполненные фальши. На самом деле ничего подобного в жизни не существует. Если человек настроен на «получить», а не на «дать», – он становится рабом телевизионных и прочих мифов. Гляди-ка, думает этот человек, у других (тех, что на телеэкране) все есть, а я

чем хуже? И на людей, которые его окружают, он уже не обращает внимания, стараясь отыскать «лучшее» в другом месте... А какое оно – «лучшее»? Опять же – такое, с помощью которого можно больше «получить». И в результате свою настоящую половину – ту, что ему предназначил Г-сподь, – он не замечает, просто проходит мимо. Счастья такому человеку не видать. Его отношения с партнером, возможно, начнутся бурно и романтично, но со временем дела пойдут все хуже. Только тот, кто расположен давать, а не брать, как учит нас Тора, – только он способен обрести подлинную гармонию в семейной жизни.

Одно из свадебных благословений переводится примерно так: «Пусть радуется Г-сподь этих возлюбленных, как радовал он Адама в раю». Спрашивается – могут ли земные жених с невестой испытывать такую же радость, как Адам в раю? Одно дело рай, другое – наша обыденная жизнь с ее трудами и заботами. Но если поразмыслить: чему радовался Адам, когда обрел свою жену Хаву? Тому, что нашел лучшую в мире. Иначе и не могло произойти. Хава ведь была единственной женщиной. И в этом глубинный смысл благословения. Мы желаем молодым супругам, чтобы каждый из них понимал: его вторая половина – единственная на свете.

Главный раввин России Берл Лазар

ΑΑΩΝΟΙ ΑΝΕΕΑ Ι Ι ΝΕΑΙ ΕΒ ΕΡ ΑΑΕ Χ ΝΕΙ ΑΙ ΔΑΑ

9 αα

Ι ΟΑΕΑΙ ΕΑ ΑΙ ΤΕΡ ΑΕΑΙ Ι Ο

ΕΓΑΑ ΥΧΙ: Ι ΕΕ ΑΙ ΟΕΕ Α ΟΔΑΙ, ΟΑΕ ΑΑΕ ΙΙΕ ΟΑΔΑΕΙ ΙΑ, +ΟΙ Ι ΔΕΕΙΙ ΟΕΕ ΑΔΑΕ ΑΔΑΑ ΙΙΕ ΑΙΙΑΙΕ ΕΟ ΙΑ ΟΕΕ ΟΟ Ε ΤΑΕΔΕ: ΑΕΕ: «ΑΔΑΕ... ΟΑΕ ΑΙ Ο +ΑΙ ΤΑΙ Υ ΟΥ ΙΙΕ?!» Ε ΟΙ ΕΤΕΕ ΙΙΕ ΟΑΙ [ΑΔΑΕΙΕΕΕ Ι ΑΔΤΑ], ΕΑΙ ΙΑΙΕΤΑΙ ΑΥΕΙ: «ΑΑΙ, Ι ΟΙ ΝΕΑΑΕΥΑ ΟΕ ΑΑ, Μ Ι Ο ΔΥ Ο Ι Α Ι ΑΑ Μ Ι ΔΑΡΑΙ ΕΑΙ, Ι Ι Ο Ι Ο +ΟΙ ΟΑΕ ΑΑΕ Ι ΑΑ Ο Ο ΑΑ». ΕΤΙ Α, 54Α

Ι ΟΙ ΟΕΕ ΟΙ ΤΑΙ ΕΥΡΟ ΟΥ, ΝΥΧΙ ΑΡ ΠΙ ΕΑ Α-ΑΙ Ε Ι ΑΔΤΑ ΕΤΑΕΕΥ, ΟΥΑΙ ΑΔΑΕ, ΜΑΕΙ Υ ΡΙ ΕΙ Ι ΟΕΑ Ε ΧΑΙ Ο Ο Ι ΟΙ ΟΕΑ ΕΘΙ ΕΥΟ (2:2) ΝΕΑΤΑΙ: Α-Α ΑΥ ΙΙ ΕΙ ΑΑ Ο Ι Α ΕΠΙ ΤΑ ΕΑΕ «Ι ΑΕΑΑ ΝΕΕΙ Ι Ι ΝΟΕ ΕΙ Ι Ι Α Α ΠΙ ΝΟΕ ΟΑΙ ΑΕ, Ι ΕΡΑΑΕ ΟΑΙ ΑΕ, ΕΙ ΑΑ ΟΥ ΑΥ ΕΑ Ι ΑΑ ΝΟ Ι Ρ, (ΕΑΕ) ΟΕΑ ΟΥ ΤΑ Ι Ι Ρ Ι Ι Ι ΑΝ ΟΥ Ι Α, Ι Ι ΤΑ ΕΑ Ι Α ΤΑ ΝΥ Ι Ι Ε».

ΟΑΔΥ ΟΕΙ Ι Α ΟΕΔ Α-ΟΕΔΕΙ (3:11) ΑΡ ΑΔΕ Ο Ι ΤΑ ΑΔ Α Ο Α ΔΥ ΝΕΙ Α Ε ΕΑΕ Ι ΑΙ Α, ΕΙ ΑΑ «ΑΙ ΤΕ ΑΕ ΑΙ ΑΙ Α Ο ΑΑ». ΕΑΙ ΟΙ ΔΑ, Ι ΑΑ ΝΟ ΑΥ Ι Α ΤΑΥ ΤΑ Ι Ι ΝΟ Υ Ι Α Ο ΑΑ Ι Α ΔΤΑ, ΕΤΑ ΔΑ Ι Ι Α Α-ΑΙ, Ε Ι ΑΑ ΑΑ: Ι Ι Ε Ι ΔΕ Α Δ Ε Α Ι Ι ΝΟ Ε Ι ΑΙ (ΟΑΙ ΕΝ 26Α), ΑΥ Ι Ε Ι Υ Α Ο ΔΙ ΕΥ ΑΔΑ: Ι Ι Α Ε Ι Ι Ο Δ Ε Ο Α - ΕΠΙ Α Ι Α Ε Α Ο Ι ΑΙ Ε Ε Α-ΑΙ (ΔΑ ΟΕ, ΟΙ Ι ΕΝ 34:1).

ΕΓΑΑ Ι Ο Ι Α Δ Ο Α Ε ΤΑΙ ΤΑ Α Ε ΟΙ ΔΥ, Ι ΟΙ Ο ΕΕ ΟΑΥ Α Α Ε Ι ΑΝ ΕΑΕ ΟΑΥ Α Α Ρ Ο ΝΕ Α Ο ΦΙ ΝΥ Ν Ι Ο Ε ΧΑΙ Ο +ΟΙ ΤΑ ΟΥ ΕΑ Ι ΟΕΑ Ε ΑΕ ΟΥ - Ι Α Ε ΤΑ Ε Α ΤΑ Ι Α Ο Ι Α Α Δ Ι Ι Ν Ο Υ ΕΙ ΑΑ ΔΑ Τ Ο ΑΙ ΑΥ Ε Ε Α Δ Τ Α Ε Ε Ι Ν Ε Ε Ο Δ Α Ι Ε Ι ΑΙ Ι Δ Ε Ο Ε Ι Ν Ι Ο Ε Α Δ Α Ν Υ Ι Ε Α - Ι Ι Ε Ν Ι Α Α Ν Ο Ν Υ Ε Α Ε Ι Α Δ Ε Ι Α Ι Ο Α Ε Α Ι Ε Υ ΑΙ Τ Ε Ρ Α Ε Α Ι Ι Ο Ο Α Δ Ι Ο Α Δ Α Α Χ Ε Τ Ε Α «ΔΑ Τ Α Α».

Ι ΔΕ Υ Ο Ι Ι ΑΙ Ι Α ΑΥ Α Ι Ε Π Ε Ο Ε Α Ε Α Ν Ι Δ Ε Ο Ι Α Ι Ι Ι Ο Ε Α Δ Α - Ο Ι Α Α Α Ο Α Α Ι Ν Ο Α Ι Α Ε Α Ι Α Ι Α Ο ΝΥ Χ Ι Ν Α-ΑΙ Α ΑΙ Ε Τ Α: Α Ε Υ Ι Ι Α Ε Α Ι Ε Α Α Ε Α Α Ο Α Τ Ε Ι Α Α Ι Ο Ι Α Ι Α Ο Υ Ε Ρ Α Α Ε Ι Α Ε Α Ο Ε Τ Α Ε Α Ι Ε Ι Α Α Α Ι Ο Υ Ι Α Ε Ι Ο Ι - Ε Ρ Α Α Ε, Ε Ι Ο Ι Δ Α Υ Α Ο Α Ε Α Ι Δ Α Ε Ι Α Ε.

Α ΝΑΙ Ι Ε ΑΥ Α Ε Ι Α Ο Δ Α Ι Α, Α ΝΑΥ Ο ΑΥ ΝΑΥ Ο Υ Ο, ΑΥ Ε Ι Ι Α ΑΥ ΑΙ Τ Ε Ι Ο Ι Ε Ε Ι Α: Α Α Α Ι ΑΙ Ε Α Ε Α Ε Ν Ε Δ Ε Χ Α Ε Ε Τ Α Α Ο Α Ν Α Α Υ Ο Υ Ρ ΤΑΙ Τ Α Α Υ Ι Ε Ε Ι ΑΙ Ο Ε Ι Α Δ Α Τ Ε Ν Ε Ο Ι Ε Ο Ι Δ Υ, Ι Α: Α Δ Ο Α Ι Ο Ε Δ Ε Ι Ε Ι Ι Ο Α Ι Α Ε Δ Υ Ο Ε Α Ε Ι Α: Α Α ΑΥ Ε Ε Α Ν Ο Α Ι Α Ε Α Ι Ο Ε Δ Υ Α Ι (ΟΑ Δ Α Ε Ι Ο) - Α Α Ι Ε Δ Υ Α Ο Ο Ο Ο Ε Α Δ Υ - Ι Ο Ε Ν Ε Α Υ Ε Χ Α Ι Ν Ε Α Υ, Α Τ Ε Ι Α Α Ι Ο Α Ε Τ: Ε Ν Ο Ι Α Τ Τ Ε Ι Ο Α

Ε Δ Υ Α Ι Ι Ε Ε Ο Α Ο Α Ι Ο Υ Ε ΝΥ Χ Ι Ι Α Ε Α Ο Α-ΑΙ Ε ΑΑ Ι Α Δ Τ Α Ι. Ο Α Ε Ι Ο Α (Α Α Α Α Α Α Ν Δ Α, 99Α) Ν Ε Α Α Ο Α Ε Υ Ι Ν Ο Α Δ Ο: Ε Ι Α Α Ε Τ Α Ε Ε Υ Α Ι Ν Ο Α Α Ε Ι Ο Ι Ο Ε Α Α Τ Ε Ε Α Α Ι Ι Α Ν Α Α Α Α, Ε Δ Υ Α Ε Ι Ι Ο Α Ι Ο Α: Ε Α Α Ε Ε Ν Ι Α Δ Ο Α Ι Α Ε Α Α Ι Ο Α Δ Ο Α, Α Ε Ι Α Α Ε Τ Α Ε Ε Υ Α Τ Ε Α Α Ι Α Α-ΑΙ, Ε Δ Υ Α Ε Ι Μ Ι Ο Δ Α Ε Α Δ Υ Α Ι Α Δ Ο Α Α. Ε Ι Α Α Χ Α Ε Ρ Α Ι Α Ι Ε Μ Α Ε Α Ν Ε Α Ι Α Ε Α Ο Α-ΑΙ Ε ΑΑ Ι Α Α Α Ν Ο Ι Ε Α Ι Ν Ο Ε Α Ε Ε Ε Ν Δ Ε Ι Ι Ε Ι Ι Ε Ι Ο Υ, Ο Ι Ε Δ Υ Α Ε Ι Ν Ε Ε Ι Υ Ε Ε Ν Ι Α Δ Ο Α Ε Α Δ Υ (ΕΤΙ Α, 54Α), Ε Α Ε «Ι Ο Ε Ν Ε Ε Ι Υ Α Ο Ν Υ Ε Χ Α Ι Α».

Α Ο Α Ε Ι Ο Α Ν Ε Α Τ Α Ι: Ε Ι Α Α Α Δ Α

Α Ε Τ Α Ε Ε Υ Τ Α Δ Α Ο Ε Ε Ο Δ Α Ι, Ι Ι Ε ΑΙ Ο Ε Ε Α ΝΑΥ Ο ΑΥ ΝΑΥ Ο Υ Ο - Ι Α Ν Ο Ι Ν Ο Ι Ε Υ ΝΑΥ Α Ι Ι Α, +ΟΙ Α Δ Τ Α Ε Ο Υ Ο Δ Α Α ΑΙ Τ Α Ε Υ Ε Ι Ν Ι Ν Ι Ε Ο Υ Ι Α Ι Ι Ο +Α Ι Α Ε Ο - Ι Α Δ Α Ι ΝΑΥ Α Ι Ι Ε Ο Ε Ο Ι Ε Υ Ε Ι Ι Α ΕΤΙ Ε Ε Ι Ο Α, ΝΑΙ Ο Ε ΝΑΥ Α Ι Ι Ε Α Α Ι Ο Α Α Ο ΑΙ Α Δ Α Ε Ο Α Ε Α Ε Ε Ε Δ Υ Α Ε Ι, Ι Δ Ε Ε Υ Ι Ο Ε Ο Α Δ Υ Ε Α Δ Υ Α, Ε Α Α Τ Ε Τ Ε Ε Ε Ε Ο Ε Τ Ο Δ Α Ι Α (Ο Α Ε Ι Ο Α Ε Δ Α Ο Ε, Ο Α Ι Χ Α). Ε Ι Ο Α Ε Ι Α Α Ι Ε Ι Ε Ι Α Μ Α Δ Ο Ν Υ, Ε Τ Α Δ Υ Α Ε Α ΝΥ: Α Τ Ε Ι Δ Ε Ι Ε Α Υ Ε Ο ΝΑΥ Α Ι Ι Ε Ι Α Δ Α Τ Ε Ο Ι, +ΟΙ Ι Ι Ε Ι Ε Ε Ο Α Ο Α Ι Ο Υ Ρ Ο.

ΤΑ 22 Α Α Α ΑΙ Δ Α Τ Ο Α Ι Ε Υ Ι Α Δ Α Ι Α Ο Δ Α Ι Α Ε Τ Α: Α Α Τ Α Α Ο Α Ν Ε Δ Υ Α Ε Ι Ι Α Ε Δ Υ Ο Ε Α ΑΥ Ε Δ Ε Δ Υ Ο Α Ι Τ Α Τ Α Ι Ι Ε Ο Δ Α Ι Ι Α Τ Ε Ε Δ Ε Ι Ο Α Α Α Ι Ν Ο Α Δ Ο Ν Υ Ε Ι Ι Ν Ε Α Α Ι Ο Ι Τ Υ Ο Ι Ο Ι Ε Α Α Ε Ι Τ Υ Ι Α, Ι Ε Δ Ε Ι Ε Υ Ι Α Ι Α Ι Ι Α Ε Ι Α Ι Α Δ Ο Χ Ε Ο Υ Ε Τ Α: Α Α Α ΝΑΥ Ο ΑΥ ΝΑΥ Ο Υ Ο.

Ο Α Ε Ι Ο Α Ι Τ Υ Ν Υ Α Ο: «Ε Δ Υ Α Ε Ι», Α Τ Ε Ε Ι Ο Ο Υ Α Ε Τ Ο Δ Α Ι Α, ΑΥ Ε Ε Α Τ Α Ι Ι Α Ο Α +ΟΙ Ι Α Ε Δ Υ Ο Ε Α Ε Τ Α: Α Α Ι Α Ι Α Ε Ι Α Α Χ Α Υ Ο ΑΥ ΑΥ Ε Ε Ο Ε Α Δ Υ Α Δ Α Ε Ι Α Ο Υ Ι Α Ν Ο Α Ι Α Ο ΝΑΥ Ο ΑΥ ΝΑΥ Ο Υ Ο, Ο Α Ε Α Α Ν Ε Ο Χ Ε Α Ο Ε Α ΝΑΙ ΑΙ Α Δ Α Τ Α Ι Ο Ι «Α Α Δ Τ Ι Α Ο Δ Τ Ι», Ο Α Τ Α Α Ρ Π Ι Ε Ι Ι Α Μ Ν Ο Ι Υ Ι Ε Α Α Δ Α Ε Α Ι Α Ε Α Ο Α-ΑΙ Ε Ε Τ Α Ε Ε Α Ι.

Парадокс

Мусаф – праздничная молитва – напоминает нам: «За грехи наши мы были изгнаны из страны... и более не дано нам всходить и склоняться, представ пред Тобой... в избранном Тобой доме, в великом и священном доме, над которым призывается Имя Твое».

Первый Храм простоял 410 лет, второй – 420 лет. В течение 830 лет здание на вершине Иерусалимского холма было обителью Б-га, где Его присутствие явлено физически, так что мы могли чувственно ощущать Его присутствие в нашей жизни.

Однако мы оказались недостойны близости Б-жественного присутствия. И Храм был отнят у нас, а сами мы были обречены на изгнание – голус. И это – существование, при котором Б-жественный лик сокрыт от нас, а любовь Б-га и Его попечение о нас утаены. И пустота, образовавшаяся в нашей жизни, взывает о покаянии, об исправлении содеянного и нашего поведения. Как взывает и об исправлении того вреда, который был причинен нашему браку с Б-гом в результате того давнего отступничества евреев.

Но если голус – эпоха, когда Б-г и Израиль отделились друг от друга, тогда почему же в момент разрушения Храма крувим слились в объятиях? Разве не было разрушение Храма самой нижней точкой в наших отношениях со Всемогушим? Или, еще более заостря этот парадокс, спросим так: Б-жественный жених разрушает Свой брачный чертог, дозволяет, чтобы Его брачный покой был осквернен пришельцами, а Его

невеста ими уведена, – и при этом «барометр», показывающий состояние этого брака, указывает, что Жених и невеста – близки, как никогда?!

«Три укора» и «семь утешений»

Каждую субботу в Шабос вслед за недельным чтением Торы читается Афтора – недельный фрагмент из пророков. Обычно соответствующая Афтора соотнесена с недельным чтением Торы. Однако в иные недели Афтора связана не с кругом чтений Торы, а с событиями, приходящимися на это время года. Это относится к десяти Афторойс, читаемых в последние десять недель года. Эти афторойс названы «Три упрека и Семь утешений».

«Три упрека» читаются в течение «Трех недель», с 17 тамуза до 9 ава, когда мы вспоминаем о разрушении Храма и начале голуса.

В этот день – 17 тамуза 3829 года от сотворения мира (69 г. н.э.) под ударами осаждавших Иерусалим римских армий рухнули стены города. После трех недель уличных боев, в течение которых римляне с трудом прокладывали путь к центру города, они прорвались к Храму. В день 9 ава они предали Храм огню.

Девятое ава – это также дата разрушения первого Храма вавилонянами в 3339 году от сотворения мира (423 г. н.э.). Стены Иерусалима пали 9 тамуза. А 17 тамуза были прекращены богослужения в Храме.

Эти же даты связаны с еще более ранними событиями, в результате которых нарушалась связь Б-га и Израиля. Так, Моше разбил Скрижали Завета 17 тамуза, увидев, как Израиль поклоняется золотому тельцу.

Народ Израиля, услышав 9 ава неблагоприятные сообщения разведчиков, посланных Моше в Эрец Исроэл, отказался войти в Землю Обетованную. И это обрекло целое поколение на скитания по пустыне.

Эти два дня и поныне соблюдаются как дни поста. А период между ними, названный пророком (Эйха, 1:3) «бедой, утеснением», – считается временем скорби и рыданий.

В течение трех недель чтение Афторойс состоит из тех пророчеств, где Израиль укоряется за преступления и неверность и за предательство завета с Б-гом.

За «Тремя упреками» следуют «Семь утешений». На протяжении семи недель, начиная с Субботы после 9 ава, чтение Афторойс состоит из пророчеств, в которых описаны утешения, ниспосланные Б-гом Его народу. И тех, где говорится о восстановлении отношений между Б-гом и Израилем. Так, каждый год мы выслушиваем упреки. И – алчем утешения. Так каждый год мы переживаем разрушение – и восстановление разрушенного, разрыв – и воссоединение.

Однако почему это длится именно десять недель? И каково значение того, что период делится на три стадии отдаления и на семь ступеней примирения? Хасидский мудрец – рабби Гилел из Парича – поясняет это следующим образом. «Три укора» и «Семь утешений» соответствуют десяти атрибутам души, которые соотносятся как тройка и семерка. Ибо душа человека обладает как тремя главными интеллектуальными способностями (абстрактные представления, понимание и приложение знаний к реальности), так и семью главными эмоциями, побуждающими к действию (любовь, страх, гармония, честолюбие, самоотверженность, привязанность и восприимчивость).

Поэтому само понимание того, каким образом взаимодействуют разум и сердце, позволяет нам понять истинную природу «отдаления», связанного с пребыванием в состоянии голуса.

Daçoi è ñidäöá

Разуму в силу самой его природы свойственна отстраненность. Для того чтобы выработать абстрактные представления, как и для их постижения, необходимо сохранять дистанцию между созерцающим и объектом его созерцания. И при этом – избегать всякой близости с последним. Ибо тут требуется холодное, незаинтересованное внимание к объекту изучения. Только тогда анализ и постижение будут достаточно глубоко и верны.

Сердце, наоборот, привязчиво, крайне субъективно. Оно стремится всячески сократить дистанцию между нами и объектом наших привязанностей. Сердце также стремится разрушить и барьеры, разделяющие «я» и других людей. Однако истинная и длительная привязанность рождается только тогда, когда есть понимание. Чувства, в основе которых лежит один лишь порыв, поверхностны. Притом – настолько, насколько они страстны, и недолги – настолько, насколько они интенсивны. Глубиной и длительностью обладают чувства, пропущенные через разум. Лишь любовь, которая действительно понимает и воспринимает, что есть возлюбленный, будет свободна от переменчивости чувств, спадов и апатии. Только такая любовь сумеет избежать множества ловушек, которые уготовили ей время и изменяющиеся обстоятельства.

Поэтому именно в рассудке, кажущемся холодным и всегда сохраняющим отчуждающую дистанцию, берут, на самом деле, начало все действительно значимые связи человека с другими людьми и миром. Отстраненность, которая ассоциируется с холодной рациональностью, по сути своей, лежит в основе нашей способности выстраивать эмоциональные связи с другими.

«Daçoi» Á-ñ

Пророк Иов (19:26) сказал: «...в плоти моей я вижу Б-га». В Брейшис (1:27) изречено: «И сотворил Всесильный человека по образу Своему». Человек – метафорическое выражение Б-жественности. Размышляя над своей физиологией и психологией, мы многое можем узнать о Б-жественной реальности. И о том, как Б-г связан с Творением. Описанные выше парадоксальные отношения разума и сердца, когда рассудочная отстраненность оказывается сутью и основанием всякой истинной эмоциональной привязанности, дают нам модель для понимания парадокса голуса.

Отношение к нам Б-га включает в себя как «интеллектуальные», так и «эмоциональные» элементы.

Временами мы испытываем на себе то, что внешне представляется знаком Его отстраненности и незаинтересованности. Кажется, будто Б-г перестает с заинтересованным вниманием печься о нашей жизни, обрекая нас игре «вероятностей», «судьбе». Наше существование лишается тогда смысла и цели. Б-г «отстраняется» от нас. И кажется, что наши жизни не имеют для Него никакой ценности.

На самом же деле, эта Б-жественная «объективность» несет в себе семена, из которых потом вырастает более глубокая связь между человеком и Б-гом. Это – та отстраненность, которая нужна, чтобы связь была прочнее. Чтобы она длилась. Это – шаг в сторону, ведущий к близости на ином уровне понимания.

Внешне голус является духовным разрывом, совершеннейшим истончением уз между нами и Б-гом. В действительности же голус – шаг к еще более глубокому взаимоотножению Б-га и Израиля. К еще большей приверженности друг другу.

Учение хасидизма предлагает еще одну метафору для описания парадокса голуса. Метафора эта связана исключительно с интеллектуальными практиками. Итак, представьте учителя, когда тот объясняет какую-то концепцию ученику, и находится в середине этого объяснения. Внезапно у него наступает озарение! В его сознании неожиданно рождается новое понимание этой концепции, которое бесконечно глубже предшествующего. Он осознает, что такая концепция намного важнее для его учеников.

И вот он прекращает объяснение, не кончив предложения, и погружается в молчание. Он отмахивается от вопросов и реплик ученика. Все его усилия, вся мощь интеллекта сосредоточены в этот момент на том, чтобы постичь и донести до слушателя эту новую концепцию, мелькнувшую на периферии его сознания.

Ученик недоумевает. Почему его любимый учитель от него отвернулся? Почему столь резко оборвал объяснение? Ученик чувствует, что отчуждение нарастает все больше и больше. Сперва о нем, казалось, на мгновение забыли. А теперь его и вовсе игнорируют, уже от него отмахиваются, даже повернулись к нему спиной. Учитель видит, какие муки испытывает ученик. И если бы учитель меньше заботился о своем подопечном, тогда он бы поспешил уверить ученика, что тот ни в чем не виноват. Однако – тогда был бы риск, что забрезжившее в глубине сознания учителя новое понимание вещей ускользнет. И учитель не желает упустить ни малейшего нюанса, связанного с этим новым пониманием, которое может серьезно обогатить его ученика.

И пусть ученику кажется, будто бы его игнорируют в этот момент. Ибо понятно – «равнодушие» учителя есть проявление любви. Действия учителя не только не противоречат природе его отношений с учеником, но направлены на то, чтобы сделать взаимодействие обучающего и внимающего учению еще более плодотворным. Внешне кажется, что в этот момент учитель и ученик максимально отчуждены. А на самом деле выясняется, что на глубинном уровне они никогда не были столь близки, как сейчас.

Эта метафора объясняет, почему жестокость условий нашего изгнания возрастает по мере того, как мы приближаемся к восстановлению нашей связи с Б-гом. Если бы цель голуса была только одна – наказать нас за грехи, тогда и суровость этого наказания должна бы со временем – по мере того как мы искупаем свою вину – уменьшаться. Исторически же верно совсем иное: чем ближе мы к Искуплению, тем горше условия голуса. Тут можно указать на наше первое изгнание. На пребывание Израиля в Египте, которое длилось 210 лет. Первое поколение наших отцов, осевшее в Египте, процветало. В течение же следующего века ситуация постепенно ухудшалась. Но состояние настоящего рабства и мучений, которое и ассоциируется с пребыванием в Египте, наступило за 86 лет до Исхода. А самым тяжелым периодом был последний год египетского изгнания – когда Моше уже пророчествовал о конце египетского плена!

Это верно и в отношении нынешнего изгнания. Ибо духовное состояние наших жизней – главный фактор голуса – стало значительно хуже по сравнению с эпохой, когда был разрушен Храм. Хуже – в сравнении с эпохой, отделенной от нас двумя тысячелетиями! Тогда, как мы помним, жили великие мудрецы Талмуда, и наша связь со Всемогущим, пусть и омраченная состоянием голуса, переживалась куда интенсивнее. Понятно почему – она была реальностью, наполняющей жизни множества людей. Однако с каждым следующим поколением наша жизнь все больше и больше сосредоточивается на материальном, духовное же затемнено, утрачена чувствительность к Бжественному. И это происходит при том, что с каждым поколением мы все явственнее приближаемся к окончательному Искуплению.

Но именно подобную ситуацию и описывает наша метафора о взаимоотношениях ученика и учителя. «Потерявший интерес» к ученику учитель все глубже погружается в себя, он целиком захвачен размышлениями о концепции. И тем самым учитель с каждым мгновением «отдаляется» от ученика, чувствующего себя брошенным и несчастным. В действительности же эта отстраненность связана с тем, что учитель всерьез заботится об ученике и всерьез воспринимает свою роль наставника..

То, что в нашем изгнании Б-г сокрыл от нас Свой лик, есть непреложное проявление Его любви. Наша боль поистине связана с нашим непониманием происходящего, в то время как эта ситуация должна привести к восстановлению связи с Ним на более глубоком уровне.

«Три упрека» сосредоточены на опыте отверженности, отчужденности, дистанции, разделяющей возлюбленных. Однако именно из этого опыта и рождаются «Семь утешений». У нас отнято все то внешнее, что свидетельствовало о нашей связи с Б-гом. Но тем самым мы можем постичь самую суть этой связи. Прочувствовать те сущностные узы, что существуют, – вопреки всем разделяющим нас духовным и физическим пропастям.

Таким образом, именно через опыт голуса только и может осуществиться наш брак с Б-гом в его истинном виде – не на внешнем, а на самом глубинном уровне.

Внешне Три недели – период, когда мы обостренно чувствуем свою заброшенность и оставленность Б-гом. По сути же, это – время, когда связь достигает полноты.

Вот почему язычники, ворвавшись в Свята Святых, обнаружили кривым прильнувшими друг к другу. Внешне, на профанном уровне, происходило изгнание Израиля из Святой земли, Храм пламенел в огне. Казалось, что брак разорван, муж отвернулся от неверной жены, которая изгнана в чужую страну. Но внутри Свята Святых – внутри самого священного брачного покоя – любовь между Б-гом и избранным Им народом именно тогда достигла апогея: максимально возможной близости.

Áíγῶναι áí

Ī ðeáèèæàÿ îññáíæáííèá

Раздел Возсханан читается обычно в Шабос Нахму, «Субботу утешения», которая следует после поста 9 ава.

Единственное утешение, которое приемлемо для нас после разрушения Иерусалимского Храма, после изгнания народа из Эрец Исроэл и после всех перенесенных нами трагедий, это геула – освобождение. Именно об этом молился Моше, – написано в том фрагменте Торы, который мы здесь рассматриваем. И именно это является главным объектом всех молитв еврейского народа. Однако мы помним: одних молитв недостаточно. Б-гу желанны деяния.

Одно должно лежать в основе всех этих деяний: мы призваны «жить с Искуплением». И предощущение его должно присутствовать в нашей жизни уже сейчас. Поступая так, мы приближаем Искупление.

χ ο ί ò à è í á ì í è è ò á ñ

Рамбам (Законы молитвы, 1:2) говорит о молитве следующее.

«Соблюдение [этой] заповеди подразумевает, что необходимо возносить мольбы и молитвы каждый день; славить Святого, будь Он благословен, и потом просить обо всем, в чем есть у нас нужда, сопровождая то мольбою, потом же славить и благодарить Б-га за то благо, которое Он даровал нам».

Подчеркнем, что в основе молитвы лежит просьба о насущном: чтобы Б-г ниспослал нам то, в чем мы нуждаемся. Что до славословий и благодарностей, которые предшествуют этой просьбе и следуют за ней, образуя «рамку», то они – не более чем дополнительный элемент этой мицвы. Это отражено в самой формулировке Рамбама.

Человек должен осознавать, что Б-г является истинным источником всех средств к существованию и источником всех благ, которые ему ниспосылаются. И человек должен обращаться к Нему с полной искренностью, от всего сердца прося то, в чем испытывает нужду. Таким образом, становится понятно, что имеет в виду Рамбам, когда в начале говорит: молитва – «служение сердца». То есть молитва служит оформлению наших чувств. Большинство людей в основном волнуют их материальные нужды, но само обращение с этими нуждами к Б-гу уже требует изменения нашего внутреннего строя чувств.

Однако часто мы не ограничиваемся просьбами к Б-гу о наших нуждах. Мы бы хотели получать куда больше того, в чем мы, на самом деле, нуждаемся. И даже – хотели бы получать куда больше, чем мы заслужили. И одно то, что мы об этом просим – и часто получаем, – говорит о безграничной щедрости Б-га.

Ибо, как сказано в Кесер Шем Тов (разд. 133): каждый еврей дорог Б-гу, как единственный сын – престарелым родителям. И эта внутренняя близость между нами столь велика, что Он ниспосылает нам много более того, в чем мы нуждаемся и что мы заслужили.

Ááñ èñò í è è í á ñ í è ÿ ì í è ù ù Ī í ò á

Все это отражено в названии того раздела Торы, о котором мы говорим, – «Возсханан».

«Возсханан» означает: «и он молил». И слово это употреблено в связи с молитвой Моше (Дворим, 3:23), с которой он обратился к Б-гу, прося Всесильного разрешить ему войти в Эрец Исроэл.

Истолкование, которое дано этому слову мудрецами, указывает нам, как следует обращаться к Б-гу в молитве.

В Сифри – комментарии к Дворим (3:23), цитируемом с небольшими изменениями, в пояснении Раши на этот стих сказано: «[Моше] мог бы упомянуть... свои заслуги. Вместо этого [он] просит Б-га о даре... Тем более пристало [тем, кто столь меньше Моше] просить [Б-га таким образом].

Слово [возсханан] – один из десяти терминов, используемых для обозначения молитвы».

Сходная концепция представлена и в Дворим Раба (2:1) и в Мидраше Танхума, Возсханан (разд. 3), где сказано: «[Это] один из десяти терминов для молитвы. Из всех возможных [способов обращения] Моше избрал этот, который является родом мольбы. Это учит нас тому, что тварь не может ничего требовать от Творца, ибо даже Моше [обращался к Б-гу] с мольбою, [прося] о даре».

Áññ - áí á ð í ò á

При внешней схожести определений, в Сифри и Мидраше, Хизкуни на Дворим (3:23) и Левуш на комментарий Раши к этому стиху указывают на существенное различие между ними.

В Сифри молитва и просьба о даре рассматриваются как две самостоятельные сущности, тогда как Мидраш соединяет представление о них воедино.

На этом различии в истолковании нужно остановиться подробнее. Б-г милосерден ко всем созданиям Своим. Каждому Б-г ниспосылает все необходимое. Более того, когда человек живет достойно, он может быть уверен, что ему будет ниспослано необходимое.

Насколько предрасположен Б-г к еврейскому народу, выражено в словах мудрецов (Бава Меция, 83а):

«И так, как они – потомки Авраама, Ицхака и Яакова, даже пира царя Шломо во всем великолепии этого праздника недостаточно, чтобы вознаградить их». Ибо в Ваикро (26:3-4) сказано: «Если по установлениям Моим будете вы поступать, и заповеди Мои соблюдать, и исполнять их, то дам Я вам дожди вовремя». Слово «дождь» в этом стихе можно толковать расширительно как обозначение всех материальных благ: на иврите слово «дождь» – «гешем» имеет тот же корень, что и «гашмиос» – «нечто материальное, вещественное». У человека могут быть основания верить, что он заслужил поддержку от Б-га. Но даже тогда необходима молитва. Недаром же в Теилим (62:13) сказано: «И у Тебя, Г-споди, милость, ибо Ты воздаешь каждому по делам его».

Поведение человека может быть достойным Б-жественного благословения. Но поскольку Б-г трансцендентен по отношению к материальному миру, то, чтобы его благодеяние облеклось в некую материальную форму, необходима совершенно особая мера благорасположения со стороны Б-га. И благорасположение это вызывается молитвой. Тем самым, человек не может ничего потребовать у Б-га. Он может только просить Его о чем-то, как просят подарок.

Это позволяет нам лучше понять истолкование, данное в Мидраше. Возеханан говорит о том, как нам следует просить у Всесильного. Когда мы просим Его о благе, следует смиренно молить, а не требовать. Даже обладая какими-либо заслугами, человек должен не полагаться на них, а взывать к щедрости и доброте Б-га.

Ńi m edai eai a aeim e a mdaoa

Первое истолкование, которое дает Сифри, нуждается в более глубоком комментарии. Важно не только то, что мы должны обращаться к Б-гу как смиренные просители. Важно то, что смирение должно проникать все наше существо. Мы должны изначально понимать: мы просим о том, чего не заслужили. Каковы бы ни были заслуги человека, но «стандарт», по которому эти заслуги будут судить, значительно выше. Так что выходит: можно просить только о даре как о не заслуженном снисхождении, которое целиком определяется добротой дающего.

В этом контексте формулу Сифри, указывающую, что Моше мог бы упомянуть свои заслуги, должно толковать следующим образом. На уровне людского понимания Моше, взывая к Б-гу, мог бы настаивать, что им совершено множество благих дел. Однако обладая пониманием много глубже обычного и великим смирением, Моше облек свою просьбу в мольбу о ниспослании дара (Маарив). Подобное отношение к Б-гу персонифицировано в Моше, который, как сказано в Бемидбар (12:2), «был скромнейшим из всех людей, что на земле».

Моше осознает свои добродетели. Но также он осознает и то, что эти добродетели даны ему от Б-га и, будь ими наделен кто-либо другой, возможно, он совершил бы гораздо большее.

Когда воля Небес может быть изменена и тут мы видим, что существует еще одно глубинное различие между двумя истолкованиями мольбы Моше в Сифри и Мидраше.

Моше молил о том, чтобы ему было дано войти в Эрец Исроэл. Хотя до того Б-гом было сказано, что Моше не суждено войти в Святую землю. Однако же после того как были завоеваны земли Сихона и Ога, Моше подумал, что Б-г мог бы изменить свое решение. И тогда, как пишет Раши в комментарии на Дворим (3:23), Моше и обратился к Б-гу с мольбой, идущей из самой глубины сердца.

Мнения мудрых о том, может ли молитва повлиять на что-либо, когда все уже определено Свыше, или молитва имеет силу только до принятия решения в горних, расходятся, – свидетельствует Рош а-Шона (17б). Мидраш придерживается той точки зрения, что молитва может привести к отмене уже принятого решения. Поэтому Моше и мог взывать к Б-гу, прибегнув к одной из принятых форм мольбы.

Другое мнение представлено в Сифри. Молитва может повлиять на что-либо только пока это еще не решено, но не после того. Поэтому Моше должен был выйти за пределы общепринятой формы молитвы и просить о даре.

Когда человек обладает даром взывать к доброте Б-га независимо от своих заслуг – он может пробудить Б-жественную благосклонность, выходящую за пределы естественного порядка вещей.

За пределами наших возможностей

Хасидские мыслители объясняют просьбу Моше о даре следующим образом. Если бы Моше было разрешено войти во главе еврейского народа в Эрец Исроэл, он мог бы тем самым достичь того уровня Б-жественного откровения, который недостижим обычным Бгослужением.

Есть предел духовной высоты, на которую человек может подняться собственными усилиями. Достижение же всего, что выше этого уровня, – всецело зависит от Б-га. И эти уровни не могут быть достигнуты на обычных путях молитвы. Ибо молитва основана на усилиях человека – изменить к лучшему себя и окружающий мир.

Ááèàòüáíèüóá ÷áì áñçì íæíí

Á-áíáíóáè íèííííèàòüí íóáááð, í èíóíðñí òíò íðííè. Ííòíí ó ÷òí ááèá áííóèá òðíáíè íòèðíáí èý íá ááðòííý èáè «ááð», íí íííðèááðòííý ÷áííáíèíí ÷áðç ñèóèáíèá Á-áí

È èíáá ñèóèáí èá òðáíóòò ñí òíðèòüííý íá áíèáá í èçèèá òðíáíè, ÷áííáè íáí íæáò ýòíáá áí áíòèòüè íííýòü Ýòí áíèí áíóáíííèí áí èý ááèá òáèíáá ÷áííáèá, èáè Í íóá Í í òáðáèòáð ýòíáá ñèóèáí èý íí òáíáèáí Ñáí èí Á-áí. Í í áíèè ááèí ííðè, èí áííí òáèíáá Áá áí èý, èíóíðáý ááíáò ááðáèíèè è íáðíá á áá èíóíðè÷áíèí ñòáííòáèè.

Íí ýòíí òí íèíáá Í íóá íá áíèá í ðèíýòá È Èáíóá - á íá Í íóá - ááèè ááðáá á Ýðáò Èííýè. È òíòý ýòí ííçèá í ðèáèí è òíí ó ÷òí ááðáá èçáí áèè á ðáííáýí èá íáíáèí áíèí ÷áííóð Á-áíòááí íá íá èáíá. Í èáíá, ááðíáá ÷áííáá-áíòáá áñçì íæíííòüííèóèáí èý, íáíáíáèí íáá, ÷òíáí í ðèòèí Èíèóíèáí èá Èáí èí áííí ñèóèáí èá Á-áí íáí-íúò èðááè, - ñèóèáí èá, ñòíèüíòèè÷áí íá íò èò áèááí ááí íá ííúòá, - è áíèèí í òáðáèòèòü Èíèóíèáí èá á ðèáèíí ííòü

Ðáçáè Áíýííáí áí áííáá ÷èòááòííý á «Óááíí Í áóí ó» - «Ñóáííòó òðáèáí èý».

Èíáá ðáçðóáíèá Óðáí è í ú æéáí á èçáíáíèè, òíáá èíòèííúí òðáèáí èáí ýáýáòííý íííçáíèá òíá, ÷òí ýòí òíèüèí òáèè íá íòèè, ááíóáí á èíííóá è Èíèóíèáí èá èð.

Ááý íáííóáí, ÷òí áíóáíííèí áí èý ñ áðóíúó, Á-áááð ÷áííáèò áñçì íæíííòüííòáòü Áá íáðóíáðíí íí òáíðáí èð (íá Óááíí 10á).

È Á-áááð áñçì íæíííòüííèáòüíí èð íáèòáèíð, á èíóíðñè Ííè -

Óáíðáò è ÷áííáè - ñ íáò í ðáííáòüíí áí áíòá

15 ááá

Танцующие дочери Иерусалимские

Áèý Èçðáèèý íá áíèí áíèüèòò íðáçáíèèá ÷áí 15 ááá è Èíí Èèíóð Á ýòè áíè áííáðè èáðáèèè ñèèá áíòíáèèè çá áðíáíèèá ñòáííú è òáíòááèè ñááè áèííááíèèíá ×òí æá áíáíðèèè ííè íðè òíí ? «Þííóá, ííáíèí è áñçìíáíè è áçáýíè, èíáí òü èçáíáðáòüííèý ííáý...»

Èáè ñèáçáíí (Óèð á-Óèðèí, 3:11), «Áíèáèòá è ííí íòðèòá, áííáðè Ñèíííèèá íá òáðý Óèíí í á áíí óá, èíóíðííí òáíí ÷áèá áá í áòü áá í ááííü áðáèííí-áòáí èý áá, á ááííü ðáíííòííè èý íáðáòá áá».

«Ááííü áá áðáèííí-áòáí èý» - Ááííü ááðíáíèý Óíðü, á «ááííü ðáíííòííè èý íáðáòá áá», òéáçíáááò íá ñòðíèòáèííòáí Óðáí á, èíóíðíè áááò íííòðíáí á íáèè áíè.

Óáèí óá, Óááíèí 2á

Á òíí, ÷òí Èíí Èèíóð è 15 ááá áíèè òáí è áíýí è, èíáá á Èáðáíèèí á ííáðáèè íáòíáíòáí, íáò íè÷áíí òáèèòáèíí íá. Èáí ýòí - áíè ííí íèáèè è çáèð÷áíèý áðáèá í æéáò Á-áí è íáðíáíí Èçðáèèý. Ñíæáíí í çáèííó Óíðü ñðçí æéáòí òéáí è æáííè çáèð÷áíèý á ááá ýòáíá: ñí áðáá ñíáðáòáòííý èèáòèí («íííýíáíèá» èèè «ííí íèáèá»), á çáòáí - íèííèí («áðáèííí-áòáíèá»). Èáè í ú òéá áíáíðèèè, ááðíáíèá Óíðü íá Ñèíáá áíííèíýèí ðíèü èèáòèíí á áðáèííí-áòáíèè Á-áí è Èçðáèèý, òíáá èáè áí áíèè ííèííóá áðá-íúè ñðçáááò ííííáíòáèáí ñí ðèòáííí ýòí Í íóèááð, èíáá áí íáííáááò áííòðíáí íáò áá-íúè áíí.

Èíí Èèíóð - ááííü á èíóíðíè Í íóá ááííü áíèè Áóíðíá Ñèðèæáèè çááíòá, ñòááòèá ñáèáòáèííòáíí ñíáðáèííèý çááíòá íá áðá Ñèíáè, - ýòí ááííü ííí íèáèè Èçðáèèý ñ Á-áí. Óáèèí íáðáçíí, 15 ááá íèèòáòáíðýáò áñçìæááíèá, èíóíðíá íííèáááò çá ááèèèí íááíèáí 9 ááá, íòíá-áíííü ðáçðóáíèáí Óðáí á Áíò íí-áí ó 15 ááá - ááííü ðáíííòè. Á ýòíò ááííü íú íðáçáííí íèííí-áòáèíííá ííííáíòáèáí èá áðáèá, èíáá ñí ðèòáííí Í íóèááð íáííòíèò Èíèóíèáíèá

Íííèá ðáííèáçá í «áííáðýò Ñèíííèèá, áíòíáýííèò çá áðíáíèèð ñòáííó è òáíòòðííèò ñááè áèííááíèèíá» è í òíí, ÷òí áíýèèè, «ó èíá íáò æáííü, èááò òóáá», ÷òíáí íáèòè íááííòó Óáèí óá (Óááíèí 31á) íáðáííáèò è ííèíáíèð òðáò èáòáíðèè «áí÷ááè» è òíá, èáè èáæááý èç íèò áíèèèèááò ñáíèò æáíèòíá

×òí áíáíðýò òá èç íèò, ÷òí èðáíèáí? «Èüèòá èðáííòó èáí æáííèíá - áèý èðáííòü».

×òí áíáíðýò òá èòí èç áèááðíáííè ñáííè? «Èüèòáííí íð, èáí æáííèíá - áèý ááðáè».

×òí áíáíðýò òá èòí íáèðáíèáí? «Áíçíí èòá áí èí ý Í ááá, òíòý áí ááí í ðèòèííí òèðáíèòü íáí áðááòáííí è èáí áííýí è».

Áðáè Á-áí è Èçðáèèý òáèèá í íáðáçíí áááò ýòè òðè èáòáíðèè «Í ááííò». Ñááèè áóò Èçðáèèý áíòü «íðáèðáíííá» áóòè, áóòè «èç áèááðíáíííá ðíáá» è áíòü «íáèðáíèáíá áóòè». È áíí ííè í ðèáíííýò áíííèíèòáèíí íá èçí áðáíèá á íáèè íòííóáíèý ñ Á-áí.

Èðáíáí

Хасидские наставники учат, что есть два рода любви. Есть любовь, что порождена разумом и сердцем человека, когда некий объект выделяется среди иных объектов. Ибо он – совершеннее их и желаннее, чем они, – и тем привлекает. И удерживает внимание, а из длительного созерцания рождается любовь и привязанность к этому объекту.

И есть иной вид любви: любовь, которая не рождается в человеке, а рождена с ним самим – он даже может не осознавать ее. Однако она изначально присутствует в его сердце – это естественная привязанность и влечение, вложенные в человеческую душу.

Принцип, изложенный в Дворим (6:5), – «Люби Б-га» – важнейший компонент нашей связи со Всемогущим. Кроме того, что любовь к Б-гу – одна из 613 мицвоис, Бжественных заповедей, она также и предпосылка правильного соблюдения всех остальных заповедей.

Если мицвойс исполняются без любви к Б-гу, то их исполнение носит механический и случайный характер. В книге Тания (гл. 4) об этом сказано: Лишь любящий Бга служит Ему во всей полноте, не отступаясь.

Наша любовь к Б-гу соединяет в себе оба рода любви. Изучая Тору – откровение Б-га о Себе, размышляя над этими истинами и постигая их, человек формирует в своей душе любовь к Нему – желание стать ближе к Б-гу, Его великому и величественному бытию, соединиться с Ним.

И, как сказано в Талмуде (Таанис, 2а), одна из первейших функций молитвы, «служения сердца», вызвать в молящемся чувство любви к Творцу путем внутреннего созерцания Его величия. Одно из значений ивритского слова, которым обозначается молитва – тфила, – «привязанность, прикрепленность».

Однако и тот, кто не преуспел в обретении «сотворенной любви» на путях постижения Торы и молитвы, может достичь любви Б-га. Может, если даст родиться в душе своей той любви, какой обладает каждый из нас. Ибо она «унаследована от праотцев наших», – объяснено в книге Тания (гл. 18).

Авраам, первый еврей, был воплощением любви к Б-гу. «Авраам, возлюбивший Меня», – таковы были слова Б-га к пророку Ишаю (41:8). И Б-г наделил Авраама даром «праотцовства» – способностью передавать эту любовь своим потомкам как наследство. Поэтому каждый еврей обладает любовью Авраама к Б-гу – она «записана» в его «духовных генах». Эта любовь является у нас, евреев, врожденным свойством. Она пребывает на бессознательном уровне, подавленная суетностью материальной жизни. Но в любой момент эта любовь может пробудиться и стать нам подспорьем в соблюдении мицвойс, наполнив их живой жизнью.

Стоит ли говорить о том, какие преимущества дает нам этот второй род любви? Она свойственна от рождения каждому еврею, и точно так же он наделен способностью осуществить эту любовь в реальной жизни. Осуществить – вне зависимости от того, обладает ли он всей глубиной духовной «чувствительности» и навыками углубленного размышления и погружения в мудрость Торы.

Более того, «сотворенная любовь» всегда будет ограничена конечными способностями нашего разума и сердца (а корень любви все же – сердце). И к тому же она зависит от нашего интеллектуального и эмоционального состояния в тот или иной момент. То есть ее интенсивность определяется внешними обстоятельствами.

Что же касается врожденной, соприродной нам любви к Б-гу, то, будучи даром Б-га, она – бесконечна. И такая любовь уже вовсе не зависит от обстоятельств.

Однако у «сотворенной» любви есть свои преимущества. Она – сущностно беднее и ограниченнее, но переживается интенсивнее и осознаннее. Это заложено в самой нашей природе. Ибо то, что создано нами самими, для нас – дороже самого ценного дара, полученного просто так. А то, к осознанию чего мы пришли сами, более ценно, чем то, чему научили нас величайшие из учителей. И поэтому, пусть даже ожившая врожденная любовь к Б-гу делает нас ревностными в соблюдении мицвойс и мы испытываем от этого особый подъем, все же мы стремимся к тому, чтобы обогатить нашу связь с Б-гом переживанием экстаза и вовлеченности во всей ее полноте. А это способна дать нам лишь та любовь, что порождена нами. Та любовь, которая берет начало в наших собственных способностях и в усилиях. В Талмуде Эрувин (63а) сказано: «Хотя пламя сходит [на алтарь] с Небес, необходимо также возжигать пламя от рук человеческих».

Аа́а́а́а́а́а́ а́а́а́а́а́а́а́

Теперь мы можем лучше понять глубинное значение тех определений, что даны в Талмуде дочерям иерусалимским, в день 15 ава танцующим среди виноградников танец, столь связанный с любовным ухаживанием. Они – «прекрасные собою», «благородного рода» и «некрасивые». Танцующие девы иерусалимские, выкликающие свои достоинства перед возможными женихами, эхом вторят душам Израиля, зывающим к Небесному Жениху. Среди них есть души во всем прекрасные, достигшие совершенства в любви к Всемогущему. Совершенства, названного «наилучшим в обоих мирах»: им введомая страстная «сотворенная» любовь, опирающаяся на дар врожденной любви. «Женщина – для красоты» – зывают эти души к Б-гу: возьми нас как Твою невесту! Нашим же даром Тебе будет то наслаждение, что испытываешь Ты, видя, как Твое творение реализует потенциал совершенства, Тобою вложенный в него.

Следом идут души «из благородного рода». Мы, – зывают они к Б-гу, – не можем предложить Тебе безупречную красу наших сестер, исполненных всяческого совершенства. Но мы взрастили, заставив пробиться к свету из тьмы, ту наследственную любовь, что Ты вложил в нас. «Женщина – для детей»: мы не можем привнести в отношения с Женихом красоту, но принесем плод – мицвойс, их исполнение порождено нашей природной любовью к Тебе. И разве не сотворил Ты этот мир во имя того, чтобы он исполнял Твою волю? Наша любовь к Тебе не будет выражаться в смятении всех наших чувств, не будет освещать своим светом всю нашу жизнь. Но мы предлагаем Тебе все богатства и честь нашего рода – благие деяния, осязаемые как приверженность Израиля Творцу, переходящую из поколения в поколение.

Что же некрасивые? Те, кто ни разумом, ни сердцем не возжелал Творца и в ком при этом не пробудилась верность Ему, переходящая из поколения в поколение? Те, в ком не оформилась любовь «сотворенная» и чья врожденная любовь продолжает дремать, задавленная их апатией, равнодушием и склонностью к беззаконию? «Возьмите, во имя Неба!», «Сделай сие ради Него, если не ради нас» – зывают «некрасивые» души Израиля. Возьми нас, да будем мы Твоими, вопреки нашему облику. Ибо один Ты знаешь, что под этим обликом погребено. Один Ты знаешь, воистину, что Ты можешь в нас пробудить. Ибо сказано в Талмуде (Недорим, 66а): «Прекрасны дочери Израиля, но бедностью скрыта краса их». Тебе ведомо, что наш

«лишенный всякой красоты» облик не есть наша истинная сущность, но следствие духовной бедности, довлеющей над нами в голусе.

И если мы не способны осознать свою потенциальную красоту и плодovitость, то остается иное: Ты «украшишь нас драгоценными камнями». Ибо – Ты прольешь на нас дары, которые пробудят в нас те сущностные узы, которыми мы с Тобой связаны. Воистину – лишь тогда наша прирожденная красота станет явной.

Yééáá

ÁÚÁÍDÌ ÍŌÁ

È mōaē ñ ādū, à ādā ādāā íāí, è ááá Nēdēaāēē Nīpçā - á íāāēō dōeāō ñ iēō. È oāēāēē ŷ, ÷ōí āíō, māāēēēē āí ídāā Á-āí, Áíāíēēū ūí āāēēí, íāāēēē íāāā ēēōíā oāēūā, mōēēē āí āíñōōí ñ íōōē, ēíōíōūē oēāçāē āāí Á-ā È mōāōēēē ŷ íāā Nēdēaāēē, è ādīñēē ēō íāāēē è dōēāí è ñ íēí è, è dāçāēē ēō ó āāí íā āēāçāō.

Áāíōēí, 9:15-17

Áíñē È ÍŌÁ āāēāēē Nēdēaāēē Çāāíōā - Nīpçā ñ íāāíāí ēçāāííūí - á dōēāō, òíāāā íí-āí ó ñēāçāíí, ÷ōí, āíçāēāā ēō dāçāēōū íí «ñāāōēē íāā Nēdēaāēē»?

Í ēāāō ííŷñŷāō ŷōí oāēēí íāāçāíí - È ÍŌÁ āāēāēē Nēdēaāēē íā íāēí.

Dāçí ādū Nēdēaāēēē dāāíŷēēñí oāíōē ēāāíŷŷí á āēēíō ē oōāí ēāāíŷŷí á oēdēíō Ñ íāííā ēōāŷ íā āāā ēāāííē ēō āēēíū ííē ííēíēēñí á dōēāō È ÍŌÁ á ñ ādāāā - ííāāāēēāēēñí Á-āí íā āíā āāā ēāāííē. Oāēíā ííŷñ āíēā āāí í āēāāā Yééáá (11) È ēāāāē Oāíōōí ā, à oāēāā á Oāāíēñ (4:5) È ādīñēēí ñēíā Oāēíōā. È ÍŌÁ íŌŷíōē íā ñāŷ, āā ídēōíí oāē, ÷ōí āíñāōēēē Nēdēaāēē, è - dāçāēē ēō.

Èōí āíā ēç ēpāāē oāē íōíāēāíōāēŷēñŷ ñ Ōíōíē, ēāē È ÍŌÁ? «Íí íēōā Ōíōō È ÍŌÁ dāāā È íāā», - ñēāçāíí ó Ōíōíēā È āēāōē (3:22). Á í oāāōū á Ōí íēñ Dāāā, ēñ í āíōēōŷ 34-p āēāāí ííŷñŷpō ŷōē ñēíāā Ōíōū ñēāāpūēí íāāçāíí.

«Oāē ēāē íí íōāāē çā íāā ēēçíū (Ōíōā Á-āí) íāçāíí á āā ēí āíāí ».

Í ū çāāí íāōāñ āāēē-āēōāñ íōíōíēā È ÍŌÁ Dāāēíō «È ÍŌÁ íāō ó-ēōāēū», oāē ēāē ñūííñōū āā ēēçíē ññōíŷēā á oōí, ÷ōíāū ííēō-ēōū Ōíōō íā ādā Nēíāē è āííāñēē āí āí ēpāāē, āí íāāíā ēçāāí íāā.

×ōí āēā òíāāā ííāñēēí È ÍŌÁ, ēíāāā íí íāñ Ōíōō ñ ādū, āēēāēñŷí āíñāōū āí ó Á-āí è dāçāēōū íā ēñēē?

«Í ā āēāçāō ó āññā Èçāēēŷ»

«Заключительная строка» часто используется оратором и журналистом как средство подчеркнуть смысл сказанного. Ведь нередко самое главное выносится в конец для того, чтобы лучше помнилось.

Этот прием мы можем обнаружить и в Торе. Одно из главных правил закона и экзегезы Торы, как сказано в Талмуде Брохойс (12а), – «Во всем руководствоваться завершением высказывания».

Тем удивительнее, что заключительные слова Торы фактически являются хвалой Моше за то, что он разбил Скрижали Завета. На этом подробно останавливались все серьезные комментаторы Торы.

Венчающая последнюю книгу Торы, Дворим, глава начиная со стиха 34, 1-12, посвящена рассказу о дне, завершающем жизнь Моше. Заметим, что для «Торы Моше» это – действительно самое подобающее «завершение». Ибо еврейская традиция считает момент успеха праведника и праведницы наивысшей точкой жизненного пути.

Это – точка, в которой «все деяния, наставления и труды» достигают окончательной реализации, поясняет Тания (IV, гл. 27). «День смерти (лучше) дня рождения» – так сказал в Коэлес (7:1) царь Шломо.

Но, рассказав, как Моше взшел на гору Нево и обвел взором всю Святую землю, и поведав о смерти и погребении Моше, в финальных строках главы Дворим (34:10-12) Тора перечисляет его величайшие деяния.

«И не было более пророка в Израиле, подобного Моше, которого знал Б-г лицом к лицу, – по всем знаменаниям и чудесам, которые посылал его Б-г совершать в стране Египетской... по всем могучим деяниям, и по всем страшным свершениям, которые совершил Моше на глазах у всего Израиля».

К каким же свершениям Моше отсылает Тора в этих заключительных словах: «которые совершил Моше на глазах у всего Израиля»?

Раши, величайший из комментаторов Торы, применил здесь метод истолкования, известный как «отождествление выражений», гзейра шова. Вот его суть: когда идентичное выражение – в данном случае «на глазах» – появляется в Торе в двух разных контекстах, тогда оно указывает на тождественное значение в том и другом случаях. Гзейра шова является одним из «Тринадцати методов истолкования Торы».

Применив этот метод, Раши видит здесь отсылку к предыдущей главе, а именно – к тому ее месту, где Моше рассказывает, как он разбил Скрижали «на глазах» Израиля:

«Свершения, которые совершил Моше на глазах у всего Израиля» – относится к тому, что сердце побудило его разбить Скрижали у них на глазах, как сказано: «И я разбил их на ваших глазах» – пишет Раши в своем комментарии на этот 12-й стих главы 34 книги Дворим.

На первый взгляд кажется, что этот поступок Моше – сколь бы ни был он необходим, – с одной стороны, противоречит его миссии носителя Торы. А с другой стороны – умаляет саму роль Торы, являющейся

наставлением человечеству, данным Самим Б-гом. Однако же Тора выделяет этот эпизод, делая его заключительным в повествовании о жизни Моше и – последними строками всего текста.

Иными словами, принимая правило «во всем руководствоваться заключением высказывания», делаем вывод: разбиение Скрижалей – не только самое важное деяние в жизни Моше, но и самое важное сообщение в Торе, наиболее полно раскрывающее ее характер!

Ада-іуе еіі одаео

В Мидраше Танхума, Ки Сейцей (30) есть притча о некоем царе, который отправился в дальнее странствие, оставив свою невесту на попечение служанок. Служанки же эти отличались испорченностью, и вот вскоре разползлись слухи о неверности самой невесты. Царь тоже об этом прослышал и объявил, что убьет невесту. Когда об этом узнал один из ее телохранителей, он разорвал брачный контракт, заявив: «Если царь скажет: “Моя жена сделала то-то и то-то”, ответом на это будет: “Она еще не жена тебе”».

(Несколько иную версию притчи цитирует Раши, комментируя Шмойс, 34:1.)

Мидраш продолжает эту метафору, объясняя, почему Б-г повелел Моше самому вырезать вторые Скрижали: ведь «рукой Самого Б-га» были вырезаны первые Скрижали. Итак:

«Царь же дознался, и выяснил, что виною всему – поведение служанок. И примирился с невестою.

А телохранитель ее сказал царю:

– Господин, напишите новый брачный контракт, ибо тот был порван.

На что царь ответил:

– Ты порвал контракт – тебе и приносить для него пергамент, на котором я буду писать...

Так, когда Б-г простил [еврейский народ], Он объявил Моше: “...Вырежь две скрижали каменные [подобные первым, и я напишу на них, что было написано на скрижалях, тобою разбитых]”».

Царь из притчи, поясняет Мидраш, это – Б-г, невеста – народ Израиля, испорченные служанки – эйрев рав (то «пестрое множество», что присоединилось к евреям во время Исхода и которое ответственно за изготовление золотого тельца), телохранитель невесты – Моше, а брачный контракт – Тора.

Когда Б-г пожелал уничтожить Израиль, ибо тот поклонялся золотому тельцу, Моше разбил Скрижали, на которых Б-г начертал суть Своего завета с евреями. А значит – тем самым потеряли силу брачные узы, которые преступил Израиль. И следует вывод – у Б-га не стало оснований для наказания неверной невесты.

И Тора высшей из заслуг Моше считает его абсолютную преданность еврейскому народу – преданность, которая была выше даже его преданности Торе. Ибо, когда под угрозой оказалось само существование Израиля, тогда Моше «разорвал брачный контракт» для того, чтобы «спасти невесту». Моше ни у кого не спрашивал, в том числе и у Б-га, что ему делать в этой ситуации. Когда встал выбор между Торой и Израилем, преданность Моше своему народу превысила все остальное, включая и то, что было глубочайшей внутренней сутью самого Моше. Именно поэтому тот решительный поступок, когда Моше разбил Скрижали, был величайшим деянием его жизни. Все остальное, совершенное им, было свершено по указанию и с дозволения Б-га.

Именно Б-г повелел ему вывести евреев из Египта и дал на это силы, Б-г заставил Красное море расступиться перед евреями, Б-г сделал Моше носителем Своей мудрости и воли. Все, творимое Моше, творилось им по воле Б-га. Но когда Моше разбил Скрижали, это была его собственная инициатива. В этом случае он боролся с Б-гом. Ибо – сказано же: «схватил» Скрижали, то есть – вырвал их у Б-га. И совершил такое – только ради того, чтобы спасти народ Израиля. Разбивая Скрижали, Моше действовал на свой страх и риск. И это действие совершенно противоречило его миссии носителя Торы, которую он должен был от Б-га передать миру. В этот момент он не ведал, что Б-г заменит разбитые Скрижали другими. Значит – тем самым Моше во имя своего народа – ставил под угрозу сам смысл своего бытия.

При этом, совершая самый горький поступок в своей жизни, поступок, который обесценивал весь ее смысл, Моше не удалился от людей. Но совершил его «на глазах у всего Израиля» – в Торе это подчеркнуто и сказано неоднократно.

Более того, именно эти слова становятся заключительными словами Торы. Ибо Моше тем самым хотел показать всему Израилю – и будущим поколениям, – сколь высока ответственность вождя перед своим народом. Ради народа своего вождь должен быть готов пожертвовать не только физической жизнью, но самой своей душой и духовной сущностью.

І адаіе ідаеі адаіо

Тора не только говорит о том, что Б-г одобрил Моше, разбившего Скрижали. Тора объявляет, что предпочтение, отданное Моше существованию самого народа Израиля над «брачным контрактом», им заключенным, было величайшим деянием величайшего из пророков. Более того, Тора делает этот эпизод своим заключительным сообщением. Тем самым Тора объявляет, что ее существование – вторично по отношению к существованию народа Израиля.

В Мидраше Тана Двей Элиёу Раба об этом в главе 14 сказано следующее:

«Две сущности предшествовали сотворению мира Б-гом: Тора и Израиль. Неведомо, что из них чему предшествовало. Но когда Тора говорит: “Скажи сынам Израиля”, “Заповедано сынам Израиля”, – я знаю, что Израиль предшествовал всему».

Иными словами, если мир был сотворен Б-гом с тем, чтобы народ Израиля исполнил Его волю, явленную в Торе, то представления об «Израиле» и «Торе» должны предшествовать в «сознании» Б-га

представлению о «мире». Однако здесь уместно решить ряд вопросов. Которое из двух представлений – о Торе, или об Израиле – глубже уходит корнями в «сознание» Б-га?

Существует ли Израиль, чтобы исполнилась Тора? Или же Тора существует во имя того, чтобы служить Израилю в выполнении его миссии и осуществлении связи народа и Б-га?

В Мидраше сказано: если Торе дано определение как «сказанного Израилю», то Израиль – первичен по отношению к Торе. Без народа Израиля, который исполнит ее слова, не может быть Торы. Ибо сама идея Торы присутствует в «сознании» Б-га как средство, благодаря которому осуществляется духовная связь между Б-гом и Его народом.

Поэтому, когда в Торе говорится о том, как были разбиты Скрижали, то это – отнюдь не повествование об уничтожении Торы. Напротив – речь идет о спасении Торы. Если действия Моше спасли Израиль от уничтожения, тогда тем самым им была спасена от уничтожения Тора. Ибо сама «идея» Торы зависит от существования избранного народа.

Так же «устная» Тора рассматривает вопрос о спасении жизни еврея. «Ради него да нарушишь святость одного Шабоса, ибо он сможет тогда соблюдать множество последующих Шабосов» – сказано в Талмуде (Шабос, 151б). Нарушение единственного Шабоса рассматривается в данном случае как способ вообще сохранить Шабос.

С другой стороны, «Израиль, пусть он совершил прегрешение, остается Израилем» – сказано в другом трактате Талмуда, Сангедрин (44а). Узы, изначально существующие между Б-гом и Его народом, обретают актуальное бытие через соблюдение заповедей Торы, но не зависят от этого. И даже когда еврей преступает Тору, Б-г это прощает, ибо еврей не перестает быть евреем. Именно поэтому у нас существует целый круг представлений о тшува – «возвращении». Даже когда еврей нанес ущерб своей связи с Б-гом, нарушив законы Торы, которые эту связь определяют, он может выйти за рамки определений Торы и восстановить узы, соединяющие его с Б-гом. Восстановить эти узы следует посредством тшува – на путях стремления, раскаяния и решимости.

Ī aḥō aēāy ĩ à Eḥōī ēāī ēē

Доходящая до самозабвения преданность Моше своему народу была ему свойственна с самого начала, с самых первых его шагов в роли вождя Израиля. Когда Б-г в первый раз явился Моше в горящем кусте и повелел ему вывести евреев из Египта, Моше отказался. Семь суток Моше спорил с Б-гом. В главе Торы (Шмойс, 4:13) приводится этот диалог, когда Моше молил Б-га не посылать его:

«Прости меня, Г-сподь, но пошли того, кого Ты всегда посылаешь».

И далее Тора в следующем стихе говорит: «И разгневался Б-г на Моше».

Следует ли это понимать так, что народ Израиля томится под египетским игом, а избранный Б-гом избавитель отказывается от своей миссии?

Но ведь Моше просит: «пошли того, кого Ты всегда посылаешь», вместо меня. Почему же он отказывается идти? Или причиной тому – скромность Моше? Действительно, Тора в главе Бемидбар (12:3) говорит нам: «Моше был скромнейшим из всех людей, что на земле». Но несомненно, однако, Моше и помыслить не мог, чтобы его скромность стала помехой для спасения еврейского народа.

Мудрецы поясняют, что Моше знал – ему не будет дано ввести Израиль в Святую землю и тем достичь окончательного избавления еврейского народа. Он знал, что Израиль обречен вновь уйти в изгнание, вновь страдать от физического и духовного притеснения, связанного с существованием среди других народов, в рассеянии – в голусе.

И именно с этим связан отказ Моше, комментирует Раши данный стих Торы. О чем молит Моше? Он просит: не посылай меня, пошли сейчас того, кого Ты намерен послать в конце времен. Если пришло время для спасения Израиля, пусть придет Мошиах, через которого Тобюю будет ниспослано полное и вечное Избавление. Как поясняет тот же стих Мидраш Леках Тов, семь суток напролет Моше во имя своего народа оспаривал вердикт Б-га для истории. Оспаривал – рискуя навлечь на себя Б-жий гнев.

Моше так и не смирился с решением, что Израиль вновь обречен пройти через голус. Приняв на себя, по жесткому велению Б-га, миссию вывести Израиль из Египта, он взвалил также на свои плечи и иное величайшее деяние: всю жизнь он пытался добиться полного и окончательного Искупления. Так, в самый последний день своей жизни Моше молил Б-га позволить ему ввести Израиль в Святую землю. Ибо тогда навечно осел бы Израиль на этой земле, и Б-г пребывал бы среди Своего народа.

Деяния Моше вечны, сказано в Талмуде Сота (9а). Потому и Мишкан – святилище, что построил Моше в пустыне, – никогда не был разрушен. Если бы сам Моше поселил народ Израиля на назначенной ему Святой земле, – безусловно, не случилось бы и последующего изгнания, сказано в Мегила Амукойс (разд. 185).

До самого последнего дня, рискуя навлечь на себя гнев Б-га, Моше пытался добиться окончательного Искупления. Приведены в Дворим (3:23-26) слова самого Моше:

«И молился я Б-гу в то время, говоря... “Дай мне перейти, и увижу я эту хорошую страну, что по ту сторону Иордана, прекрасную гору эту [Иерусалим] и Ливан [Храм]!” Но разгневался Б-г на меня из-за вас... и сказал мне Б-г: “Полно тебе, не говори Мне больше об этом!”».

Б-г сказал: «Полно тебе», – но Моше не умолк. Ибо и после того, как кончилась его жизнь, Моше продолжает молить Б-га.

твари. Человек не может жить без растительных и минеральных компонентов пищи. Их потребление связано с самым простым и фундаментальным мотивом: именно они и поддерживают само физическое существование человека.

Мясо же не является для человека жизненно важным элементом питания. Скорее, это – роскошь. Тем самым, желание мяса не связано с необходимостью. Это – желание в чистом его виде, желание испытать удовольствие. Иными словами, животные возвышаются потому, что их плоть входит в состав человеческого тела. И их души соучаствуют в Б-гоугодных деяниях только потому, что Б-г вложил желание наслаждения в саму природу человека. Из этого следует вывод: чтобы возвысить мясо, от человека требуется гораздо большая духовная чувствительность, чем это нужно, когда он ест иные продукты.

Когда человек съедает ломоть хлеба, а потом изучает Тору, молится и занят делами благотворительности, тогда съеденный хлеб непосредственно перетекает в эти деяния. Чтобы совершать их, душа человека должна быть соединена с телом. И кусок хлеба для этого насущно необходим. Человек ест хлеб для того, чтобы жить. Но если он живет для того, чтобы выполнять волю Бга, тогда полностью осуществляется связь, о которой мы говорим.

Но мясо человек ест не просто для того, чтобы жить, а чтобы наслаждаться его вкусом. В этом случае недостаточно, чтобы тот человек жил во имя служения Б-гу, и тогда мясо будет должным образом возвышено; необходимо, чтобы для человека само физическое удовольствие было одним из напоминаний о Б-ге, выражением стремления к Б-гу, когда все – есть свидетельство о Создателе и все – ступенька к постижению Его.

Ōēāā ē ī yīm

Для «возвышения» мяса необходим человек, физическое удовлетворение которого, вызванное вкусной трапезой, находит последующее выражение в более глубоком постижении Торы. В большей ревности в молитве, в улыбке, которой он сопровождает монету, подаваемую нищему.

В Талмуде (Йома, 76б) тому есть пояснения. И на тот же стих есть комментарий в трактате Бава Кама (72а). В книге Тания (гл. 7) «хлеб» и «мясо» выступают в этом контексте прототипами необходимости и желания. В таком контексте пирожное или яхта будут «мясом». Тогда как кусок мяса, съеденный ради того, чтобы душа не рассталась с телом, подпадает под категорию «хлеба».

В Торе сказано: «Когда расширит Б-г, Всесильный твой, пределы твои, как обещал... сколько угодно душе твоей ешь мяса».

Рабби Ишмаэл в Талмуде (Хулин, 16б) дает этому следующее истолкование: «Изначально было запрещено есть “мясо желания” (босор таава); только после того как вошли они в Землю [Израиля], им было разрешено есть мясо, когда возжелают».

Рабби Акива (там же, 17а) истолковывает этот стих иначе. Он считает, что слова «когда расширит Б-г, Всесильный твой, пределы твои» указывают не на само позволение «сколько угодно душе твоей есть мяса». Нет, они указывают на сказанное далее: «зарезь из крупного и мелкого скота твоего, который дал тебе Б-г, как Я заповедовал тебе». Тем самым, согласно рабби Акиве «мясо желания» не только было разрешено есть в пустыне. Более того, было разрешено также есть мясо скота, забитого без соблюдения шхита, – предписанного Алохой способа забоя, обеспечивающего кошерность. Тогда как после вхождения Израиля в Святую Землю шхита стал обязательным условием.

При всем этом, глубинное значение закона, выводимого из интересующего нас стиха рабби Акивой, в сущности идентично закону, утверждаемому рабби Ишмаэлем. Шхита означает «продвижение вперед» согласно Талмуду (Кидушин, 82а). Забой животных в соответствии с данным от Б-га законом шхита делает возможным само «возвышение»: когда животное переходит из своего природного состояния в ту сферу жизни, где все подчинено служению Творцу. В пустыне применение закона о шхита ограничивалось теми животными, которых приносили в жертву на алтаре. Ибо только их можно было «возвысить» таким образом, чтобы соблюдались все требования закона.

Āîcāîōāîēā

Различия между пояснениями рабби Ишмаэля и рабби Акивы состоят лишь в одном. Рабби Ишмаэль считает: так как «возвышение» «мяса желания» в пустыне было невозможно, то употреблять его в пищу было запрещено. Тогда как рабби Акива настаивает на том, что это дозволялось, – пусть даже полное и правильное «возвышение» такого рода пищи и было тогда невозможно.

Для первого поколения в истории Израиля, осознавшего себя народом, то есть от момента получения Торы и постройки Шатра Собраний в Синайской пустыне до заселения Святой земли, единственное мясо, разрешенное евреям, – корбонойс. Это мясо животных, принесенных в жертву на алтаре. Употребление этого мяса в пищу было предписано мицвой. Тем самым «возвышение» происходило в силу того, что само поедание этого мяса было прямым исполнением воли Б-га.

Однако в пустыне евреи не обладали возможностью возвысить «мясо желания» – то, которое потреблялось в пищу ради наслаждения. Потому употребление всякого иного мяса, кроме мяса жертв, было запрещено. В самом деле, Тора говорит о том, что желавшие иного мяса, кроме мяса жертв, подвергались порицанию и наказанию. Об этом прямо сказано в 11-й главе книги Торы Бемидбар и в комментарии Раши на стихи 7, 8 главы 16 другой книги Торы – Шмойс.

Лишь после того как Б-г «расширил пределы» Израиля, дав ему право на определение «святой» при слове «земля», евреи стали способны освящать даже те области жизни, которые принадлежат всецело материальному. И то, что было прецедентом еврейской истории, стало также прецедентом истории человечества. Изначально человеку было даровано право есть «всякую траву семеноносную, которая на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, семеноносный» – сказано в Брейшис (1:29). Только после потопа, когда мир был наделен большей духовностью, чем ранее, Б-г сказал Ноаху: «все движущееся, что живет, будет вам для еды» (там же, 9:3).

Соответственно, мудрецы Талмуда (Псохим, 49б) говорят, что «низкому человеку запрещено есть мясо». Человеку даровано право пользоваться всем тем, что существует в мире, и подчинять этот мир себе. Однако же это – право, данное на определенных условиях. Предполагается, что человек будет внимателен к духовной сущности Б-жних созданий. И что он сам послужит им, приобщив их жизни, причастной священному. Только осознание духовного горизонта дает человеку истинное право наслаждаться жареным куском мяса.

Избранность – это атрибут скромности, а не высокомерия. «Будь смиренным перед всяким человеком», учит Мишна в трактате Овойс. Не забудем также, что за избранность наши предки были готовы страдать и жертвовать собой. В этом идея Б-гоизбранности еврейского народа диаметрально противоположна любому проявлению национального шовинизма.

Но разве можно быть скромным, осознавая свою избранность? Этот вопрос напоминает известный анекдот о королевском сыне, который никак не мог жениться. И лишь потому, что во всем королевстве невозможно было найти девушку под стать ему: столь же образованную, столь же красивую, столь же благородную, как наш королевич.

Король, обеспокоенный судьбой своего сына, пришел к выводу, что наследнику престола не хватает одного – скромности. Он отправил сына в специальную школу, где его должны были научить скромности. Когда королевич вернулся домой, отец опять столкнулся с той же проблемой: сын все так же отвергал самых лучших невест. Видя недоумение отца, он объяснил свое поведение следующим образом:

– А теперь я и подавно никого не смогу себе подыскать. Ведь теперь ко всем моим достоинствам прибавилась еще и скромность!

...Чтобы избежать недоразумений, скажем прямо: в иудаизме скромность, смирение занимают центральное место. Талмуд говорит, что «спесивый, надменный человек подобен идолопоклоннику». Внутренний смысл этого изречения в том, что вся сущность Торы – признание Единой Абсолютной монотеистической Реальности, вне Которой ничто независимо не существует.

Тот, кто ощущает свою собственную значимость, тем более – превосходство, тот отрывается от Б-жественной реальности, то есть как бы признает существование других богов. А это противоречит иудаизму в корне.

О нашем Учителе Моше сказано, что он был «кротчайшим», то есть скромнейшим человеком «из всех людей на земле». Но как мог Моше, зная, что на него возложена величайшая в истории человечества Б-жественная миссия, оставаться скромнейшим из людей? Ответ в том, что Моше, осознавая величие своей миссии, знал также, что она, эта миссия, была возложена на него Свыше. Такова была Воля Б-жъя. Если бы та же задача была возложена на другого человека, – считал Моше, – то тот бы справился с ней не хуже. Его личные заслуги не играли никакой роли. Моше преклонялся перед достоинствами любого человека, даже из низов народа.

Но миссия была возложена на него, на Моше. И исполнение ее было главным долгом его жизни.

АААОНОІ АНЭЕА І ІАІНОЕ ОАААДАОЕЕ АДАЭНЭЕО ІАУЕІ АДАЭНЭАВ ІАУЕІА ДІННЭЕ ІІААІАЕОЕОІАЕ АІАА

В Московском еврейском общинном центре состоялась презентация годового отчета Федерации еврейских общин России (ФЕОР) за 5762 год по еврейскому летосчислению (2001 – 2002 гг.).

В торжественном вечере приняли участие почетные гости – представители правительства РФ, депутаты Государственной Думы, правительства Москвы, посольства Израиля в России, видные общественные деятели, мастера культуры и искусства.

Рутинное, «протокольное» мероприятие, каким является представление отчета о деятельности за истекший год, стало настоящим праздником, который вел народный артист России Эммануил Виторган.

Программа вечера открылась небольшим документальным фильмом, наглядно представившим основные направления деятельности ФЕОР и результаты ее работы за истекший год. Главный раввин России Берл Лазар, исполнительный вице-президент Федерации Александр Борода и ее исполнительный директор Валерий Энгель рассказали о наиболее важных и значимых событиях еврейской жизни Российской Федерации, в центре которых стояла ФЕОР. Они говорили также и о взаимодействии ФЕОР с другими еврейскими организациями в нашей стране и за рубежом.

– Человек должен творить свой духовный отчет не как бухгалтер, а как владелец компании, – подчеркнул Берл Лазар. – Его должны интересовать не только и не столько цифры и баланс, но и общая оценка результатов на перспективу. Для него важны не только и не столько размеры полученной прибыли, но и что надо сделать для того, чтобы дела компании пошли еще лучше. Поэтому, сколько бы полезного ни совершила Федерация еврейских общин России, мы стараемся год от года расширять свою деятельность.

Но все-таки «цифры и баланс» работы ФЕОР за истекший год впечатляют и сами по себе. На сегодняшний день Федерация еврейских общин является самой крупной еврейской организацией не только в России и в СНГ, но и во всей Европе. Количество зарегистрированных общин, входящих в состав Федерации, только за последний год выросло до 171. В рамках ФЕОР действуют 34 синагоги, из них 14 зданий – исторические, возвращенные евреям местными властями, и еще четыре приобретены на средства Федерации. Кроме того, сегодня ведется строительство или осуществляется капитальный ремонт еще шести синагог.

В трех десятках городов России работают 40 раввинов ФЕОР. В рамках Федерации действуют 10 крупных общинных центров, еще три – в стадии строительства, а 25 – в стадии проектирования. При общинах работают 17 семейных клубов, 24 библиотеки, 9 региональных лекториев, 8 спортклубов, 33 молодежных и 22 женских клуба.

За истекший год ФЕОР осуществила несколько масштабных проектов в области образования. Сейчас Федерация содержит 5 высших и 17 средних еврейских учебных заведений, 51 воскресную школу. Уже два года работает еврейский женский университет «Махон Хамеш». В этом году студенты и преподаватели въехали в новое здание площадью 6,5 тыс. кв. м., приобретенное ФЕОР в собственность. В новом здании начнет учебный год и ешива «Томхей Тмимим». С 2003 года начинает работу Международный университет XXI века: в нем студенты будут получать образование по иудаике, экономике, юриспруденции, истории и лингвистике. В этом году заработала программа подготовки учителей воскресных школ, которую ФЕОР осуществляет совместно с Открытым университетом Израиля. Второй год работают курсы повышения квалификации в области иудаики для учителей и председателей общин; заработали курсы повышения квалификации для учителей еврейских общеобразовательных школ.

Большое внимание ФЕОР уделяет реализации социальных и благотворительных проектов. За прошедший год распределено более 200 тонн продовольственной помощи. При общинах функционируют 38 центров благотворительности, из них 16 открыты в истекшем году; действуют 36 бесплатных столовых, 2 приюта, 6 пунктов бесплатной медицинской помощи, и столько же служб патронажного ухода за тяжелобольными людьми. В московском медицинском еврейском центре уже сегодня принимают 10 ведущих врачей Москвы. Для детей во время зимних и летних каникул организован отдых в 19 оздоровительных лагерях «Ган Исроэл», в том числе и на известных курортах. Участвуя в федеральной программе профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, ФЕОР оказала адресную помощь свыше 120 социальным приютам для детей в 52 субъектах РФ.

В общей сложности в прошлом году Федерация израсходовала на общинные, социальные и благотворительные проекты 30 миллионов долларов.

Все гости вечера получили книгу «Информационно-аналитический мониторинг за 5762 год. Евреи Российской Федерации». Издание подготовлено коллективом во главе с исполнительным директором ФЕОР В.Энгелем. Сборник содержит широкий спектр сведений о роли и значении еврейской общины в новой, демократической России, о взаимоотношениях еврейских организаций с органами государственной власти, о деятельности ФЕОР, направленной на укрепление солидарности с Израилем, на мобилизацию общественности против международного терроризма, антисемитизма и национально-религиозной нетерпимости, и т.д. Основной вывод книги таков: еврейская жизнь в России позитивно развивается; по темпам роста за последние

два года еврейские организации и общины вышли на первое место среди подобных национальных объединений в стране.

После выступлений на презентации отчета ФЕОР состоялось вручение премии «Человек года – 5672». Специально для этой торжественной церемонии выдающийся израильский скульптор Франк Мейслер изготовил десять фигурок еврейского скрипача. Каждая из них была вручена лауреату вместе с денежной премией за вклад в развитие еврейской жизни в России. Первыми лауреатами премии стали:

* корреспондент газеты «Коммерсант» Оксана Алексеева за серию репортажей о жизни еврейской общины – в номинации «Журналистика»;

* президент научно-просветительского фонда «Холокост» Алла Гербер – в номинации «Просветительская деятельность»;

* доктор исторических наук Геннадий Костырченко за книгу «Тайная политика Сталина» – в номинации «Книга года»;

* кинорежиссер Павел Чухрай за фильм «Дети из бездны» (продюсер Стивен Спилберг) – в номинации «Кинематография»;

* председатель Еврейской религиозной общины Самары Роман Бейгель – в номинации «Общинная жизнь»;

* директор Московского бюро по правам человека Александр Брод – в номинации «Правозащитная деятельность»;

* народный артист России, профессор Иосиф Кобзон – в номинации «Общественная деятельность»;

* президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев – в номинации «Меценатство»;

* продюсер Ян Ашкенази – в номинации «Культурное событие года»;

* президент регионального общественного фонда содействия развитию еврейских традиций, образования и культуры «Эзра» Аркадий Гайдамак – в номинации «Милосердие».

Награды лауреатам вручали популярные телеведущие Леонид Млечин и Лев Новоженев, губернатор Самарской области Константин Титов, режиссер Григорий Кантор, главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин, вице-президент ФЕОР Александр Борода, главный раввин России Берл Лазар. В ходе церемонии был показан фрагмент фильма Павла Чухрая «Дети из бездны», несколько популярных еврейских песен исполнил Иосиф Кобзон. Лауреатов премии «Человек года» и всех гостей приветствовали известный шансонье Михаил Шуфутинский и klezmerский ансамбль из Тулы «Алевай».

Вечер в Московском еврейском общинном центре стал не только серьезным разговором о насущных делах российского еврейства, но и ярким эмоциональным зрелищем, значительным событием в общественной и культурной жизни столицы.

נִיָּא עִיּוֹ.

יְבָרְכֶם אִי וְיִדְעִי בְּאֵי עֲדַיִתְיָ אֲבָדָאֵנִי עֹלָמִיתִי אֲנִי

Москву посетила делегация руководителей еврейских организаций США. В ее составе – председатель Конференции президентов крупнейших еврейских организаций США Джейм Тиш, председатель Лиги дружбы США-Израиль Мортимер Цукерман, президент Еврейского национального фонда Рональд Лаудер, президент Американского еврейского конгресса Джек Розен, председатель Американского еврейского комитета Харольд Таннер, председатель Национальной конференции в защиту советских евреев Робарт Мэтт и президент Антидиффамационной лиги Гленн Тобайас.

Делегация побывала в Московском еврейском общинном центре (МЕОЦ), куда одновременно с нею прибыли также министр израильского правительства по делам Иерусалима и диаспоры Натан Щаранский и президент Федерации еврейских общин СНГ, предприниматель и филантроп Леви Леваев.

Именно Натан Щаранский и Леви Леваев явились инициаторами и организаторами визита столь представительной делегации из США в Москву и встречи еврейских лидеров с российским президентом.

– Эта идея возникла в Израиле в момент обострения российско-американских отношений, а также обострения ситуации на Ближнем Востоке, – сказал журналистам перед встречей в Кремле израильский министр. – Лично я считаю необходимым прямой откровенный разговор между американскими еврейскими лидерами и российским президентом. Леви Леваев и я работали над этим вопросом. И я рад, что эта встреча состоится.

В тот же день в Кремле президент Российской Федерации Владимир Путин принял делегацию лидеров американского еврейства. Во встрече участвовали главный раввин России Берл Лазар и исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода.

Открывая встречу, президент Путин отметил, что «такие контакты становятся хорошей традицией». Он выразил уверенность в том, что американским гостям известно от своих российских коллег о жизни еврейской общины России, о стоящих перед нею проблемах и их решении.

Президент сообщил, что считает поддержание многонационального и многоконфессионального мира и согласия в стране «задачей первостепенного значения». И добавил: «У нас есть и проблемы, но уверен, что у нас есть и чем гордиться».

Некоторые объекты, связанные с жизнью еврейской общины России, как отметил Владимир Путин, – «это наша гордость». Среди них он назвал Московский еврейский общинный центр и синагогу в

Марьиной роще, которая, по словам президента, «представляет собой достаточно уникальное сооружение – возможно, единственное в мире».

Главный раввин России Берл Лазар выразил убежденность в том, что после этой встречи связи между российской и американской еврейскими общинами станут еще более тесными. По убеждению раввина, «это отразится и на российско-американских отношениях в целом, которым обе общины желают помогать».

Раввин Берл Лазар сообщил также, что у руководителей еврейских организаций США состоялась встреча «с видным представителем российской еврейской общины, израильским министром Натаном Щаранским».

Услышав, что Щаранский назван «представителем российской еврейской общины», Владимир Путин живо отреагировал: «Я не был бы против, если бы члены нашей еврейской общины были представлены в израильском правительстве, а может быть, и в правительствах других государств».

Председатель Конференции президентов крупнейших американских еврейских организаций Джеймс Тиш, обращаясь к президенту России, подчеркнул, что еврейские организации США «высоко ценят усилия, которые предпринимаются для развития отношений между еврейской общиной России и такими же общинами других стран». Он отметил, что цель представителей еврейской общественности США, приехавших с визитом в Москву, – развивать отношения России с Соединенными Штатами, а также с Израилем. По словам Тиша, в США видят, что «в российской еврейской общине произошли кардинальные изменения, позволяющие ей развиваться и расти». И добавил: «Мы готовы оказывать ей все возможное содействие». Тиш также отметил, что представители еврейских организаций, прибывшие на встречу с президентом России, «занимают очень высокие посты в крупнейших компаниях и корпорациях США» и что «при этом у многих из них российские корни и есть родственники в России».

На встрече обсуждались проблемы международного терроризма и опасности распространения ядерного вооружения, и в том числе – поставки российских ядерных технологий Ирану. При обсуждении российско-американских отношений речь зашла и об отмене «поправки Джексона-Вэнника».

«Мы даем слово, что будем делать все возможное, чтобы этот вопрос в отношениях России и США наконец решился», – заявил журналистам после встречи с президентом России Джеймс Тиш.

Как подчеркнул Тиш, встреча с Владимиром Путиным, продлившаяся несколько часов, «была очень открытой и дружественной». И отметил: «Мы обсудили очень много вопросов, по которым нашли взаимопонимание. И выяснили, что наши взгляды совпадают».

Дж. Тиш сообщил также, что на встрече обсуждалась ситуация в ближневосточном регионе. По его словам, Владимир Путин продемонстрировал «искреннее желание способствовать развитию мирного процесса и укреплению мира на Ближнем Востоке».

Выступая на пресс-конференции, главный раввин России Берл Лазар сообщил журналистам, что президент Российской Федерации высказал заинтересованность «в более интенсивном развитии отношений с США». По словам раввина, «участники встречи были едины во мнении, что это будет полезно не только для России, но и для Соединенных Штатов».

יְיָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ וְיְהוָה אֱלֹהֵי הָעַמִּים אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הָאָדָם אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַבְּהֵמָה אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם

В ходе своего визита в Москву глава израильского внешнеполитического ведомства Сильван Шалом встретился с видными представителями российской еврейской общины.

Выступая перед собравшимися, министр иностранных дел Израиля подчеркнул, что усиление связей с еврейской общиной России является одной из самых важных задач правительства еврейского государства. Он заверил, что Израиль и впредь будет оказывать «посильную помощь в повышении уровня самосознания и национальной самоидентификации российских евреев».

Министр отметил также, что Россия является «единственной страной, в которой евреи все как один имеют знакомых, близких, родственников и друзей в Израиле. Это – естественная база для развития российско-израильских отношений, которая и вывела эти отношения на новый уровень».

Среди участников встречи были известные российские общественные деятели и лидеры еврейских организаций, в том числе – исполнительный вице-президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, а также посол Израиля в Москве Аркадий Мил-Ман.

יְיָ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ וְיְהוָה אֱלֹהֵי הָעַמִּים אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הָאָדָם אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַבְּהֵמָה אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם וְיְהוָה אֱלֹהֵי הַיַּיִט אֵלֵיהֶם

Главный раввин России Берл Лазар посетил город Орел. Программа его визита была чрезвычайно насыщенной: встреча с губернатором Орловской области Егором Строевым, посещение общинного центра «Шалом» и еврейского кладбища, беседа с руководителями программ еврейского обучения и воспитания, а также с активом общины.

Еврейская община Орла – одна из старейших в России, она зародилась еще в 1836 году. Сегодня в общинной жизни участвуют три тысячи евреев. Работают культурный центр «Шофар», молодежный клуб, детская воскресная школа, благотворительная организация «Нешер», семейный и женский клубы, ансамбль еврейской музыки. Члены общины вместе отмечают Шабос и еврейские праздники, участвуют в программе организации детского отдыха «Региональный лагерь». В общине подготовлен проект реконструкции еврейского кладбища, действовавшего с середины XIX века.

В ходе переговоров с губернатором Строевым обе стороны особо отметили высокий уровень толерантности и сотрудничества разных народов, проживающих в области. Егор Строев с удовлетворением отметил, что в Орле, 97 процентов жителей которого составляют русские, никогда не было проявлений антисемитизма. За минувшее десятилетие лет Орловщину покинули только полторы сотни евреев, а в последний год несколько таких семей возвратились из-за границы. Еврейская интеллигенция играет важную роль в общественной и культурной жизни области: в частности, двое заместителей губернатора – евреи.

В свою очередь, главный раввин России выразил благодарность губернатору «за мудрую межнациональную политику, благодаря которой евреи в Орле живут спокойно». Он подчеркнул: «У евреев нет ощущения временного пребывания на земле Орловщины, – наоборот, есть уверенность и стабильность».

Раввин Берл Лазар отметил также, что Федерация еврейских общин и фонд «Эзра» активно участвуют в социальных и благотворительных программах области. Ежегодно с 1996 года в Орел доставляется двадцать тонн продовольствия для малоимущих и престарелых. Только в 2002 году ФЕОР и «Эзра» перечислили 2,5 миллиона рублей в рамках программы помощи социальным приютам Орловской области.

В ходе беседы был поднят вопрос о возвращении еврейской общине здания синагоги, построенной на пожертвования местных евреев в 1912 году. В настоящее время в этом здании располагается профтехучилище. Городские власти утверждают, что не могут вернуть синагогу евреям, поскольку не имеют средств на строительство нового здания для учебного заведения. Раввин Берл Лазар и губернатор Егор Строев нашли приемлемое для всех решение проблемы: в ближайшее время будет подготовлено архитектурное обоснование расширения учебного корпуса, расположенного рядом со зданием синагоги, после чего будут совместно профинансированы строительные работы. А затем, вслед за переводом профтехучилища в реконструированное помещение, историческое здание синагоги будет незамедлительно возвращено еврейской общине.

RUJEN

ΑΟΑΑΔΙ ΑΟΙ ΔΙ ΕΑΑΙ ΔΙΑ ΧΕΙ Ο Ι Ι ΝΑΟΕΕ Ι ΑΙ Ο

Губернатор Нижегородской области Геннадий Ходырев посетил Московский еврейский общинный центр (МЕОЦ) в сопровождении раввина Нижнего Новгорода Шимона Бергмана. В МЕОЦ Ходырев встретился с главным раввином России Берлом Лазаром и с руководителями общины.

Вице-президент ФЕОР Александр Борода подчеркнул в разговоре с губернатором, что еврейские общины в последние годы динамично развиваются, действуя в конструктивном сотрудничестве с органами власти на местах. Раввин Нижнего Новгорода указал в этой связи на те вопросы еврейской жизни в городе и области, для решения которых необходимо содействие губернатора.

Геннадий Ходырев, в свою очередь, пообещал, что вся возможная помощь со стороны областной администрации будет оказана.

RUJEN

ΑΝΑ Α ΑΙ ΝΟΕ Ε Ι ΑΙ

В Донецкой областной администрации состоялась «круглый стол» представителей общин национальных меньшинств Донбасса. Его работу возглавил председатель Государственного комитета по делам национальностей и миграции Г.Г. Москаль. На встрече присутствовали заместитель главы обл администрации В.Н. Демидко и начальник отдела по делам национальностей и миграции обл администрации С.Ю. Кузнецова.

Выступая на форуме, Геннадий Геннадьевич Москаль остановился на уникальной этнической ситуации в Украине: по результатам переписи населения 43,1 процента всех ее жителей – не украинцы по национальности, и это, бесспорно, влияет на формирование внутренней политики государства. В Донбассе, например, проживают люди 134 национальностей. Большинство национальных меньшинств своим языком считают русский, который был – и все еще остается – языком межнационального общения. В Донбассе на русском языке говорит 80 процентов населения. Но люди имеют право и возможность разговаривать и обучаться на своем национальном языке, и многие стараются это право реализовать.

По словам руководителя ведомства, особенно в этом преуспели еврейская, греческая и немецкая общины Донбасса.

Геннадий Москаль остановился также на имеющихся трудностях и проблемах. Остро стоит вопрос об открытии и дальнейшей работе воскресных языковых школ, о статусе преподавателей-иностранцев, приезжающих в Украину учить родному языку, о свободном обращении учебников других государств (сейчас учебники должны пройти экспертизу в министерстве образования Украины, а это сложный и долгий процесс).

Выступавшие на встрече представители национальных обществ, – а в Донбассе их официально зарегистрировано 98, – говорили о том, что хотят решать свои вопросы цивилизованно и при поддержке органов власти.

В свою очередь, Геннадий Москаль дал высокую оценку деятельности донецкой областной еврейской общины, которая не только не требует ничего от госбюджета, но и помогает бедным слоям населения Донбасса. Особо была отмечена работа благотворительного фонда «Хесед-Цдака», оказывающего постоянную помощь тысячам подопечных.

Председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман в своем выступлении затронул болезненный вопрос национальных предрассудков, часто мешающих людям спокойно жить.

Геннадий Москаль подчеркнул, что государство резко осуждает и пресекает все действия, направленные против людей какой-либо национальности, – в частности, лишает регистрации печатные органы, замеченные в разжигании межнациональной розни.

При подведении итогов «круглого стола» было отмечено стремление Украины привести свое законодательство в соответствие с мировыми стандартами. Одобрена была и внутренняя политика государства по отношению к национальным меньшинствам.

Организаторы встречи во главе с Г.Г. Москалем призвали руководителей общин еще более активно сотрудничать с местными органами власти, обращаться к своим депутатам и смело отстаивать интересы национальных обществ.

По окончании встречи в администрации Геннадий Москаль посетил донецкую синагогу, и встретился с главным раввином Донбасса Пинхосом Вышецким. Вместе с главой государственного ведомства синагогу посетили руководители областных организаций поляков, немцев, греков, белорусов и литовцев.

Раввин Пинхос Вышецкий показал гостям синагогу, рассказал о жизни еврейской общины, а затем пригласил на торжественный обед.

Главный раввин Донбасса выразил благодарность Геннадию Москалю за помощь в развитии национальных общин. Он отметил, что жители Украины разных национальностей могут гордиться своей страной, чувствуя себя ее равноправными гражданами – украинскими евреями, немцами, поляками, греками.

С приветствием в адрес собравшихся выступил председатель правления ГОАО «Макуглекок», председатель правления ДОбФ «Хесед-Цдака» Давид Егудин. Лидер Общества польской культуры г-н Зелинский в своем выступлении высоко оценил работу еврейской общины и от имени всех гостей поблагодарил хозяев за теплый прием.

Председатель Государственного комитета по делам национальностей и миграции Г.Г. Москаль приветствовал факт создания Объединения этнических сообществ Донецкой области и отметил Донецкую областную еврейскую общину как одну из самых активных, хорошо организованных. Он призвал всемерно содействовать укреплению установившихся дружественных отношений между общинами.

А. Аїтїї

І А І О О È А С А È І І І È І А І È В

В администрации Волгоградской области при поддержке комитета по делам национальностей и казачества и отдела по взаимодействию с областной Думой, общественными объединениями и СМИ состоялась практическая конференция «Гражданское общество: пути взаимопонимания».

В работе форума приняла участие координатор программ Волгоградского еврейского общинного центра Тамара Ройзен. Ее доклад «Специфика индивидуальной работы благотворительной организации», построенный на анализе опыта работы Общинного центра, вызвал значительный интерес аудитории. Особое внимание докладчик обратила на то, что гуманитарная помощь – при всей ее важности – сама по себе не снимает всех проблем. Людям хочется общения, встреч с единомышленниками, новых знакомств – и это потребовало развития клубной работы. Индивидуальный подход помог и в создании музея «Еврейское местечко», собранного по крупицам из личных вещей и старинных семейных фотографий многих членов еврейской общины.

В. Èї ббá

ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЕ – БЫТЬ!

Брянск посетила делегация во главе с директором Международного благотворительного фонда развития еврейского образования, традиций и культуры «Ор Авнер» раввином Довидом Мондшайном. В составе делегации были также директор департамента образовательных программ ФЕОР раввин Зеев Вагнер и заведующий отделом строительства фонда «Ор Авнер» Яков Каспи.

Главная цель визита этой представительной делегации – помощь брянской еврейской общине, прежде всего в создании еврейской школы. Об этом шла речь на встрече у главного федерального инспектора по Брянской области Владимира Гайдукова, на которой присутствовали также первый заместитель главы администрации Брянска Анатолий Гореликов, первый заместитель председателя городского совета народных депутатов Александр Ищенко и раввин Брянска и Брянской области Ицхок Ройтман.

«Будем помогать общине с выбором помещения для школы и его обустройством», – заверили гостей представители федеральной и городской власти, участвовавшие в совещании.

Делегацию приняла и заместитель губернатора области Татьяна Максимкина, которая, в свою очередь, пообещала помощь в выделении площадки под строительство синагоги и общинного центра.

При участии гостей прошла первая в истории общины научно-практическая конференция «Национальная школа XXI века – концепция и реализация». Ее участники большую часть работы посвятили коллективному обсуждению оптимальной модели еврейской школы-гимназии. И первое слово в разговоре было дано самим детям, «виновникам торжества», – тем, ради кого и создается школа. В музыкально-поэтической композиции они показали многое из того, чему научились в детском саду и школе.

О важной роли еврейской школы в национальном самоопределении и в деле противостояния ассимиляции говорили раввины Зеев Вагнер и Ицхок Ройтман.

Концепцию полной еврейской школы обсуждали кандидат педагогических наук Григорий Куцебо, профессор Лев Эвельсон, завуч брянской начальной еврейской школы Галина Абраменкова, советник губернатора по делам религии Александр Тришин и другие специалисты.

Первый заместитель председателя горсовета Александр Ищенко, председатель комитета горсовета Раиса Мартынова, главный специалист областного комитета по делам молодежи Елена Зезеко и другие представители властных структур обещали будущей школе всемерную поддержку. Преподаватели начальной еврейской школы выразили надежду, что уже в сентябре дети смогут продолжить учебу в пятом классе.

В ходе визита делегации состоялась пресс-конференция с участием журналистов центральных и местных газет, телевидения и радио.

Ò. Deâèéíá

Í ÁÄÐÄÄÄ ÐÄÄÄÈÍ Ó - Í ÐÈÇÍ ÁÍ ÈÄ ÇÄÑËÓÄ Í ÁÙÈÍ Û

Медалью и Почетной грамотой Кабинета министров Украины недавно был награжден главный раввин Донбасса Пинхос Вышецкий. Эта высокая награда – признание на государственном уровне достижений донецкой областной еврейской общины в деле возрождения национальной традиции и укрепления межнационального мира и согласия.

Награждение от лица правительства на встрече с лидерами всех религиозных конфессий Донбасса торжественно произвел председатель Донецкой обл. администрации Анатолий Михайлович Близнак.

Этого высокого отличия раввин Вышецкий удостоился, как сказано в наградной грамоте, «за весомый личный вклад в развитие духовного возрождения Украины, за утверждение идей милосердия и согласия в обществе, а также за активное участие в благотворительной деятельности».

Представители религиозных конфессий, по словам Анатолия Близнака, «собрались все вместе, чтобы посмотреть друг другу в глаза, почувствовать взаимное доверие».

Кроме главного раввина Донбасса, евреев на межконфессиональной встрече представлял председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман. В обстановке национального согласия руководители конфессий рассказывали о своих достижениях, проблемах и планах. В работе форума принял участие один из его организаторов – начальник отдела по делам религий обл. администрации Геннадий Костенко. Встреча прошла в неформальной, дружеской обстановке.

Ñ. Áâéí òðâéí

ÛÈÇÄÍ ÁÍ Í ÁÐÄÍ ÁÑÄÍ ÈÇ-ÇÄ ÁÄÐÄÈÑÈÍ ÁÍ Í ÐÄÇÄÍ ÈÈÄ

Экзамен по белорусскому языку для 9-х классов проводится в Белоруссии ежегодно в начале июня. Узнав о том, что в этом году министерство образования назначило его проведение на 6 июня – день празднования Швуэс, руководство минской гимназии «Би-Л» выразило свое несогласие с датой экзамена.

«Би-Л» – первое специализированное еврейское учреждение в Белоруссии за последние сто лет, и под его началом функционируют «Лаудер Шнеер Колледж», начальная школа и детский сад «Ор Авнер». Руководство гимназии обратилось с официальным запросом о переносе экзамена. Просьба была мотивирована особой важностью первого дня Швуэс и невозможностью игнорировать тот факт, что для евреев всего мира он является праздничным, а потому – нерабочим.

Положительный ответ пришел довольно быстро. Власти Белоруссии не только разрешили девятиклассникам писать экзамен по белорусскому языку в другой день, но и охотно согласились произвести все необходимые изменения в билетах и экзаменационных заданиях по этому предмету.

Í. Áââéü

ÁÄÐÄÈÑÈÈÄ ÒÈÍÈÛ ÐÍÑÑÈÈ ÍÁ Í ÐÍÁÍÄÈÈÈ ÛÈÇÄÍ ÁÍÄ Ä ÒÄÓÝÑ

В этом году единый государственный экзамен в 9-х классах пришелся на первый день праздника Швуэс. Однако – после вмешательства министерства образования РФ – экзамен во всех еврейских школах был перенесен на другую дату.

Генеральный директор Международного фонда «Ор Авнер» Давид Мондшайн дал высокую оценку позиции государственного ведомства образования.

– По религиозной традиции день праздника является строго нерабочим и неучебным днем. Мы искренне благодарны министерству образования и соответствующим департаментам в субъектах Федерации за то, что они приняли во внимание религиозные чувства учащихся и их родителей. Такие действия органично вписываются в общую направленность российской политики, основанной на свободе вероисповедания и уважения к верующим.

RUJEN

БИЗНЕСМЕНЫ УЧРЕДИЛИ ЕВРЕЙСКИЙ КОНГРЕСС МОЛДОВЫ

Молдавские предприниматели-евреи из Кишинева, Бельц, Бендер, Фалешт, Оргеева и других традиционных мест проживания еврейского населения собрались на свой первый съезд, который учредил Еврейский конгресс республики. Возглавил его известный в Молдове бизнесмен Александр Пинчевский.

В своей программной речи он отметил: несмотря на то что даже по заниженным официальным данным вклад евреев-бизнесменов в бюджет Молдовы составляет 6, 2 процента, – благотворительной деятельностью в республике занимаются преимущественно американский «Джойнт» и израильские организации.

Конгресс намерен инициировать программы, направленные на улучшение жизни тридцатитысячной еврейской общины Молдовы, координировать создание рабочих мест для евреев, помогать старикам и малоимущим, содействовать развитию национальной культуры.

Ветераны войны и узники фашистских концлагерей выразили надежду на то, что новообразованный Конгресс не забудет и их. Еще одна из очевидных целей Конгресса – устранить излишнюю зависимость молдавской общины от зарубежной благотворительности, которая подчас приводит к конфликтам.

Один из инициаторов создания Конгресса, молдавский «пивной король» Яков Тихман, заявил журналистам, что новая структура не ставит перед собой политических целей.

Однако наблюдатели отмечают, что созданная еврейскими бизнесменами организация имеет все шансы стать влиятельной силой на политической арене страны.

На съезде присутствовали представители посольства Израиля в республике и члены парламента Молдовы.

А. Шапиро

ÁÁÒÈ ÑÒÁÍ ÎÁΒÒÑΒ ÑÒÀΒΘÁ

В этом году почти 60 мальчиков и девочек школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич» Днепропетровска отметили свое вступление в совершеннолетие.

Празднования эти заняли целую неделю. А начались они, конечно, в Хоральной синагоге «Золотая Роза», где мальчики впервые надели тфилин и участвовали в утренней молитве вместе с мужчинами, а девочки молились с женщинами. Затем повзрослевших ребят подвели к Торе и накрыли талесом.

По традиции раввин еврейской школы Меир Островский дал всем мальчикам и девочкам еврейские имена, и они получили специальное благословение. Ребят поздравили прихожане, родители и учителя, во дворе синагоги для них был накрыт стол с угощением. После этого мальчики поехали на экскурсию на предприятие по изготовлению тфилин, а девочки учились шить салфетки для субботней трапезы.

Затем все приехали в Малую синагогу, где руководитель ешивы «Нахлас Леви» раввин Элиша Барам говорил с ребятами о еврейской жизни в нашем городе, показывал, как и чем пишут священные свитки Торы. Мальчики посетили класс, где занимаются сойферы, и получили на память кусочек пергамента с собственным именем. А девочки в это время учились плести халы. После традиционной праздничной трапезы выпеченные халы они унесли домой.

Но и на этом не закончился праздник. Через неделю все снова собрались, на сей раз – уже вместе с родителями, и притом в уютном кафе. Дети рассказывали почетным гостям о том, как они теперь будут соблюдать заповеди, какие обязанности на себя возьмут. Гостям был показан видеофильм о прошедшем на прошлой неделе празднике, и ребята поделились своими впечатлениями о том незабываемом дне.

Школьный театр представил прекрасный спектакль по одной из хасидских сказок. Ну а почетные гости, конечно, не оставили детей без подарков в честь такого знаменательного события в их жизни. Все девочки и мальчики получили еврейские книги, подсвечники, кипы. Подарки вручала ребецн Хана Каминецкая.

Но особенный подарок преподнесло ребятам Еврейское агентство (ЕА «Сохнут») – путевку в Израиль, которую разыграли в лотерее. Детей и родителей поздравили многие взрослые. И среди них – главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, главы Сохнута в Украине и Молдове Алекс Кац, в Юго-Восточной Украине Илана Липкин, председатель правления Еврейской религиозной общины Григорий Король, директор школы Георгий Скороход и другие почетные гости. Завершился этот важный вечер праздничным ужином и танцами.

А для некоторых наших совсем маленьких детей пришло время первой стрижки – опшерниша. Первым после Швуэса отпраздновал это важное событие сын преподавателя ешивы «Нахлас Леви» Моше Фурлендера Шимшон. В Малой синагоге по этому поводу собрались друзья и близкие Моше и Дворы Фурлендер, учителя и воспитатели, ученики ешивы и махона. В церемонии приняли участие председатель правления общины Григорий Король, управляющий делами общины Александр Фридкис, президент еврейского женского педагогического училища «Бэт-Хана» Меир Стамблер и другие почетные гости. Поздравить маленького Шимшона пришел и главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, который и сам через несколько часов праздновал опшерниш своего сына.

Вечером 8 сивана в синагоге «Золотая роза», как говорится, яблоку негде было упасть. На церемонию опшерниш Реувена Каминецкого пришли члены еврейской общины, известные евреи города, приехали родственники четы Каминецких из США и Израиля, раввины из Донецка, Харькова, Полтавы, Кировограда и других городов Украины.

И вот Реувена, накрытого талесом, отец внес в синагогу и усадил на особое место. О традициях церемонии опшерниша рассказала Хая-Мушка Каминецкая. Было зачитано письмо Любавичского Ребе, посвященное традиции опшерниша. И первый из 12 псуким, который Ребе призывал читать каждый раз, когда евреи собираются вместе, прочитал трехлетний Реувен Каминецкий. Добрые слова в адрес ребенка сказал сандак Реувена – президент Попечительского совета еврейской общины Днепропетровска Геннадий Боголюбов.

...Торжественный момент наконец настал. Первым обрезал прядь волос ребенку его отец, следом за ним – мать и родные мальчика. Затем ведущий пригласил почетных гостей, известных в общине евреев, политиков и бизнесменов, совершить этот обряд.

После торжественной стрижки маленький Реувен получил первый урок – вместе с дедушкой читал еврейский алфавит. И чтобы мудрость пророков была в его устах, он, по обычаю, съел яйцо.

После церемонии раввин Каминецкий пригласил всех разделить радость опшерниша за трапезой во дворе синагоги. Там праздник продолжился...

Да сохранит и благословит сына его Всевышний и пошлет ему и всем нашим детям долгие и счастливые годы!

Ė. Ī ā:āðēē

Ī ĐAÇĀĪ ĖĖ ÑĪĀĀĐOĀĪ Ī ĪĖĀOĖB

Полтора десятка девочек и мальчиков из Риги, достигших возраста еврейского совершеннолетия – соответственно 12 и 13 лет, – провели в Юрмале праздничный уик-энд.

Еще в пятницу раввин Смолькин показал ребятам, как пишут на пергаменте тфилин и мезузы, рассказал о технике письма, о затачивании индюшачьего пера, о составе чернил. Затем раввин написал каждому его еврейское имя.

К празднику дети долго и тщательно готовились. Девочки по воскресеньям ходили на специальные занятия, учились печь халу, делать праздничный десерт. Были подготовлены рассказы и сделаны сообщения о Шабосе и празднике Бар– и Бас-Мицва.

В пятницу вечером девочки и их мамы зажгли субботние свечи, мальчики сделали кидуш на вино и халу. А в субботу утром читали недельную главу Торы, мальчиков вызывали к свитку, а двум девочкам дали еврейские имена. Все с удовольствием участвовали в познавательных играх по истории еврейского народа. Несмотря на то что Шабос закончился около полуночи, никто не расходился.

Время в Юрмале проходило не только в традиционных ритуалах. Организаторы праздника позаботились и об оздоровительной программе: прогулки на воздухе и бассейн полезны и детям, и их родителям.

А в воскресенье – торжественный банкет. Среди почетных гостей – консул Израиля в Риге Лев Нив. Дети получили традиционные подарки – тфилин и подсвечники для зажигания субботних свечей. Каждый из них принял решение: обязательно сделать что-нибудь доброе, изменив свою жизнь к лучшему.

Ñ. Ī āāī ō

ĀĀOĖ ĪĀ Ī ĐAÇĀĪ ĖĖĀ OĀOŸÑ

Самое большое наше богатство – дети, и чем их больше, тем, конечно, лучше. В преддверии праздника Швуэс молитвенный зал Донецкой синагоги широко раскрыл свои двери для сотен еврейских детей города. Бросив монетку в копилку-цдоку, ребята проходили в зал, занимали свободные места, и казалось – стены потихонечку раздвигались, чтобы вместить всех.

Звонкие детские голоса запели о мире, о Б-ге, о счастье... Главный раввин Донбасса Пинхос Выщецкий поздравил всех с наступающим праздником. Он говорил о том, что дети – это наши гаранты перед Б-гом и потому именно они сегодня – главные на празднике. Самый младший из них – Велвл Каминштейн – доставал из корзиночки номерки с заданиями, а дети, выполняя эти задания, пели песни, отвечали на вопросы, читали изречения из Торы.

В самый разгар праздника пришли малыши из еврейского детского сада «Ган Менахем», и в зале стало еще светлее и веселее. Головы детей были украшены веночками, что символизировало расцветшую гору Синай, на которой Г-сподь даровал нам Тору. Выступление самых маленьких вызвало шквал аплодисментов.

Слово дают ученикам «Теплого дома для школьника» – и вот юные голоса уже красиво звучат под сводами синагоги... По залу в надежных руках Аарона Вагнера и выпускника «Теплого дома» Хаима Гершмана величественно плывут украшенные коронами свитки Торы. Все стараются прикоснуться к ним, поцеловать.

На следующий день, шестого сивана – в день Дарования Торы – евреи Донецка собрались в синагоге на праздничную молитву. Для детей, пришедших вместе с ними, была проведена веселая программа с викториной, конкурсами, призами, пением песен.

И вот – самый торжественный момент дня – по свитку Торы читают Десять заповедей. Звучат слова Б-га, сказанные Им более 3300 лет назад и актуальные всегда и для всех. Слушая заповеди, каждый решал для себя, как он будет жить дальше, каждый подводил итоги прожитого и принимал решение – стать чище и лучше. «Наасе ве-нишма» – будем делать, что говорит Б-г и слушаться Его, как подобает истинно свободным людям.

Ñ. Āāēī ōāēī

ĐĀÑOĀĀĐAĀOĖB ÑĀĖOĖĀ OĪĐŪ ÇĀĀĀĐOĀĪĀ

Главный раввин Волгограда и Волгоградской области Залман Иоффе доставил из Ростова в синагогу отреставрированный свиток Торы. Решение о его восстановлении было принято после тщательной проверки бодеком.

Оказалось, что этому свитку – более сотни лет. На реставрацию сойферу Элияу Бару потребовалось несколько месяцев. Финансирование этого важного, трудного и кропотливого дела осуществил председатель Волгоградской еврейской общины Эрлих Анатольевич Аронов.

B. ĖĪōōā

Ī ×ĀĐĀĪĪ ĪĖ Ī ĖOĖĪĀ ĪĀĪĐ

В Москве на Пушкинской площади прошел митинг Национально-державной партии России. Собравшиеся протестовали против решения министерства юстиции от 19 мая о признании регистрации НДПР утратившим силу и исключении записи о создании партии из Единого государственного реестра юридических лиц.

Выступивший на митинге сопредседатель НДПР г-н Севастьянов заявил, что министерство юстиции пошло на этот шаг, «дрогнув под прессом давления». Из организаторов этого «давления» г-н Севастьянов почему-то упомянул только Всемирный конгресс русскоязычного еврейства. Севастьянов ободрил соратников по борьбе, заявив: «Мы дойдем до страсбургского суда по правам человека и заставим отменить выборы, если они пройдут без участия НДПР».

Другие ораторы призывали собравшихся к борьбе с сионо-фашизмом и любавичскими хасидами, которые, по их мнению, фактически управляют Россией. Всего в митинге, разрешенном префектурой Центрального округа, участвовало около 50 человек.

RUJEN

ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΘΕΘΕΕΝΒ ΑΙ ΕΑΙ ΓΝΟΕ

Более года прошло с тех пор, как администрация Волгоградской области известила главного раввина Волгограда Залмана Иоффе о том, что «поставлен вопрос о смене руководства газеты “Казачий круг”».

Конфликт возник в связи с публикациями, имеющими явные признаки разжигания межнациональной розни. Газета получила два предупреждения Межтерриториального управления министерства по делам печати в результате проверок, проводившихся по инициативе еврейской общины и Общинного центра. Интересно, что учредителями газеты, как это ни парадоксально, являлись комитеты областной администрации.

Итак, «экстремизму за бюджетные деньги» положен конец. На основании последнего запроса общины по факту выхода рекламы книги одного из идеологов нацизма А. Розенберга «Мифы XX века» и отрывков из произведения Б. Миронова «Иго иудейское» Управление по делам печати и информации направило в суд исковое заявление о признании недействительным свидетельства о государственной регистрации газеты «Казачий круг».

Экстремистские взгляды ее бывшего главного редактора господина Здоровцева стоили ему должности.

Е. Вуеити

ΑΑΙ ΟΟΑΟ Α ΑΙ ΓΝΟΒΟ Ο «ΟΑΑΑΑΑ»

В гостях у коллективов Одесского учебно-воспитательного объединения «Хабад» побывал народный депутат Украины, известный в городе предприниматель, один из активных членов еврейской общины Александр Грановский. В течение двух часов он ознакомился с условиями, в которых сегодня учатся, воспитываются, отдыхают, познают окружающую жизнь более пятисот детей всех возрастов – от тех, кто ходит в детский сад, и до старшеклассников.

Гостю знакомство было особенно интересно, поскольку уже не первый год он участвует в финансовой поддержке образовательного центра, одного из самых крупных еврейских учебных заведений Украины. Сегодня в составе комплекса «Хабад» пять отделений в различных районах Одессы и еще два в Одесской области – в городах Измаил и Белгород-Днестровский.

Филантропа сопровождал и давал пояснения учредитель школы «Хабад», главный раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф. Знакомство началось с детского сада на Еврейской улице. Народный депутат побывал во всех группах и наблюдал, как малыши знакомятся с национальными обычаями, как они приобщаются к древней еврейской традиции празднования Шабоса... Детские сады комплекса «Хабад» сегодня посещают около 120 детей.

Следующим пунктом этой ознакомительной поездки стала начальная школа на улице Гамарника. Здесь А. Грановский и раввин Вольф обсудили вопросы благоустройства территории и качество недавно проведенного в школе ремонта. Народный депутат поинтересовался, как проходят занятия по физкультуре, и узнал, что, кроме обычных уроков, учащиеся регулярно посещают плавательный бассейн, куда их доставляет школьный автобус; он, кроме того, привозит детей в школу по утрам, а к вечеру отвозит домой. Школьники получают трехразовое питание. Здесь же, в школе, находятся спальные комнаты для учащихся, нуждающихся в интернатовском обслуживании. Скоро интернат разместится в отдельном здании.

Основную часть отведенного на визит времени Александр Грановский провел в школе для старших классов на Водопроводной улице. Осматривая кабинеты и классы этой школы, он интересовался условиями учебы детей. Возможности данной школы позволяют привлекать учителей самой высокой квалификации. Раввин Авроом Вольф рассказал гостю, что в школе «имеются все условия, в том числе социально-бытовые и психологические, которые необходимы для достижения высокого конечного результата». Александр Грановский увидел оснащенные современными техническими средствами кабинеты иврита, украинского языка, информатики, физкультурно-тренажерный зал.

Гость принял участие в церемонии награждения лучшего ученика года, который традиционно определяется в конце мая. Он вручил Давиду Нерсеяну подарочный набор со всем необходимым для

традиционного субботнего обряда: это – талес, бокал для кидуша, подсвечники, свечи, праздничная скатерть, салфетка для халы, сидур.

На память о посещении комплекса «Хабад» дети преподнесли А. Грановскому художественную работу, выполненную на шелке. На картине изображен эпизод из Торы: встреча Моше со Всевышним, явившимся

ему в виде горящего куста терновника.

В завершение своего знакомства с еврейским учебно-воспитательным объединением народный депутат Украины Александр Грановский сказал:

– Лет пять-шесть назад мне посчастливилось познакомиться с прекрасным человеком – раввином Авроомом Вольфом, который во многом изменил мою жизнь. Этими переменами я сегодня горжусь. То, что создано им за сравнительно короткое время в Одессе, вызывает уважение и признательность людей. Сегодня я увидел лишь часть сделанного с его участием. Детские сады, школы помогают еврейским детям прочно встать на ноги, получить хорошее воспитание, общее развитие, выбрать правильный путь в жизни... Но независимо от национальности все должны любить и знать страну, в которой родились и живут. Дети не должны воспитываться в условиях антагонизма, противопоставления друг другу. Наоборот, очень важны добрые, дружеские взаимоотношения...

À. Èííí

ÈÈÀÇÌ ÁÐÛ ÍÀ ÑÕÁÍÁ ÔÈÈÀÐÌ Ì Í ÈÈ

Приезд самарского клезмерского ансамбля «Алия» в Кострому по приглашению Костромской еврейской общины при поддержке ФЕОР и местных спонсоров стал важным событием в еврейской жизни города.

В зале филармонии собрались люди разного возраста: почти вся молодежь общины и седовласые ветераны. Равнодушных в зале не было, и концерт шел под непрерывающиеся аплодисменты. Не могут же, в самом деле, евреи от души не посмеяться над своим собратом, так и не добравшимся до ярмарки и по дороге застрявшим в корчме. Не могут не поддержать свата, который организовал множество свадеб, соединил сотню сердец, но так и не сыграл главную – своей дочери!

А как неожиданно прозвучала всем известная «Хава Нагила»! Ноги сами просились поплясать...

– Почему мы поем на идише? – рассказывает участник ансамбля Евгений Чиненов. – Одной из наших главных задач мы считаем возрождение еврейской культуры. А это невозможно, если не связать культуру ушедших поколений с нашей. Если не донести до людей мелодию языка, на котором говорили наши предки, на котором они пели колыбельные, рассказывали знаменитые одесские байки, да и ссорились, наконец!

Говорит руководитель ансамбля Алексей Романовский:

– Совсем недавно пришел в ансамбль аккордеонист Владимир Писарев, человек поистине щедрого таланта. Игорь Драбкин – известный в Самаре педагог, Александр Иванов – заслуженный артист России, Марк Коган – один из создателей ансамбля, артист симфонического оркестра. Я назвал не всех, но и у остальных уровень не ниже. Новый солист Ефим Хазанов – настоящая находка! – профессиональный кантор.

– А Хатуна Романовская? – спрашиваю. – Давно ли она появилась в ансамбле?

– Да раньше своего папы, Алексея Романовского, – смеется Марк Коган. – Ее пригласил А. Родин. Творческий путь Хатуны начался с детства, с «Утренней звезды» Игоря Николаева. А два года назад на Всероссийском фестивале «Звездный дождь» в Сочи она заняла призовое место. Сейчас Хатуна учится на вокально-джазовом отделении.

– Вы, наверное, объехали полмира?

– Не полмира, конечно, но уже побывали в Сочи, Вильнюсе, даже в Германии. И это не случайно: искусство клезмеров вбирало в себя музыку народов, среди которых жили евреи. Возьмите, к примеру, джаз. Хотя это и американская музыка, да только вот Джордж Гершвин тоже родился под Белой Церковью...

Задаю традиционный вопрос о планах ансамбля.

– Выжить, – отвечает мой собеседник. – Найти возможность финансирования. Первый диск увидел свет при поддержке главного раввина России Берла Лазара. Когда он узнает о том, что наработано в последнее время, услышит Писарева, Хазанова, – думаем, без поддержки не оставит. А ближайшие планы? Часть ансамбля едет в Петербург на «Клезфест», другая – на такой же фестиваль в Киев. Осенью планируем гастроли по городам Германии в рамках фестиваля «Клезмерская музыка без границ». Инициаторы – Лейпцигская организация «Единый мир» и мы. Кроме того, осенью нас пригласили в Биробиджан на празднование 70-летия Еврейской автономной области...

Кажется, обо всем поговорили... Осталось только поблагодарить наших гостей. И пожелать им творческих успехов!

À. Àèèáí ñèàÿ

ÁÁ×ÁÐÑÈÁÍÒÌÐÌÌ

Богата и разнообразна музыкальная жизнь Владивостока. Город, вплоть до подземных переходов, заклеен афишами солистов, музыкальных групп и драматических коллективов обеих столиц. Все концертные залы здесь, которых немало, пусть не всегда с аншлагами – уж больно билеты дороги – каждый вечер заполнены.

Но даже при этом избытии концертов знаменитостей заметным событием стал впервые состоявшийся в нашем городе концерт кантора московской хоральной синагоги Боруха Финкельштейна. Очень мало в городе людей, когда-либо – пусть и в далеком детстве – слышавших канторское пение при богослужении. Каков он, современный кантор, – я себе не представлял. И как многие, полагал, что это будет традиционное молитвенное пение.

Но оказалось, что собравшимся в театре – не только, кстати, евреям! – был подарен прекрасный концерт из двух отделений: певец, обладатель прекрасного голоса, преподнес разнообразный репертуар из молитв и песен на иврите, идише и даже на русском языке.

В торжественной тишине выслушал зал молитву «Шма». В голосе певца было столько искренности в обращении ко Всевышнему, что верилось: каждое слово обязательно дойдет и будет услышано... Но дальше от молитвенной стати хазана остались, кажется, только своеобразный костюм, ермолка и небольшая рыжеватая борода. Все остальное – пение, танец, шутки, конферанс – было от хорошего артиста. Внезапно в одной из песен явственно зазвучала мелодия известной оперетты. опережая закономерный вопрос, кантор сообщил собравшимся: этой мелодии 1500 лет! Судите сами, кто у кого ее позаимствовал. А «Тум балалайку» на идише и «Атикву» на иврите зал пел в полный голос – вместе с певцом.

Много нового пришлось узнать на этом вечере: как приятно в песнях звучит язык иврит, как много красоты в еврейских мелодиях, как заразительны танцевальные мотивы своеобразного еврейского востока, подкрашенные многолетним влиянием фольклора «стран голуса».

В концерте маститого кантора принимал участие владивостокский клезмерский ансамбль «Ноар», мастерство артистов которого растет с каждым выступлением.

А цветы и аплодисменты – это только маленькая часть благодарности певцу и организаторам концерта...

О. Айвицкая

ЕАДОВАИ ОИЕТЕИНОА ИИНАВУААОНБ...

Бабий Яр был не единственный – их было немало по всей Европе. Есть свой «Бабий Яр» – противотанковый ров – и в городе Красноармейске Донецкой области. Здесь в январе 1942 года фашисты расстреляли около пятисот мирных жителей, в основном евреев.

До сих пор здесь не было никакого памятника.

Ликвидировать эту вопиющую несправедливость решила еврейская община. Инициатором начинания выступил ее председатель Аарон Зак. Члены общины разработали эскиз мемориальной доски, а в финансировании проекта помогло днепропетровское отделение «Джойнта».

Началась кропотливая работа с «Книгой Скорби». Много документов пришлось изучить в городском историко-краеведческом музее, в областном архиве, расспрашивать родственников убитых – пожилых людей, которые помнили те события.

Установлено в результате кропотливого поиска около 180 фамилий погибших, и более чем 50 из них – беженцы, из других городов Украины.

Кто же погиб в противотанковом рву? В основном старики, причем среди них были и почти столетние. Также погибли от фашистских пуль женщины всех возрастов и дети – некоторым из них не было и года. В том же рву расстались с жизнью рабочие, служащие, учителя, врачи, студенты и один шойхет – резник. Погибли целые семьи: например, семья Шнейдер – одиннадцать человек, семья Лошинер – восемь человек, семья Васибрат – шесть родственников... В краткой заметке, увы, всех евреев этого городка и беженцев, принявших мученическую гибель, не перечислить.

Немцы и их прислужники-полицайи за день до расстрела собрали всех евреев в здании бывшей синагоги, а утром погнали на казнь. В западной части города у отрытого противотанкового рва всех взрослых расстреляли, а детей умертвили, смазывая им губы ядом. Только очень немногим, буквально единицам, в те дни чудом удалось спастись.

...Мемориал, который расположен в помещении еврейской общины, – это четыре доски, оформленные под мрамор. На них и занесены имена погибших. На последнем из стендов – слова поминальной молитвы – кадиш. В центре – менора, шестиконечная звезда Давида с Вечным огнем. А между ними на красном фоне написаны на иврите слова из поминальной молитвы: «Все прощу, но крови невинных не прощу никогда».

На открытие мемориала прибыл председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман. Митинг открыл председатель общины Аарон Зак, рассказавший о трагических событиях, произошедших в городе во время немецко-фашистской оккупации, и о проделанной работе по созданию мемориала.

Была организована выставка книг, рассказывающих о Холокосте, в ее экспозиции – произведения В. Гроссмана, И. Эренбурга, Б. Горбатова и других писателей, изданный в Швеции памятный альбом «Расскажи об этом своим детям».

Особенно на этой выставке многих заинтересовала судьба созданной Эренбургом и Гроссманом в конце войны «Черной книги», где собраны показания о зверствах фашистов на территории Советского Союза. Книга эта увидела свет на русском языке в полном объеме только в 1991 году.

Иеуда Келерман прочитал поминальную молитву в память всех шести миллионов евреев – жертв Холокоста, и в их числе евреев города Красноармейска. Студентка Днепропетровского женского училища «Бет-Хана» Яна Хаймович зажгла шесть свечей, символизирующих понесенные еврейским народом утраты.

Наступил торжественный момент открытия. Разрезана черная лента, спадает покрывало – и взору всех присутствующих открывается поминальный стенд. Зажжена электрическая имитация «Вечного огня». Иеуда Келерман поблагодарил общину за проделанную работу и подарил ей тфилин и книгу Любавичского Ребе «К жизни, полной смысла».

Красноармейская еврейская община выразила глубокую благодарность за оказанную помощь в создании мемориала главному раввину Донбасса Пинхосу Вышецкому, руководителю местного филиала «Джойнта» М. Лепкивкеру, членам общины Гидалу Хаймовичу, Семену Свидлеру, Олегу Когану и всем, участвовавшим в воплощении этого проекта в жизнь.

Дальнейшая цель общины – отыскать точное место расстрела, благо оно не застроено. И поставить там памятный знак с надписью: «Жертвам Холокоста в Красноармейске».

È. Àèðì àí

יָוֵעַב יְאִיב יְעִי אֵאֵא...

Живет в городе Курске человек, биография которого полностью отразила жизнь евреев довоенного и послевоенного поколения XX века.

...Невольно вспоминаются строки из стихотворения Бориса Слуцкого «Про евреев»:

*...Àààè èèààà í á ñàò,
Àààè á èààèàò ò í ðàò,
Àààè ðàí ùà á èùñàò,
Àààè àí èùà á àí ðàò.
Àààè - èðàè èèèèá
Í í è ñèààò ù í èíèèá
Èààí àíðàò á í èííá
Àààì ò í ðàò à ðàè èííá..*

Герой моего рассказа, Меер Ушеревич Райсберг, родился в местечке Купин Смотрицкого района Хмельницкой области в 1919 году. Отец его работал на бойне разнорабочим, а мать вела хозяйство многочисленной дружной семьи. У Меера было еще пятеро братьев и сестра.

– До 16 лет я не знал ни одного слова по-русски, – делится воспоминаниями мой собеседник. – Ведь я окончил шесть классов еврейской школы, кроме того, три года брал уроки иврита. В 1925 году меня с группой сверстников отправили в Новозлопольский район, в село Чкалово, где я начал работать в товариществе по совместной обработке земли. Через пять лет я уже был колхозником и пахал землю, идя за плугом, который тянула лошадь.

Желание стать мастеровым привело Меера Райсберга в Запорожье. Он решил поступить в ремесленное училище, но его не приняли из-за того, что Мееру шел уже семнадцатый год.

– Я пошел на комбайновый завод, откуда в 1939 году был призван на службу в армию. Попал я в железнодорожные войска на Дальний Восток, в Хабаровск, где меня и застала Великая Отечественная война, – вспоминает Меер Ушеревич.

Читая учетно-послужную карточку к военному билету Райсберга, обращаю внимание на запись: «Март 1943 года. 7 железнодорожная бригада, пос. Валуйки». Спрашиваю у Меера Ушеревича о его участии в сражении на Курской дуге. И слышу в ответ:

– В марте 1943 года, как только прибыли на станцию Валуйки и начали выгрузку, наш эшелон разбомбили. И меня, контуженного, только на второй день нашли санитары из медсанбата. Оттуда я, немного подлечившись, вернулся в свою часть, которая базировалась в Борисовке. Здесь после переформирования в составе Первого Украинского фронта мы обеспечивали железнодорожные перевозки для войск, сражавшихся на Курской дуге.

Беседуя со мной, Меер Ушеревич достает из шкафа папку с орденскими книжками и многочисленными поздравлениями по случаю Дня Российской Армии, Дня Победы, разгрома фашистских войск на Курской дуге, подписанные президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, губернатором Курской области Александром Михайловым, главой Курска Сергеем Мальцевым.

По боевым наградам красноармейца Райсберга можно проследить его фронтовые дороги – освобождение Украины и Польши, встреча Победы в Берлине, а потом участие в разгроме милитаристской Японии. Его ратный путь отмечен орденами Отечественной войны I и II степени и дюжиной медалей.

– В 1948 году, – рассказывает Райсберг, – я был демобилизован из армии и поступил на работу на только созданный Курский электроаппаратный завод. Там я и проработал тридцать два года. И вот, уже уйдя на пенсию, стал посещать синагогу.

На мой вопрос: «Почему раньше вы не ходили в синагогу?» – Райсберг с улыбкой ответил:

– Боялся, что партком отнимет станок.

И, комментируя свой шуточный ответ, стал рассказывать о том, как в Стране Советов относились к верующим, и в особенности к верующим евреям.

– Практически с шестнадцати лет я сирота, – продолжает Меер Ушеревич. – Ведь я больше не видел ни отца, ни матери, ни сестры – все они погибли от рук фашистов во время оккупации Украины. Пятеро моих братьев тоже погибли, сражаясь на войне. Правда, остался жив племянник – сын брата Хаима, Яков, который живет в Израиле; он мне часто пишет и звонит.

В 1949 году Меер Райсберг женился на Фриде Абрамовне Бордо, тоже участнице войны. Они прожили в любви и согласии сорок лет и воспитали сына Бориса, ставшего офицером, 25 лет прослужившего в армии, и дочь Раису; у обоих – уже свои взрослые дети.

Потеряв жену, Меер Ушеревич не замкнулся в своем горе, а пошел к людям, всерьез обратившись к вере отцов: он даже прошел специальное обучение при Ленинградской синагоге. А когда в еврейской общине города Курска, созданной под эгидой ФЕОР, собрался миньян, Меер Ушеревич Райсберг, несмотря на свои годы, стал активным участником еврейского возрождения.

Закончить эту заметку хотелось бы пожеланием Мееру Ушеревичу дожить до 120 лет. Как писал Борис Слуцкий:

*...I óëÿ i áÿ i éi íáëä,
x ò í á ã ã ð è è í á è æ é á ï:
«Ááðááá í á óé ááéí!
Áíá áí ðí ò è è é ï ï æ é á ï!»*

B. Níëíáééí

ΘΑΩΙ ΑΟΙ ΎΕ ΕΞΘΑ Α Ι ΑΙ Ο

В Московском еврейском общинном центре вот уже два года работает по воскресеньям шахматный клуб. В двух детских группах – для начинающих и для «продвинутых» – ребята постигают премудрости шахмат. Они разбирают партии корифеев, играют между собой и в сеансах одновременной игры на нескольких шахматных досках состязаются с преподавателем.

Оживленно прошел конкурс решения шахматных задач. Здесь отличились братья Локшины: Илья занял первое место, Борис – второе. Они были отмечены грамотами и ценными подарками.

Среди взрослых посетителей клуба – люди самых разных возрастов и квалификации – от любителей до мастеров. Они сражаются между собой. Кто-то с часами играет «блиц», или в «быстрые» шахматы, – по 15 минут на каждую партию. А кто-то играет вообще без часов (это – так называемые «тугодумы»). Время от времени преподаватель демонстрирует жемчужины творчества выдающихся шахматистов или дает сеансы одновременной игры на нескольких досках.

В январе нынешнего года состоялся первый чемпионат МЕОЦ по «быстрым» шахматам. В турнире участвовали 13 человек, в их числе были и трое мастеров ФИДЕ. Блестящий результат – 12 очков из 12 возможных! – показал занявший первое место мастер ФИДЕ А. Альперт. На втором месте – мастер ФИДЕ А. Рукин. Третье-пятое места поделили М. Удов, Г. Гержой и А. Гинзбург, причем по результатам личных встреч между ними третье место было присуждено последнему. Результат этого шахматиста заслуживает особого уважения, если учесть его возраст – 76 лет!

В марте-апреле в МЕОЦ прошло командное первенство еврейской диаспоры Москвы также по «быстрым» шахматам. На этом чемпионате 9 команд, в каждой из которых было по 6 участников (4 основных и 2 запасных), представляли различные организации Москвы. С самого начала коллектив под интригующим названием «МЮ» многим представлялся явным фаворитом, поскольку его возглавляли гроссмейстер И. Бердичевский и международный мастер А. Вуль. Однако в ходе упорной борьбы на первое место вышла дружная команда Еврейского агентства. Вторым финишировал МЕОЦ, сумевший на половину очка опередить «МЮ». Абсолютно лучший результат, – 6 очков из 6 возможных – показал лидер МЕОЦ А. Рукин. Команды, занявшие первые три места, получили дипломы, а их участники – грамоты и сувениры.

*P. Óðíí ééí,
i áñðáð ïí ðòá ï í ðáñí áòáí*

ΥΘΑΕΘΕΑΙ ΎΕ ΙΘΑΑΘ ΟΑΠΠΙ ΔΟ

В Стамбуле прошла конференция «Мировые религии против терроризма», организованная Фондом научных исследований (ФНИ). Для участия в форуме были приглашены видные деятели ислама, иудаизма и различных направлений христианства. Присутствовали также политики, деятели культуры, представители военных и деловых кругов Турции, дипломаты многих государств.

В своем обращении организаторы форума сформулировали задачи конференции: «Представители трех религий собрались, чтобы высказать свои взгляды и обратиться к миру с совместным посланием. Подчеркивая извращенную суть концепции «терроризма во имя религии», ФНИ стремится дать эффективный ответ радикальным и агрессивным воззрениям, угрожающим миру, подчеркивая общие ценности иудаизма, христианства и ислама».

Россию на конференции представляли президент «Лиги МАГЕН», раввин Александр Лакшин, председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин, сотрудник Московского патриархата Русской Православной Церкви о. Игорь Выжанов, прелат католической церкви Анджей Стецкевич. Иудаизм также представляли раввины Иешуа Энгельман из Израиля и Довид Сейденберг из США.

«ААОЕ І ДІ ОЕА ОАДДИ ДА» АСАІ ЕІ ІААЕЕ І ДАЕАІ

В Праге завершила свою работу выставка «Дети против террора, террор против детей». Выставка, организованная Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства совместно с Мемориальным фондом «Лapid» (Израиль), посвящена памяти детей, погибших от террора, в том числе – при теракте на тель-авивской дискотеке 1 июня 2001 года.

В экспозиции были представлены детские рисунки и документальные материалы о жертвах террора. Выставка, прошедшая под патронажем министерства здравоохранения Чешской Республики, призвана привлечь внимание общественности к проблеме терроризма в Израиле.

В церемонии открытия приняли участие главный раввин Праги Карел Сидон, представители МИД Чехии и дипломатических миссий. К работе выставки был приурочен концерт еврейской музыки, который открылся поминальной молитвой в исполнении кантора Пражской еврейской общины «Бейт симха» Михаила Форшта. С программой еврейских песен выступило трио «Нигун» под управлением Александра Шоннерта, звучали израильские песни в исполнении детского ансамбля Пражской еврейской общины.

Среди гостей присутствовали члены парламента Чешской республики, посланцы пражских еврейских общин, студенты, представители международной общественности.

Выставка вызвала довольно значительное внимание чешской публики и СМИ.

ЕОІ САУЕОЕО І ДААА САЕЕР ХАІ І УО

В министерстве юстиции РФ прошло совещание руководства этого ведомства с представителями правозащитных и религиозных организаций по вопросам соблюдения прав человека в местах лишения свободы.

Обсуждались, в частности, возможности соблюдения религиозных традиций и реализации права на свободу вероисповедания заключенными.

– Иудеев заставляют работать по субботам и в еврейские праздники, что является нарушением права на свободу вероисповедания, – заявил главе министерства юстиции Юрию Чайке исполнительный директор Федерации еврейских общин России Валерий Энгель.

Долгое время ФЕОР не может получить списки заключенных иудейского вероисповедания. «Администрация минюста ссылается на законодательство о запрещении тестирования заключенных, но речь идет не о тестировании, а о добровольном опросе», – прокомментировал ситуацию В. Энгель.

После предъявления многочисленных жалоб на нарушения прав человека глава минюста согласился с необходимостью создания общественного экспертного совета по контролю за соблюдением прав заключенных.

В МЕЖРЕЛИГИОЗНОМ СОВЕТЕ КРАСНОЯРЬЯ

Это уже вторая встреча лидеров традиционных религиозных организаций региона в рамках Совета. В заседании участвовали управляющий Красноярско-Енисейской епархии РПЦ архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний, муфтий Единого духовного управления мусульман Красноярского края Гаяз Фаткуллин, раввин Красноярска Биньомин Вагнер и председатель еврейской религиозной организации «Менора» Наум Рашковский.

Главным на заседании стало обсуждение и подписание доработанного варианта «Положения о Межрелигиозном совете Красноярского края».

Члены краевого Межрелигиозного совета приняли Обращение к работникам СМИ с просьбой проявлять мудрость и ответственность при публикации материалов, затрагивающих вопросы отношения к вере, а также касающихся проблем нравственного состояния общества и личности.

САОІ ДІ І АІ ЕВ АОА ОО АІ НН ОАІ І АЕА І У

На собрании еврейской религиозной общины города Новороссийска решено начать восстановление участка городского кладбища, на котором находятся еврейские захоронения 20-30-х годов прошлого века.

Как сообщил председатель общины Дмитрий Беккер, за некоторыми могилами давно не ухаживают – многие еврейские семьи выехали в Израиль. Поэтому заботу о захоронениях решила взять на себя община. Каждое воскресенье на кладбище будут отправляться работать несколько добровольцев. В новороссийской еврейской общине сейчас насчитывается около пятисот человек.

ЕІ ОА ДІ АВ ДУАА А АА ДА ЕН ЕІ Е АА ОІ І І ЕЕ

Раввин биробиджанской общины Мордехай Шейнер объявил конкурс на лучший рецепт блюда из кошерной рыбы. Тот, кто таких рецептов не знает, может прислать фотоснимок какой-нибудь оригинальной рыбы или хотя бы анекдот на рыбацкую тему.

Раву Шейнеру этот материал необходим для издания книги о кошерной рыбе. Активные участники конкурса получают экземпляр будущей книги в подарок. Издание, если оно будет осуществлено, несомненно, вызовет интерес читателей. В более чем пятистах реках, речушках, озерах, заливах Еврейской автономной области обитает около ста видов рыб. При этом кошерных, то есть с чешуей и с плавниками, – не менее шестидесяти. Одних только щук – три вида: амурская рейхерта, озерная и травянка.

ІА ОІ ЕУЕІ І І ЕО ХА ОУ, І І Е І ОААА ОУ»

Биробиджанская религиозная община «Фрейд» первая в сибирском и дальневосточном регионах начала заниматься сбором членских взносов. Взносы невелики: всего 10 – 20 рублей.

– Но для членов общины очень важно не только получать, но и отдавать, – сказал председатель совета общины Лев Тойтман. – Кроме того, партнеры «Фрейда» в США, и в первую очередь «Джойнт», сократили объемы финансирования общины. Объясняют они это тем, что в России появилось достаточно богатых людей, которые могли бы вкладывать деньги в еврейские проекты и программы.

Собраны уже первые сто тысяч рублей. Эти средства будут направлены прежде всего на помощь малоимущим.

СВОИМИ СИЛАМИ

Начались работы по восстановлению краснодарского еврейского кладбища, действовавшего 1930 – 1960 годах.

По словам Юрия Тейтельбаума, одного из лидеров местной еврейской общины, это кладбище находилось в заброшенном состоянии, поскольку власти не давали разрешения на приведение его в порядок. Более того, недавно стало известно о планах строительства на территории этого места вечного упокоения... спортивно-развлекательного центра.

Еврейская религиозная община обратилась в администрацию города с протестом – и только после этого отвод земли под строительство был остановлен. Хотя официального разрешения на реконструкцию еврейская община до сих пор так и не получила, вокруг кладбища начали возводить ограду, приводить в порядок территорию. Затем планируется восстановить памятники. Работы ведутся на средства краснодарских евреев.

*אִי תְּנֵי אֲנֵי עֵשׂוֹ אֲבֵנֵי עֵשׂוֹ עֵי עֵשׂוֹ - אִי עֵשׂוֹ יִי עֵשׂוֹ דַּא דִּוְנֵבּ * עֵשׂוֹ אִי עֵשׂוֹ*

В этом году 150 учащихся московских еврейских школ получат диплом о среднем образовании. Всего в Москве восемь еврейских ежедневных средних школ: школа ОРТ, Первая еврейская школа № 1311 (школа Липмана), «Эц-Хаим», «Мигдаль-Ор», «Бет-Иегудит», «Ахей-Тмимим», «Бейт-Ривка» (школа Куравского), «Хама» и «Месивта».

В шесть из них могут поступить «алохические евреи», то есть евреи по материнской линии, в соответствии с канонами ортодоксального иудаизма.

В школу № 1113 принимают всех, однако при условии, что «учащийся и его родители согласны на глубокое погружение в традиционную культуру» – поясняет директор этого учебного заведения.

Школа ОРТ принимает всех желающих. Изучение иврита является обязательным во всех еврейских школах и составляет существенную часть учебной программы. Школа ОРТ – самая крупная, в ней 400 учащихся; в школе Липмана – 320 учеников, а в школе «Эц-Хаим» их – 315. Общая численность учеников московских еврейских школ ныне составляет уже более полутора тысяч.

*יִי אֲבֵנֵי עֵשׂוֹ אֲבֵנֵי עֵשׂוֹ עֵי עֵשׂוֹ דַּא דִּוְנֵבּ * עֵשׂוֹ אִי עֵשׂוֹ*
НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН ПОДГОТОВИЛА
ИРИНА РЕЗВОВА

ОСТАНОВКА: ТЕАТР «ШАЛОМ»

È pàèèàp Àéàèñàí àðà Èààí áóéà

Ì àòáàé Àíéçàð

Театр «Шалом», столь популярный и любимый московскими зрителями, и не только еврейскими, недавно отметил свое 15-летие. А его бессменному руководителю, по сути – создателю, Александру Семеновичу Левенбуку 22 июля 2003 года исполнилось 70 лет.

Юбилей знаменитого актера – это лишь повод, чтобы поговорить и о нем, и о театре, у истоков которого он стоял. От первой постановки театра «Шалом» «Поезд за счастьем» (автор сценария Аркадий Хайт, постановщик Левенбук) до последней премьеры «Блуждающие звезды» прошло не так уж много времени, но за эти годы театр создал более двух десятков значимых работ, признанных не только в России, но и во всем мире.

Театр «Шалом», несмотря на свою молодость, стал известен и популярен во всем мире. Он с триумфом гастролировал в Англии и Германии, в Израиле и США, в Румынии и Чехии.

Многие полагают, что театр «Шалом» генетически ведет свою историю от великого ГОСЕТа – Государственного еврейского театра во главе с легендарным Михоэлсом. Однако если что-то общее в возникновении этих театров и есть, так это то, что оба они рождались на волне политических и революционных потрясений. ГОСЕТ появился вскоре после революции, которая называлась Великой Октябрьской, «Шалом» же – на волне перестройки конца 80-х годов. Думаю, что у ГОСЕТа нет, да и не может быть наследников, и «Шалом» тоже для этой роли не подходит, хотя бы потому, что спектакли ГОСЕТа шли на идише, а спектакли «Шалом» – на русском языке. Главные достоинства театра Левенбука в том, что театр этот имеет свое лицо, свой стиль, свой репертуар, свое «Я». В этом, несомненно, большая заслуга руководителя театра, это и сделало Левенбука режиссером, похожим только на самого себя.

В одном из интервью на вопрос – какие традиции театра Михоэlsa унаследовал «Шалом»? – Левенбук, не задумываясь, ответил:

– У Михоэlsa театр, если так можно сказать по-русски, был очень театральный. В нем огромное внимание уделялось образности, которая передавалась в зрительный зал. Всегда актеры великолепно двигались, танцевали, пели. Конечно, мы этому следуем. Кроме того, ведь расхождения Михоэlsa и Станиславского, на мой взгляд, вопреки мнению многих театроведов были не столь уж существенными. Станиславский говорил, что правда сцены проверяется правдой жизни. Разве Михоэлс был другого мнения? И наш театр в этом согласен и с Михоэлсом, и со Станиславским.

Наверное, многие нас считают наследниками ГОСЕТа потому, что другого еврейского театра в сегодняшней России нет. В пору существования театра Михоэlsa в СССР было еще около 20 еврейских театров, а сегодня мы, к сожалению, единственные.

Левенбук стал человеком почти легендарным. В 70 лет получать такие комплименты уже не страшно. Слово «легендарный» не вырвалось у меня случайно – это, действительно, так. Его воспринимают как «Радионяню». Еще многие сегодня помнят блистательный остроумный интеллигентный дуэт, который именовался «Лившиц-Левенбук». Дуэт, о котором можно без преувеличения сказать: он воспитал целое поколение советских детей, сегодня уже взрослых и даже пожилых. Печально, но вполне закономерно – дуэт прекратил свое существование. Один из Александров – Лившиц – эмигрировал в США, а второй Александр неожиданно для многих пошел другим путем: он вернулся в своем творчестве к своим еврейским корням.

...Вернулся ли? Много лет знаю Александра Семеновича Левенбука, дружу с ним, и после каждой очередной беседы прихожу к выводу: он никогда не уходил от еврейства. Свидетельств тому немало, в частности – сценические работы Левенбука в театре «Шалом»: он почти никогда об этом не напоминает, но он был соавтором первой пьесы – «Поезд за счастьем». К тому же Левенбук изредка пишет стихи для спектаклей, для реприз. Ему принадлежат строки:

*Óõíàèò àìòòí à íàéàéà
óõíàèò àìòòí à íàéàéà
Óõà, àà àíéùà
í àò àíéí ù
è ñòðàà í àò á
Óõà, àà í àò í è ñéç;
í è àíéè, í è ñòðààí ùý.
Ðóéà óéè èíí óéàíí
à çí àé ì ðí ù àí ùý.*

*Àà àííðéíèàðò èàé «Ðàèéíýíð». Àùà ìííèà ñààíý ìííýò
áéèñò àò áéíí ùé ñòðòí ùé éíòáééèàí òíúé áóý, èíòíðé èí àííàèñý «Èèàèò-
Èààí áóé».*

Если бы Александр Левенбук был автором только этой песни, он уже навсегда остался бы в истории русско-еврейской культуры. Если бы он поставил в своем театре только спектакли «Шлимазл» («Недотепа»), созданный по книге Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», «Поезд за счастьем» по Хайту, «Шоша» по Зингеру, «Блуждающие звезды» по Шолом-Алейхему, – его режиссерское имя уже осталось бы навсегда в еврейском театре.

Однажды я спросил Александра Семеновича, может ли театр, играющий на русском языке, считаться еврейским? При этом напомнил ему слова Александра Михайловича Грановского, основателя Государственного еврейского театра, высказанные им в пору создания ГОСЕТа: «Задача нашего театра – это задача мирового театра, и только язык отличает его от других...»

Вот что ответил Левенбук:

– Диалог со зрителем должен вестись на том языке, на котором разговаривает большинство из них. Наш первый спектакль «Поезд за счастьем» (о нем речь еще не раз пойдет в этой публикации. – М.Г.) мы вывели в Израиль на идише. И случилось неожиданное: зрители, полагавшие, что знают идиш, не поняли, о чем говорят актеры со сцены. Наверное, потому, что идиш у полутора тысяч зрителей, пришедших на спектакль, был разным: кто-то приехал из Германии, кто-то – из России, кто-то – из Польши. Актеры в слезах прибежали ко мне за кулисы: нас не принимают и не воспринимают, давайте хоть что-то сыграем по-русски. Я решил играть «с переводами» – сначала на идише, а потом на русском. Успех превзошел все ожидания.

Что здесь скажешь? За возрождение идиша ратуют многие, да и автор этой публикации, для которого идиш был «момэ-лошн». Но, наверное, надо согласиться с тем, что великая еврейская культура (литература и театр) продолжит свое существование на других языках. Языком общения большинства евреев идиш, увы, уже не будет никогда. Другое дело, что в спектаклях театра «Шалом» присутствует идиш – в интонациях, в отдельных фразах, в оформлении спектаклей.

И все же, какой театр «Шалом» – еврейско-русский, русско-еврейский? Разве это столь существенно? Если на его сцене идут такие спектакли, как «Шоша», «Блуждающие звезды», «Шлимазл», если в театре звучат еврейские мелодии – древние и современные, если в театре выросли талантливые молодые еврейские актеры – назову, прежде всего, Евгения Валевица, исполнителя моноспектакля «Фаршированная рыба», – то такой театр, несомненно, еврейский.

Воспроизведу еще один фрагмент беседы с Левенбуком. На вопрос, есть ли будущее у еврейского театра в России? – он ответил так:

– Пока в России есть евреи, у них должны быть свой театр, своя пресса, своя синагога. Театр, я сказал бы, прежде всего.

Театр «Шалом» – театр Левенбука, и так его называют отнюдь не случайно. По-моему, – это справедливо. Театр этот познал и такой феномен: в городах с небольшой еврейской диаспорой на спектаклях залы переполнены. Но ведь ясно – это значит, что на спектакли «Шалома» приходят не только евреи. Едва ли такое происходит лишь из-за любопытства. Просто люди разных национальностей хотят понять: что же такое «еврейский театр», «еврейская жизнь»? Раз музыку для этого театра создают такие выдающиеся композиторы, как Владимир Шаинский, значит, он чем-то интересен.

Об этом феномене я еще раз задумался, когда видел, как воспринимают спектакли театра в Оренбурге, где евреев немногим более двух тысяч (думаю, антисемитов не меньше), – городе, в котором проводится едва ли не самый интересный Международный фестиваль еврейской культуры «Шалом». На одном из таких фестивалей я долго беседовал с А.С. Левенбуком. Вот что сказал Александр Семенович (записано мною в Оренбурге во время «Шалома-99»):

– Почему я и наш театр ежегодно приезжаем сюда, в Оренбург? Этот город продемонстрировал всей стране, что из национальных различий надо делать не войны, не противостояние, а праздники...

Продолжением этой беседы стала другая – на фестивале еврейского искусства в Биробиджане в ноябре 2001 года. Я спросил: обратил ли он внимание на то, что в зале было больше неевреев, чем евреев. И задумывался ли над этим?

Левенбук ответил:

– У нашего театра уникальное положение. И не потому, что он единственный еврейский театр в огромной России. Мы бываем на гастролях в самых что ни на есть русских городах: в Иванове, Новокузнецке, Ижевске. На наши выступления приходят тысячи людей. Столько евреев нет в этих городах, даже если бы они все собрались в залах театра. В одном из городов я обратил внимание, что евреев было не больше, чем в двух рядах. Они, как будто сговорившись, сидели вместе. Что произошло? Почему наш театр вызывает такой интерес у неевреев? Этого я не наблюдал даже за рубежом – в США, в Австралии. Возможно, этот феномен объясняется тем, что мы играем по-русски. Но не только этим. В наши дни появилась огромная тяга к религии. А, как известно, истоки и христианства, и мусульманства восходят к иудаизму.

Второе. Сколько бы ни убеждали людей, что во всем виноваты евреи, многие уже давно поняли, что это не так. Сегодня нас греют своим теплом и вниманием и неевреи. Может быть, это от того, что жизнь стала более сложной, тяжелой. И, как сказал по этому поводу Аркадий Хайт, все народы почувствовали себя евреями.

– Пока в России есть евреи, у них должен быть свой театр, своя пресса, своя синагога. Театр, я сказал бы, прежде всего.

Я же, признаюсь, рад, что наш еврейский театр интересен не только евреям.

В связи с этим воспроизведу выступление Александра Левенбука перед метростроевцами в их концертном зале «Цветной бульвар М». Среди зрителей в тот день (это было летом 2000 года) евреи не составляли не только большинства, но и даже меньшинства. Но спектакль-шоу театра «Шалом» «Национальность? Да!» зрители принимали восторженно. Вот анекдот, рассказанный Александром Левенбуком зрителям.

В советские времена еврей заполняет анкету:

– Был ли за границей?

– Нет.

– Находился ли под судом и следствием?

– Нет.

– Жил ли на оккупированной территории?

– Нет.

– Национальность?

– Да.

Описать реакцию зала – невозможно! Но можно утверждать, что ничто так не сближает людей разных национальностей, как искусство и настоящий юмор.

И еще об одном «свойстве» театра «Шалом»: в его коллективе сохранились элементы того явления, которое некогда называлось «дружбой народов».

Впрочем, об этом лучше расскажет сам маэстро:

– Спектакль «Новеллы Севель» ставила латышка Визма Витолс. Она, не вдаваясь в этнографическую сторону еврейских танцев, уловила дух нашего народа. Еврейский дух, который, видимо, сродни духу любого маленького народа.

Актриса Валентина Смольникова – осетинка по происхождению, Александр Грунда – украинец, Женя Валевиц – еврей, играют в одном спектакле еврейского театра. И каждый выражает что-то свое национальное. И, вместе с тем, они образуют что-то общее еврейское, и это не может оставить безразличным зрителя любой национальности.

Выпускник престижной московской школы юный Саша Левенбук, как и многие дети из обрусевших интеллигентных еврейских семей, пошел учиться на врача. Может быть, это произошло потому, что его мама была известным московским врачом. А может быть, потому, что еврейские родители мечтают, чтобы их чадо стало инженером, врачом, в крайнем случае – бухгалтером. Но артистом – ни-ни!

По отношению к Левенбуку эта «еврейская формула» не совсем приемлема. До медицинского института Левенбук пытался поступить в «Щукинку». Не получилось. Как сказал мне Левенбук, причиной тому стала специфическая внешность абитуриента. А в медицинский взяли с распростертыми объятиями. Его сокурсниками оказались Аркадий Арканов, (тогда еще Штейнбок), Александр Лившиц, не менявший фамилии никогда, Гриша Горин (тогда еще Офштейн). Своим друзьям, не поступившим в другие вузы, Григорий Горин говорил: «Иди к нам, у нас таких берут с удовольствием».

Все эти «будущие врачи», влюбленные в театр и литературу, организовали свой творческий самостоятельный коллектив. Вначале они выступали перед сокурсниками, а позже, почуяв успех и популярность, начали выступать на других площадках – за деньги. Их коллектив шутя называли «разбивающие двери», так как на их «капустники» народ ломился так, что сносили двери. Вскоре коллектив получил приглашения из других городов, то есть превратился в гастролирующую труппу. Это было вначале хрущевских времен, «оттепель» еще не наступила, но народ уже хотел чего-то веселого – настоящего юмора.

Вскоре все будущие медики убедились в одном: сцена их манит куда больше, чем больница. Левенбук с Лившицем пришли на Пятницкую улицу в Радиокomitee и предложили свой проект радиопередачи «Веселый спутник». Начиналась она со слов: «С добрым утром! У микрофона Александр Лившиц и Александр Левенбук». А в конце передачи следовало сообщение: «Авторы передачи Аркадий Хайт и Александр Курляндский». Такой еврейский квартет, естественно, долго существовать не мог, да и передача продержалась недолго...

Левенбук и Лившиц отправились на улицу Качалова и предложили проект «Радионяня». Одна из целей, которую они поставили перед собой, – обучать детей правильной русской речи и произношению. Разумеется, и там дуэт таких фамилий не порадовал, но как-то обошлось – видимо, сочли, что детей фамилии смущать не будут. «Радионяня» просуществовала почти четверть века. Кто знает, быть может, сам Брежнев способствовал этому: рассказывают, будто он дарил своим внукам пластинки «Радионяня».

«Веселый спутник», «Радионяня» – это лишь часть артистического диапазона молодого Левенбука. Он участвовал в эстрадных концертах, режиссировал их, представил на эстраде немало новых талантов. Среди них – Алла Пугачева! Именно Левенбук вывел ее впервые на сцену. Так что неудивительно, что на открытии театра «Шалом» выступила Алла Борисовна. Это произошло на спектакле «Поезд за счастьем», автором которого был Аркадий Хайт и с которого, собственно, и начался театр «Шалом». Ибо, как известно, театр начинается не только с вешалки, но, прежде всего, с репертуара.

Мысль эту подтвердил в одной из бесед со мной Александр Левенбук:

– Возглавив театр, я начал с того, что пригласил моего давнего друга Аркадия Хайта. Очаровательный талантливый человек, истинный профессионал, он согласился написать пьесу для нашего театра – «Поезд за счастьем». Понимал тогда и понимаю сегодня, что это было для нас спасением. Спектакль имел большой успех и в СССР, и за рубежом.

Со спектаклем «Поезд за счастьем» коллектив вскоре поехал в Лондон. Но в этом везении был и элемент невезения: в Англию спектакль «вывезла» всемирно известная английская актриса Ванесса Редгрейв – сторонница палестинцев в палестино-израильском конфликте. Надо ли говорить, как много зрителей отвернулись тогда от театра, который только начинал свой путь. Да и вообще отношения театра «Шалом» с АКСО – «Антисионистским комитетом советской общественности» – история отдельная... Здесь же позволю себе одно воспоминание. Во время работы над пьесой «Поезд за счастьем» Аркадий Хайт пригласил меня к себе домой. Был у него тогда в гостях и Левенбук. Мы беседовали о ГОСЕТе, о Михоэлсе, о традициях еврейского театра в России, о том, может ли театр «Шалом», говорящий по-русски, быть наследником идишистского ГОСЕТа? И Аркадий Хайт сказал:

– В этом и будет оригинальность нашего еврейского театра – актеры говорят на русском языке с еврейским акцентом. И вообще у евреев все не как у других: театр был для них в течение тысячелетий запретным плодом. И, тем не менее, лучшие актеры в разные времена в разных странах были евреи. Словом, у нас все не как у других людей. Даже юмор...

И тут Аркадий неожиданно рассказал такой случай. В Киеве, проезжая в троллейбусе около здания украинского КГБ, он оказался рядом с евреем. И тот, глядя в окно на это здание, тяжело вздохнул. Уловив насмешливый взгляд Хайта, он сказал: «А что вы хотите, чтобы при виде этого помещения, я что-то еще говорил?!»

...А теперь снова вернемся на премьеру спектакля «Поезд за счастьем». Вот слова, которыми предварила его Алла Борисовна Пугачева:

– Когда в зале еврейские зрители, а на сцене еврейский спектакль, это, наверное, и есть еврейское счастье.

И, обращаясь уже непосредственно к Левенбуку, звезда эстрады продолжила:

– Много лет назад этот человек вывел меня на эстраду. Сегодня я хочу взять его за руку и вывести на эту сцену.

*Ан מעוֹמֵי עֵאִי עֵי אֶרֶצְיֵנוּ אֲדַעֵנֶּה אֲדַעֵי לָא (וְיָאֵא אִיאָ דְּוֹאֶי אֵי עֵ),
אֶעֱרֵי אִי אֶעֱרֵעֵ, יֵאִי אִי יֵאֶעֱרֵעֵ וְאִי עֵעֵעֵ יֵעֵרֵי אֵא, אֲדַעֵ אֵ אִי דַעֵי (וְיָאֵא אִיאָ דְּוֹסֹאֶי).
נֵאֵרֵי אֲדֻבְרֵי, יֵאִי יֵיִנֹּוֹרֵעֵאֶעֵי אֵ אֲדֻבְרֵי אֲדֻבְרֵי, אֲדַעֵ אֲדַעֵי אִי אֲדַעֵ: «עֵאֵ עֵ יֵאֵ, וְ
יֵאֵ אֲדַעֵוֹ אֲדַעֵוֹ נֵוֵאֵי אֵי יֵיִנֹּוֹ אֶעֵאֵ».*

Рассказывая о театре «Шалом», Александр Левенбук не раз повторял мне одну и ту же фразу:

– В нашем театре всегда есть места для двух почетных гостей: Аллы Пугачевой и Иосифа Кобзона. После того, как Кобзон порекомендовал меня на должность руководителя будущего еврейского театра, меня, естественно, пригласили в горком партии. Идею создания театра поддерживал активный в ту пору антиссионистский комитет во главе с генералом Давидом Драгунским. Я, честно говоря, не понимал: зачем бороться с сионизмом и на этой почве – создавать еврейский театр в Москве? Если сионизм – всего лишь желание евреев вернуться на свою историческую родину, то это играло на руку тем, кто не любил их. Пусть уезжают из СССР! И с этой же точки зрения сионизм играл на руку антисемитам в среде партийных бонз.

Итак, будущего руководителя театра «Шалом» пригласили в МК партии для беседы. В кабинете «их» было четверо, продолжал вспоминать Левенбук.

– Внимательно изучив меня с ног до головы, они спросили: знаю ли я обстановку в театре? Тогда там началась какая-то свара, но я о ней подробно не знал. Они мне изложили всю подноготную достаточно подробно, знали всех артистов по имени и фамилии. Один из собеседников, пронзив меня взглядом, спросил: будем ли мы в нашем театре ставить Островского? На что я не раздумывая ответил: «Неужели вы думаете, что после пьес Островского в Малом театре кто-то поедет на Варшавское шоссе смотреть “Бесприданницу” или “Грозу” совсем с другим акцентом?» После этих слов со мной быстро распрощались, сказав, что при необходимости меня найдут. Было это в середине 80-х годов. Наверное, я бы ждал звонка до сих пор, но произошло следующее. В 1987 году я режиссировал юбилейный концерт Кобзона в его мастерской. Однажды я застал там незнакомого человека. Оказалось, это был значимый московский чиновник в области культуры. Кобзон будто бы невзначай спросил его: как продвигаются дела с открытием еврейского театра в Москве? Чиновник ответил: «К сожалению, забуксовали. Левенбук отказался от этого театра». Надо было видеть выражение лица этого чиновника, когда Кобзон предложил ему познакомиться со мной. Тот протянул мне руку и спросил: «А что? Разве вы не отказались? Мне передали, что вам дважды звонили и вы – не согласились. Значит, снова меня неправильно проинформировали! Я их!..»

Рассказывая мне об этом, Левенбук улыбнулся и с грустью произнес:

– Теперь понимаете, как возникают анекдоты.

Со времени моего знакомства с Левенбуком прошло немало лет. Впервые мы увиделись в доме первого завлита театра «Шалом». Тогда шла подготовка к вечеру памяти Михоэлса. Участвовал в этом и

Евгений Арье – тогда еще ученик режиссера Льва Додина из Ленинграда. Я был приглашен как главный консультант по Михоэлсу. Они не были уверены, что вечер памяти Михоэлса в Доме кино состоится. Впрочем, как и я не надеялся, что моя книга о Михоэлсе когда-нибудь увидит свет. Но все мы делали все возможное во имя возвращения этого имени в нашу жизнь.

Я тогда еще мало знал театр «Шалом», больше спектаклей видел в постановке Камерного еврейского музыкального театра, который возглавляли Юрий Шерлинг и Михаил Глуз. Знал, что Левенбук поставил там один из спектаклей. И этим был вызван мой вопрос к нему: не является ли театр «Шалом» аналогом КЕМТа?

– Ничего подобного, и даже – ничего общего, – ответил Левенбук.

Сегодня КЕМТа, в свое время интересного и привлекательного театра, уже нет. А «Шалом», театр Левенбука, продолжает дарить людям свое искусство, и притом – не только в Москве, не только в России, но и во всем мире.

Юбилейные статьи, посвященные годовщине деятеля искусства, независимо от возраста юбиляра, заканчиваются традиционно: «Актер, режиссер, художник N еще молод и пребывает в расцвете творческих сил». Вот и я мог эту статью закончить теми же словами, вместо N написав «Левенбук». И это было бы похоже на правду: совсем недавно Александр Семенович признался, что мечтает поставить главную свою пьесу – по книге Лиона Фейхтвангера «Испанская баллада».

Однако закончу словами выдающегося еврейского журналиста Григория Габриловича: «Искусство не дает человеку пропасть». А может быть, точнее всех определил значение искусства – и театра в том числе! – французский философ, еврей по происхождению, Анри Бергсон:

– Искусство зиждется не на действительности, а на чаяниях, мечтах и вдохновении.

Не это ли – наряду с Книгой Книг – сохранило наш народ?

ЭТИ ДВЕ-ТРИ НЕДЕЛИ РЕШИЛИ ВСЁ

Aai ääëëò Näöf rä

В 1990 году в Москве, в издательстве «Советский писатель» вышли три тома мемуаров Эренбурга. Эта книга тогда впервые явилась в свет в полном, нецензурированном виде, без всяких исправлений и купюр. Предисловие к этому изданию писал я. И когда я работал над ним, мне пришло в голову, что хорошо бы, воспользовавшись этой возможностью (когда еще представится такой случай!), опубликовать найденное Ириной в отцовском архиве письмо Эренбурга Сталину.

Ирина со мной согласилась. Она только попросила меня (по понятным причинам) пока – до времени – не публиковать последний его абзац: ту самую фразу, где Илья Григорьевич говорит, что если Сталин будет настаивать на своем, он это ужасное «Письмо в редакцию», разумеется, подпишет. (Лихорадочно сочиняя свое письмо Сталину, Эренбург, конечно, и думать не думал о том, как он будет выглядеть в глазах потомков, если им случится когда-нибудь это письмо прочесть. Но Ирина, ставшая после смерти отца его единственным душеприказчиком, не думать об этом не могла.)

Итак, в 1990 году с небольшими, хоть и существенными купюрами, это письмо было опубликовано. Семь лет спустя в президентском (бывшем сталинском) архиве отыскан оригинал этого письма. И в первом номере журнала «Источник» за 1997 год оно – впервые – было опубликовано полностью. В том же номере «Источника» был опубликован и текст якобы того самого «Письма в редакцию», о котором шла речь в эренбурговском обращении к вождю.

Я написал «якобы того самого», потому что, едва только я бегло проглядел этот текст, как мне сразу же стало ясно, что это – совсем не то письмо. Другое. Оно не обвиняло советских евреев в пособничестве мировому сионизму, а, напротив, защищало их от этих подозрений:

«... Русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом...»

А кончалось оно так:

«Учитывая важность сплочения всех прогрессивных сил еврейского народа, а также в целях правдивой информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за укрепление мира, мы считали бы целесообразным издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом.

Мы уверены, что наша инициатива встретит горячую поддержку всех трудящихся евреев в Советском Союзе и во всем мире».

Письмо было жалкое, раблепное, и подписывать его, конечно, тоже было противно. Но совершенно очевидно, что это было совсем не то письмо, которое могло спровоцировать Эренбурга на его отчаянное обращение к Сталину.

Это мое ощущение мне довольно легко было бы подтвердить анализом обоих текстов. (В тексте этого «Письма в редакцию» нет ни одного из тех выражений и оборотов, на которые ссылается Эренбург в своем письме Сталину.) Но никакого анализа тут даже и не надо: достаточно указать лишь на одно – сразу бросившееся мне в глаза – несоответствие.

В тексте этого «Письма в редакцию «Правды» упоминается взрыв бомбы «на территории миссии СССР в Тель-Авиве». Взрыв этот, как я уже говорил, произошел 9 февраля. А под письмом Эренбурга Сталину, опубликованным в том же «Источнике», стоит дата: «3 февраля 1953 года».

Вот и все. И никаких других доказательств больше не надо. Не стану задаваться вопросом, по недомыслию ли и некомпетентности сотрудников журнала «Источник» появился на его страницах этот очевидный ляп, или то была сознательная фальсификация? Важно, что подлинный текст «Письма в редакцию», под которым Эренбург отказался поставить свою подпись, так и остался за семью печатями.

Приступая к этой странице моих воспоминаний, я уже мысленно заготовил для нее такую финальную фразу: «То ли текст этот до сих пор не найден (может быть, даже уничтожен?), то ли сознательно утаивается». Но замечательная фраза эта мне не пригодилась.

Туманная, полная загадочных недомолвок короткая реплика из эренбурговских мемуаров, которую я цитировал («Я попробовал запротестовать. Решило дело не мое письмо, а судьба»), была взята мною из первого издания книги «Люди, годы, жизнь». В последующих изданиях его мемуаров эта невнятная ссылка на какие-то таинственные обстоятельства, время говорить о которых еще не пришло, стала чуть яснее.

«События должны были развернуться дальше. Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел. Конечно, эта история – глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить».

Не берусь судить, почему он считал, что тогда время об этом говорить еще не настало. Потому что не смог бы сказать всю правду? Но в других случаях это его не смущало. Он всегда исходил из того, что лучше сказать хоть что-то, чем не сказать ничего.

Как бы то ни было, сейчас, я думаю, уже пришло наконец время заполнить этот пробел в его биографии, воссоздать эту пропущенную им главу. В полной мере ее теперь, конечно, уже не воссоздать. При том, что завеса над этой тайной в последнее время уже слегка приоткрылась, всего, что мог бы рассказать об этом сам Эренбург, мы не узнаем. Но зато мы теперь знаем то, чего не знал, о чем еще не мог знать он. Открылись новые факты, новые обстоятельства. И исходя из этих новых, совсем недавно открывшихся фактов и обстоятельств, я могу с полной уверенностью утверждать, что Эренбург не зря думал, будто бы ему удалось своим письмом переубедить Сталина. Оказалось, что для такого предположения у него были совсем не малые основания.

Насчет того, каким было то письмо именитых советских евреев в редакцию «Правды», о чем в нем шла речь, кем и ради чего оно было затеяно, версий было много. В том числе и противоречивых, взаимоисключающих.

Вот, например, что рассказывает об этом С.И. Липкин в воспоминаниях о своем друге Василии Семеновиче Гроссмани.

«Гроссмана пригласили в “Правду”: позвонил ему профессор-историк Исаак Израйлевич Минц, сказал, что он должен прийти, в помещении редакции пойдет речь о судьбе еврейского народа. По пути в “Правду” Гроссман зашел в “Новый мир”. Он хотел выяснить свои отношения с Твардовским по поводу того, что тот отрекся от романа “За правое дело”. Оба, как я мог судить по рассказу Гроссмана, говорили резко, грубо. Твардовский, между прочим, сказал: “Ты хочешь, чтобы я партийный билет на стол выложил?” – “Хочу”, – сказал Гроссман. Твардовский вспыхнул, рассердился: “Я знаю, куда ты отсюда должен пойти. Иди, иди, ты, видно, не все еще понял, там тебе объяснят”.

В “Правде” собрались видные писатели, ученые, художники, артисты еврейского происхождения. Минц прочитал проект письма Сталину, которое собравшимся предлагали подписать. Смысл письма: врачи – подлые убийцы, они должны подвергнуться самой суровой каре, но еврейский народ не виноват, есть много честных тружеников, советских патриотов и т.д. Письмо так и не было послано Сталину, вообще оно было задумано не наверху, а оказалось, как нам потом объяснил хорошо информированный Эренбург, затеей высокопоставленных партийных евреев, испугавшихся за свою судьбу со всеми ее привилегиями» (Семен Липкин. Квадрига. М., 1997. С. 543, 544).

Не думаю, чтобы «хорошо информированный Эренбург» говорил им нечто подобное. А если даже и говорил (мало ли по каким причинам не хотел откровенничать), вряд ли он всерьез считал, что задание это не было спущено Минцу и Маринину с самого верха. У Твардовского, судя по его реплике, записанной Липкиным со слов Гроссмана («Я знаю, куда ты отсюда должен пойти. Иди, иди, ты, видно, не все еще понял, там тебе объяснят»), тоже не было никаких сомнений насчет того, откуда дует этот ветер.

Есть, правда, еще одно свидетельство, как будто подтверждающее такую (первоначальную) реакцию Эренбурга. Вот что замечает по этому поводу Борис Фрезинский, как я уже говорил, внимательно исследовавший всю последовательность событий:

«Они (Минц и Маринин. – Б.С.) приеха

ли к Эренбургу на дачу, но И.Г. отказался подписать письмо (возможно, его не прочитав) и, отнеся дело к их личной инициативе, не придавал этому значения» (Б.Я. Фрезинский. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа. Исторические записки. № 5 (123). М., 2002. С. 310).

Высказывая это замечание, Фрезинский ссылается на запись своей беседы с Алей Яковлевной Савич – вдовой Овадия Савича. От Савичей у Ильи Григорьевича не было секретов. Так что этому свидетельству приходится верить. Что ж, быть может, поначалу он и впрямь подумал, что дело сводится к личной инициативе – не Минца и Маринина, конечно, – но каких-то других до смерти перепугавшихся высокопоставленных евреев. Хотя, честно говоря, мне трудно себе представить, чтобы он всерьез предполагал, что такая инициатива могла возникнуть у кого-нибудь самопроизвольно, без прямого указания автора сценария.

Глухой намек на то, что инициатива письма именитых евреев в редакцию «Правды» шла если и не «снизу», то, во всяком случае, и не с «самого верха», мы находим и в воспоминаниях Вениамина Каверина:

«Идея “еврейского письма” возникла, мне кажется, в больном мозгу, охваченном лихорадкой маниакального нетерпения. Антисемитизм перед процессом “убийц в белых халатах” достиг того уровня, который необходимо было как-то оправдать, объяснить, уравновесить» (В. Каверин. Эпилог. 1989. С. 316).

Хоть тут и не сказано, в чьем больном мозгу возникла эта идея (можно ведь понять и так, что в больном мозгу Сталина), но слово «уравновесить» больше склоняет к мысли, что в основе затеи лежал ужас, охвативший евреев, принадлежавших к идеологической службе режима.

Все это, впрочем, не так уж и важно. Гораздо важнее выяснить, в чем состоял смысл этого «еврейского письма». По Каверину получается, будто совсем не в том, чтобы объявить, что «еврейский народ не виноват», как это понял со слов Гроссмана Липкин.

«Зимой 1952 года мне позвонил из редакции “Правды” журналист Маринин и пригласил приехать для разговора, имеющего, как он сказал, “серьезное общественное значение”. Я приехал и был встречен более чем любезно. Маринин (его настоящая фамилия была Хавенсон) провел меня в комнату, которая, как я понял, была приемной Давида Иосифовича Заславского, видного журналиста, одного из руководящих работников “Правды”. В кабинете Заславского уже разговаривали – и через открывающуюся время от времени дверь я

видел старых евреев в орденах, сидевших по ту сторону стола, за которым мелькнула внушавшая мне глубокое отвращение жирная лысая голова Заславского.

Маринин предложил мне познакомиться с письмом, которое, как он мне сообщил, уже согласились подписать видные деятели культуры. И не только культуры: армии и флота.

Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке. Знаменитые деятели советской медицины обвинялись в чудовищных преступлениях, и подписывающие письмо требовали для них самого сурового наказания. Но это выглядело как нечто само собой разумеющееся – подобными требованиями были полны газеты. Вопрос ставился гораздо шире – он охватывал интересы всего еврейского населения в целом, и сущность его заключалась в другом. Евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, в научных институтах, на фабриках и заводах. И тем не менее в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма...

Я передаю лишь в самых общих чертах содержание этого документа, память, к сожалению, не сохранила подробностей, да они и не имеют существенного значения. Ясно было только одно: решительно отвергая наличие в СССР антисемитизма, мы заранее оправдывали новые массовые аресты. Попытки, высылку в лагеря ни в чем не повинных людей. Мы не только заранее поддерживали эти злодеяния, мы как бы сами участвовали в них уже потому, что они совершались бы с нашего полного одобрения» (В. Каверин. Там же. С. 316, 317).

Это длинное письмо Каверин прочитал два раза. Маринин терпеливо ждал. Затем сказал, что этот «убедительный документ» уже подписали Гроссман, Антокольский. Назвал ряд других известных фамилий.

«– Гроссман?

– Да.

Это было непостижимо.

– А Эренбург?

– С Ильей Григорьевичем согласовано, – небрежно сказал Маринин. – Он подпишет» (Там же. С. 317).

Хорошо зная Эренбурга, Каверин не поверил этому «согласовано». Решил, что Маринин блефует. И оказался прав:

«... Не заезжая домой, я отправился к Эренбургу. Он уже знал о письме, с ним говорили – и встретил меня спокойно. Впрочем, спокойствие у него было разное – случалось, что он скрывал бешенство, равнодушно попыхивая трубкой.

– Илья Григорьевич, как поступить?

– Так, как вы сочтете нужным. В разговоре со мной вы упоминались. Если вы откажетесь, они подумают, что отсоветовал Эренбург.

– Так это ложь, что письмо согласовано с вами?

– Конечно, ложь. Разговор был предварительный. Я еще не читал этого письма» (Там же. С. 319).

При первом визите к нему Маринина и Минца Эренбург и в самом деле даже не стал читать принесенное ими письмо. Прогнал их, не читая. Ну а потом, когда прочесть все-таки пришлось, зловещий его смысл понял и оценил даже резче, чем Каверин.

Вот как передает его рассказ об этом журналист Зиновий Шейнис. Свою беседу с Ильей Григорьевичем он датирует июлем 1953 года:

«Они приехали ко мне домой. Они – академик Минц, бывший генеральный директор ТАСС Маринин и еще один человек. Вопрос о выселении евреев из Москвы и других городов уже был решен Сталиным. Вот тогда Минц и Хавинсон обратились ко мне. Не знаю, была ли это их инициатива или им посоветовали “наверху” так поступить. Они приехали с проектом письма на имя “великого и мудрого вождя товарища Сталина”. В письме содержалась нижайшая просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены. Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и охранить евреев от справедливого гнева русского народа. То есть под охраной выселить их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа, очевидно, в надежде, что сами они не подвергнутся выселению» (Вечерняя Москва, 28 июня 1991 года).

Текст письма, изложенный Шейнисом якобы со слов самого Эренбурга, конечно, апокрифический. Я бы даже сказал, что он окутан ароматом густой липы. Однако доктор исторических наук Я. Этингер в своей книге «Это невозможно забыть. Воспоминания» (М.: Весь мир. 2001) ссылается на него как на достоверный исторический документ.

На месте доктора исторических наук я бы отнесся к этому свидетельству журналиста с большей долей скептицизма. Но Я. Этингер с доверием отнесся и к еще более развесистой клюкве:

«Письмо, безусловно, в свое время было уничтожено и казалось, что никогда не удастся узнать его полное содержание. Но произошло невероятное. Несколько лет назад мне позвонили домой, очевидно, из автомата; судя по голосу, звонила пожилая женщина. Она попросила меня к телефону. Убедившись, что именно я взял трубку, она несколько приглушенным и испуганным голосом сказала, что знает, что мой отец – известный профессор-кардиолог Я.Г. Этингер. Сообщила, что читала некоторые мои статьи о “деле врачей”. Женщина предложила мне ознакомиться с “одним письмом”, которое, по ее словам, представляет для меня интерес... Спустя час она находилась у меня дома. Ей было лет 60. Плохо одетая, она производила жалкое

впечатление. Женщина никак не представилась, не назвала ни своей фамилии, ни своего имени. Она рассказала мне, что ее умершая 10 лет назад старая мать в течение 30 лет работала машинисткой в одной из центральных газет и печатала, будучи опытной машинисткой, многие важные статьи и документы. У матери сохранился небольшой архив, и, перебирая вскоре после ее смерти бумаги из него, она обнаружила пожелтевший от времени экземпляр письма, озаглавленного «Ко всем евреям Советского Союза». Бегло просмотрев текст, я убедился, что в моих руках находится уникальный исторический документ, призыв-обращение к депортации евреев в отдаленные районы страны. Этот документ разыскивался долгие годы. Я попросил посетительницу разрешить мне сделать копию этого письма. Но она наотрез отказалась. «Если хотите, перепишите его в моем присутствии». Она была запугана, хотя со времени «дела врачей» прошли многие годы. Но страх, посеянный сталинским режимом, унаследованный, очевидно, от матери, продолжал глубоко сидеть в ней.

После того как я переписал письмо, она бережно сложила его в сумку, попрощалась, не оставив ни своего адреса, ни телефона... Мы попрощались, и она исчезла за дверью, навсегда» (Я.Я. Этингер. Там же. С. 121-122).

Таинственная посетительница исчезла навсегда, но текст принесенного ею «уникального исторического документа», переписанный рукой автора, остался у Этингера. И он приводит его в своей книге, не выражая ни малейших сомнений в совершенной его подлинности.

Приведу его и я.

«Ко всем евреям Советского Союза.

Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства – евреи по национальности – в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам.

Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной организации Джойнт. Они умертвили видных деятелей партии и государства – А.А. Жданова и А.С. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных деятелей нашей страны, в том числе крупных военных деятелей. Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытать чувства гнева и возмущения. Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И.В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР.

Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа» (Там же. С. 122-123).

Как оказалось, текст этого «уникального исторического документа» был известен еще до того, как безымянная гостя принесла и позволила скопировать его Я. Этингеру. Впервые он появился в книге писателя В.П. Ерашова «Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника» (М. ПИК. 1990), что дало повод бдительному Г.В. Костырченко обвинить Этингера в плагиате.

Сам же Этингер это почти полное совпадение опубликованного им текста с тем, который Ерашов уже обнародовал в произведении, предусмотрительно названном им историко-фантастической хроникой, объяснял так:

«После того как в моих руках оказался текст письма группы евреев Сталину, я немедленно позвонил писателю и с радостью сообщил, что оно во многом аналогично письму в его книге. Разумеется, Валентин Петрович был обрадован таким совпадением. И тогда я у него спросил: а на чем основано письмо, содержащееся в его книге? И он ответил мне, что ему показал письмо один писатель-еврей, который был в курсе этого дела. То есть, очевидно, речь шла о разных вариантах одного и того же письма» (Я. Этингер. Документы – еще не вся правда. Журнал «Лехаим». 2002, № 9).

Помимо этих, приведенных мною, было еще множество других – версий, слухов, легенд. Размышляя над всеми этими версиями, я подумал, что, тщательно их проанализировав, можно было бы, наверно, ответить всю шелуху слухов и легенд и извлечь из них некое рациональное зерно, если и не добравшись до истины то, во всяком случае, приблизившись к ней.

Соблазн заняться этим был, признаюсь, велик. Но как раз в то самое время, когда я размышлял над тем, стоит ли мне так уж углубляться во все эти дела, превращая главу из книги воспоминаний в подобие историко-литературного исследования (хотя это ведь тоже моя жизнь), меня навестил приехавший на несколько дней из Петербурга в Москву Борис Фрезинский и сообщил, что подлинный текст того легендарного письма все-таки отыскался.

Мало того! Он привез мне ксерокопию этого текста, найденного все в том же президентском архиве. Это – гранки. Те самые, которые дали прочесть Эренбургу, предлагая ему их подписать. Я так уверенно написал «те самые», потому что на полях сохранились замечания самого Эренбурга. Не сделанные, правда, его

собственной рукой, а надиктованные им, записанные с его слов то ли Минцем, то ли Марининым, то ли еще кем-то из тех, кто дал ему прочесть это письмо, настоятельно предлагая подписать его.

Но сперва – о самом письме. Начиналось оно с проклятий, адресованных преступникам, действовавшим «под маской ученых». Преамбула эта (которой, кстати, в том письме, что опубликовал «Источник», не было) заключалась фразой:

«Вместе со всем советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим позором эту клику убийц, этих извергов рода человеческого».

Одной этой фразы было бы довольно, чтобы человек, которому предложили поставить под ней свою подпись, содрогнулся от ужаса. Ведь расписаться под ней – это значило, как говорит герой романа Гроссмана, «совершить подлость!.. Бросить камень в жалких, окровавленных, упавших в бессилии людей».

Но это было только начало. Дальше – непосредственно за всеми этими проклятиями, следовала короткая формула перехода к главной теме:

«Большинство из разоблаченных преступников – еврейские буржуазные националисты, завербованные международной сионистской организацией “Джойнт” – филиалом американской разведки. Не случайно англо-американские империалисты ухватились за еврейских буржуазных националистов-сионистов...»

И вот наконец – оно. Главное. То, ради чего всё это затевалось:

«...Нельзя не признать, что у некоторой части еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения. Еврейские буржуазные националисты-сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, всячески разжигают эти националистические настроения. Они пытаются всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности и национальной вражды к русскому народу и другим народам Советского Союза. Они хотят превратить евреев России в шпионов и врагов русского народа...»

Не так прямо и грубо, как в мифологических вариантах Шейниса, Ерашова и Этингера, но все же достаточно ясно.

Ну, а теперь – к пометкам, которые сделал Эренбург на полях этого текста. Выражение «некоторая часть», пишет он, может толковаться так, что националистов-евреев очень много. И предлагает свой вариант: «среди некоторых элементов». Выражение «евреев России» он предлагает заменить формулой: «обманутых ими евреев». Подчеркнув слова «хотят превратить евреев», диктует свой вариант: «Могут подумать, что всех евреев, в том числе и авторов настоящего письма». Постоянно повторяющееся в письме выражение «еврейский народ» он предлагает заменить в одном случае – на «советских евреев», в другом – на «еврейских тружеников».

Совершенно очевидно, что если бы все эти предлагаемые им исправления в текст письма были внесены, смысл затеваемой акции не слишком бы изменился. И он, конечно, прекрасно это понимал. Недаром все свои замечания предварил такой фразой:

«На поправках не настаиваю, но отдельные фразы нынешнего текста могут принести вред».

Эта реплика очень ясно показывает, в каком направлении сразу заработала его мысль, едва только он начал знакомиться с текстом письма. Сразу решив, что он не станет его подписывать, он старается нащупать самые уязвимые, самые слабые (с точки зрения официальной идеологии) его места. Не для того, чтобы исправить их, изменить, сделать менее уязвимыми, а с одной единственной целью: дезавуировать самую затею. Дезавуировать же ее можно было только одним способом: обратившись к САМОМУ. К тому, кто все это затеял.

Мысль написать Сталину наверняка возникла у него сразу. Иначе разве он оговорился бы, что на своих поправках не настаивает? Он словно бы ткнул носом авторов письма в их некомпетентность, в их «политическую незрелость»: я, мол, вас предупредил, а там – дело ваше, действуйте, как хотите. Не исключаю даже, что он тут же дал понять этим мелким сталинским фишкам (академику Минцу и журналисту Маринину), что будет «сигнализировать» обо всех их промашках в вышестоящие инстанции.

Вряд ли, конечно, он всерьез рассчитывал, что его «ход» сработает. Он просто тянул время. Делал все, что было в его силах.

Однако – случилось чудо. «Ход» сработал.

Я уже говорил, что текст «Письма в редакцию «Правды»», опубликованный в 1997 году в журнале «Источник», показался мне фальшивкой. На этот счет у меня было много разных соображений. Но главное, неопровержимое сводилось к дате. Эренбург свое письмо Сталину написал и отправил 3 февраля, а в тексте «Источника» упоминался взрыв бомбы на территории миссии СССР в Тель-Авиве, случившийся 9 февраля. Стало быть, «Письмо», опубликованное в «Источнике», никак не могло быть тем, которое давали на подпись Эренбургу и по поводу которого он писал Сталину.

Но потом я подумал: а кому понадобилось изготавливать такую фальшивку? С какой, собственно, целью?

И простая догадка вдруг осенила меня: а что, если этот текст был ВТОРЫМ? Новым письмом, сочиненным по указанию Сталина, вдруг решившего изменить первоначальный сценарий?

Я внимательно перечитал под этим углом зрения текст «Источника», и – сразу все стало на место. Сразу бросились мне в глаза отдельные реплики, фразы, речевые обороты, в которых нельзя было не узнать хорошо всем нам знакомые интонации сталинского голоса:

«Разве не факт, что в Израиле всеми благами жизни пользуется лишь кучка богачей, в то время как подавляющее большинство еврейского и арабского населения терпит огромную нужду, лишения, влачит полунищенское существование. Разве не факт, что правители Израиля навязали израильским трудящимся двойной гнет – еврейского и американского капитализма».

«Кто не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Кто, наконец, не знает, что антисемитизм составляет также отличительную черту тех фашистских клик, которые повсеместно поддерживаются империалистами США».

Помимо этих знаменитых сталинских повторов, были там и другие следы легко узнаваемой сталинской речи. Его стиль, его речевая манера:

«Но давайте разберемся в том, кого в действительности представляют правители государства Израиль, кому они служат...»

«Далее. Интересы каких евреев отстаивает международная сионистская организация “Джойнт”...»

«Разберемся и в этом вопросе...»

Осененный своей догадкой, читая все это, я словно увидел живого Сталина. Вот он неторопливо прохаживается по своему кабинету, медленно роняя чугунные гири своих риторических вопросов:

– Разве не факт?..

И:

– Кто не знает?..

Потом останавливается и, подняв руку с указующим перстом или любимой своей трубкой, возглашает:

– Далее...

Или:

– Разберемся в этом вопросе.

А перед ним, на полусогнутых, стоит какой-нибудь, скажем, Шепилов, судорожно старающийся запомнить каждую драгоценную фразу вождя. А может быть, даже и записывает. (Иначе откуда же там вдруг взялись бы все эти, скорее в устной речи уместные: «Далее...» и «Разберемся в этом вопросе...»).

В открывшейся вдруг моему взору картинке ничего такого уж ошеломляюще нового для меня не было. Я ведь и раньше прекрасно понимал, что если письмо, появившееся в «Источнике», не было фальшивкой, если этот текст действительно был ВТОРЫМ, долженствующим заменить отмененный, забракованный ПЕРВЫЙ, то сделать все это могли только «по личному указанию товарища Сталина».

По-настоящему новым в этом тексте при внимательном его чтении для меня оказалось совсем другое. В сущности, все содержание этого нового, второго письма развивало главный аргумент, главный тезис Эренбурга, выдвинутый им в его обращении к Сталину:

«Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистской пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения».

Это Эренбург.

А вот – самое начало ВТОРОГО «Письма в редакцию “Правды”»:

«Есть люди, которые, выдавая себя за “друзей” и даже за представителей всего еврейского народа, заявляют, будто у всех евреев существуют единые и общие интересы, будто все евреи связаны между собою общей целью. Эти люди – сионисты, являющиеся пособниками еврейских богачей и злейшими врагами еврейских тружеников».

Эренбург предлагает:

«Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм... Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции “Правды” и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, поможет справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире».

Автор (или авторы) второго письма точно следуют этому эренбургскому совету:

«В Советском Союзе осуществлено подлинное братство народов, больших и малых. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь».

Не ясно ли, что легенда об империалистической Америке как “друге” евреев является сознательной фальсификацией фактов. Не ясно ли также, что только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР.

Враги свободы национальностей и дружбы народов, утвердившейся в Советском Союзе, стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотя превратят евреев России

в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа...

У трудящихся евреев всего мира – один общий враг. Это – империалистические угнетатели, на услужении которых находятся реакционные заправилы Израиля...»

Эти текстуальные совпадения напомнили мне один эпизод из истории, скажем так, советской пропагандистской машины. У всех на памяти знаменитые слова Сталина о Маяковском, который «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей, советской эпохи». Но мало кто знает, что этот сталинский, говоря нынешним языком, слоган целиком был взят им (лишь слегка перефразирован) из обращенного к нему письма Лили Юрьевны Брик. Сталин никогда не гнушался такого рода заимствованиями. Не погнушался и на этот раз. Но на прямую связь нового, ВТОРОГО «Письма в редакцию “Правды”» с письмом Эренбурга указывают не только текстуальные совпадения. Если вдуматься в смысл эренбургского письма Сталину (постаравшись отвлечься от тошнотворно-раболопного его слога), мы увидим, что самая суть его обращения к вождю состояла в том, что в интересах «мудрой сталинской политики» умнее было бы переключить ярость масс с врагов внутренних (то есть советских евреев) на врагов внешних (американских империалистов и израильских богачей-капиталистов). Как видим, Сталин оценил преимущества подсказанной ему Эренбургом тактики.

К публикации письма Эренбурга Сталину в журнале «Источник» было сделано такое подстрочное примечание: «На документе имеется помета: “Поступило 10.X. 53 г. с дачи И.В. Сталина”». А маленькое предисловие к публикуемому тексту письма заключалось фразой: «Какой-либо реакции Сталина на обращение к нему писателя в архиве обнаружить не удалось».

До адресата письмо, стало быть, дошло. Но было ли прочитано? И как было воспринято? Об этом история умалчивает. Но теперь мы видим, что письмо не только дошло до того, кому было адресовано, и не только было внимательно им прочитано, но и, что называется, принято к сведению. Без особой натяжки можно, пожалуй, даже сказать, что оно было использовано как руководство к действию, к некоторому изменению ближайших сталинских планов.

Этот второй вариант «Письма в редакцию “Правды”», переписанный по указанию вождя, разительно отличается от первоначального текста. Смысл документа стал не просто другим, а прямо-таки противоположным тому, о чем шла речь в первом письме. В сущности, это был уже совсем другой документ.

Если сформулировать это коротко, поначалу «Письмо в редакцию “Правды”» было замыслено как мандат на расправу с еврейским населением страны. Мандат, который власть как бы получала от самих евреев (в лице самых именитых их представителей). Второй же вариант внятно давал понять, что всем этим планам дается ОТБОЙ.

Я не думаю, что Сталин, прочитав письмо Эренбурга, так-таки уж совсем отказался от своих планов. Но он был осторожен. Умел выжидать. Если даже и не знал испанскую поговорку, гласящую, что ненависть – это блюдо, которое следует есть холодным, действовал всегда именно по ней, по этой поговорке.

Что мы знаем точно, так это то, что из-за эренбургского отказа поставить подпись под «Письмом в редакцию “Правды”» и из-за его письма Сталину дело пошло не так, как намечалось по сценарию. Сценарий ведь рассчитывал на полное, абсолютное, тотальное послушание «дрессированных евреев». Предполагалось, что все вызванные «на ковер» подпишут как миленькие. А как же иначе? Куда денутся! Как и всегда, сработает то, что Сталин назвал морально-политическим единством советского народа.

О том, какой смысл вождь вкладывал в эту свою формулу, лучше всего скажет ходивший в те времена анекдот.

Вызывает как-то товарищ Сталин верного своего пса Лаврентия и говорит:

– Скажи, Лаврентий, ты не боишься, что народ у нас может выйти из повиновения?

– Да ну что вы, Иосиф Виссарионович, – отвечает Лаврентий.

– А вот у меня есть такое опасение, – задумчиво говорит вождь.

– Нет, – смеется Лаврентий. – Я в нашем народе уверен.

– А в интеллигенции?

– В интеллигенции – тем более. Хотите, сделаем такой эксперимент: объявим, что с завтрашнего дня на Красной площади будет проводиться ежедневная порка всего населения?

– Да ты что, Лаврентий! Ведь это же вызовет бунт. Может быть, даже революцию...

– А вот увидите! – говорит Лаврентий.

В общем, уговорил, подлец.

Объявили.

На следующее утро стоят они у окна сталинского кремлевского кабинета и видят, как приближается к Красной площади какая-то толпа – с флагами, транспарантами, лозунгами.

– Ну вот, – оборачивается Сталин к Лаврентию. – Что я тебе говорил? Сперва демонстрация, потом бунт, а там и революция. Так ведь и мы начинали. Доигрался ты со своими экспериментами.

– Не торопитесь с выводами, Иосиф Виссарионович, – говорит Лаврентий. – Пусть подойдут поближе.

Колонна демонстрантов приближается, и все отчетливее становятся видны буквы на плакатах и транспарантах. И вот уже можно прочесть, что написано на первом транспаранте. И вождь читает:

«МЫ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ТРЕБУЕМ, ЧТОБЫ НАС ВЫПОРОЛИ ПЕРВЫМИ!»

Но на этот раз дело стало развиваться не по анекдоту. Произошла заминка.

Один ли Эренбург отказался подписать «Письмо в редакцию», или нашлись еще два-три строптивца – точно сказать нельзя. (В «Источнике», где было опубликовано НЕ ТО ПИСЬМО, было сделано такое примечание: «По некоторым сведениям, наряду с И.Г. Эренбургом отказались подписать письмо генерал Я.К. Крейзер и певец М.О. Рейзен».)

Что же касается Эренбурга, тут – не слух, не версия. Как говорится, «это не факт, это действительно было».

Дотошный историк Костырченко, много сил потративший на разоблачение «депортационного мифа», попутно, вскользь, мимоходом разоблачил еще и этот, связанный с именем Эренбурга. Оказывается, тот факт, что Эренбург так и не поставил свою подпись под тем роковым письмом, – тоже не более чем миф. Красивая легенда:

«Сомнения писателя дошли до всеильного адресата, который тем не менее не позволил ему уклониться от исполнения номенклатурного долга. Так под обращением наряду с прочими появился и автограф Эренбурга.

На подписном листе к обращению в редакцию “Правды” (РГАНИ. – фонд 5. Оп. 25 – Д. 504. – Л. 177 – 179) имеются также оригинальные автографы С.Я. Маршака, В.С. Гроссмана, М.О. Рейзена, М.И. Ромма, Л.Д. Ландау, И.О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения» (Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. С. 681).

Несмотря на все эти скрупулезно точные и потому, казалось бы, неопровержимые указания на номера архивных фондов, описей и листов, в подлинность этих документальных свидетельств я все равно не поверил. И решил для себя, что не поверю до тех пор, пока не увижу пресловутый эренбургский «автограф» собственными глазами.

Однако поверить – вернее, признать несомненность самого факта, – пришлось. Начать с того, что его подтвердил (сперва в разговоре со мной, а потом и в той своей работе, на которую я уже ссылался) Борис Фрезинский:

«А.Я. Савич, вдова ближайшего друга Ильи Григорьевича – Овадия Савича, рассказывала мне, что когда в те самые февральские дни 1953 г. они были в московской квартире Эренбургов, И.Г. срочно вызвали в “Правду”. Уезжая, он сказал Савичам: “Не уходите”», и они остались ждать его возвращения. Эренбург вернулся поздно и совершенно подавленный. Он сказал, вытирая лоб (что делал всегда в минуты сильных переживаний): “Случилось самое страшное – я подписал...” Рассказав это, А.Я. Савич поняла, что я ее рассказу не поверил. Зная черновики письма Эренбурга Сталину, я действительно не мог принять этого рассказа А.Я. Савич и потом даже не включил его в беловую запись ее воспоминаний. “Боря, вы мне не верите? – печально спросила А.Я. Савич. – Я помню это, как сейчас”. Лишь теперь, когда стало известно, что Эренбург подписал второй, существенно отличный от первого, вариант коллективного письма, я понимаю, что письмо Эренбурга Сталину и рассказанное Алей Яковлевной не противоречат друг другу, и мне грустно, что я уже не могу сообщить ей об этом... Это письмо подписали и те, про кого существует устойчивый слух, что первое письмо они не подписывали, – Рейзен, Крейзер, Ерусалимский» (Б.Я. Фрезинский. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа. С. 312).

Вот, оказывается, как было дело. Эренбург поставил свою подпись под ВТОРЫМ письмом (о чем Костырченко умалчивает). А это второе письмо, как мы уже выяснили, было не просто ВТОРЫМ ВАРИАНТОМ, существенно отличавшимся от первого. Это было, в сущности, уже совсем другое письмо, сочиненное, – как мы тоже уже выяснили, – не без его прямого участия.

Как мог Эренбург его не подписать, если все его сомнения, замечания, доводы и аргументы были учтены, приняты во внимание тем, кто продиктовал этот новый текст? Конечно, подписывая даже такое письмо, он чувствовал себя опоганенным. Но теперь он, по крайней мере, мог быть уверен, что сделал все, что было в его силах, чтобы остановить безумие.

Борис Слуцкий однажды спросил меня (он любил задавать такие неожиданные «провокационные» вопросы):

– Как по-вашему, кто правильнее прожил свою жизнь: Эренбург или Паустовский?

Я ответил, не задумываясь:

– Конечно, Паустовский.

– Почему?

– Не выгрался в эту грязную игру, был дальше от власти. Не приходилось врать, изворачиваться, кривить душой.

Он, конечно, ждал именно такого ответа. И у него уже готово было возражение.

– Нет, вы не правы, – покачал он головой. – Конечно, Эренбургу приходилось идти на компромиссы. Но зато скольким людям он помог! А кое-кого так даже и вытащил с того света...

Тогда я, конечно, остался при своем мнении. (Он, разумеется, при своем.)

Но сейчас я подумал – а что, если бы он спросил меня:

– Как по-вашему, кто правильнее прожил свою жизнь – Эренбург или Гроссман?

Тогда я – это уж точно! – без колебаний ответил бы:

– Конечно, Гроссман!

Но сейчас, думая о той роли, которую Илье Григорьевичу случилось сыграть в тот роковой миг нашей истории, я уже не могу с такой уверенностью ответить на этот вопрос.

Да, Гроссман был свободнее. Он не звал слепоту находкой. Когда прозрел, написал обо всем, что увидел, узнал, понял. И дорого за это заплатил. А Эренбург не хотел глядеть этой страшной правде в глаза. До последнего дня своей жизни оставался «в игре», «подвывал и даже лаял».

Но Гроссман в смятении подписал то ужасное, первое письмо. А Эренбург поступил так, как поступил. И дело тут совсем не в том, кто из них оказался морально выше. Или, – скажем так, – чье моральное падение было глубже: Гроссмана ли, который уступил силе и сдался, или Эренбурга, который, «наступив на горло собственной песне», заставил себя, сочиняя письмо Сталину, «взять в рот» все эти гнусные казенные слова, вспоминать и изобретать все эти фальшивые, лживые аргументы. И то и другое было одинаково тяжело и одинаково противно. Но, в отличие от Гроссмана, Эренбург не только ясно увидел, «куда влечет нас рок событий», но и попытался если не остановить, так хоть задержать это стремительное скатывание страны к самому краю пропасти. И кто знает, что произошло бы за те две недели, если бы Сталину не донесли, что произошла «заминка», и если бы он не прочел это «лакейское», как презрительно обозвала его моя жена, эренбурговское письмо.

Весь этот страшный узел развязала, конечно (лучше сказать – разрубила), внезапная смерть Сталина. И нередко поэтому мне приходилось слышать – чаще от старших моих современников, – что в дело вмешался Б-г. Профессия русского Б-га не синекура, однажды сострил Тютчев. Профессия еврейского Б-га еще меньше похожа на синекуру: Ему то и дело приходится проявлять свою Б-жественную волю, чтобы в очередной раз спасти от гибели свой «избранный народ». Но орудием исполнения своей воли Г-сподь избирает людей.

В одной – до сих пор неопубликованной — поэме моего друга Эмки Манделя (она называлась «Начальник творчества»; по каким-то своим соображениям он ни в эмиграции, ни в России – в новые времена, когда это уже было возможно, – не захотел ее печатать) главный ее герой, партийный функционер «среднего звена», вот этот самый «начальник творчества» не верит в естественную смерть вождя:

*- Οὐδὲ τίς ἐ ἐδῆρον ἄν ἰ ἀνά
Ἰά ἀντὶ τὸ δαεῖ, ἀλλὰ ἰὰς οὐραεῖε...
Ἐὰε ἀκούσῃ τῆν ἰτῆε ἀ Ἐδαῖ εἰ
Ἰὰ ἰ τῆν ἰτῆε ἰτῆε ἰτῆε εἰ
Ἐὰε ἀκούσῃ ἰ τῆε εἰ, ὁ ἀτῆε
Ἰὰ τῆε εἰτῆε ἰτῆε ἰτῆε εἰ
Ἐ ἀαεἰ δῆε οὐ ἰτῆε ἰτῆε,
Ἐ εἰτῆε, - ἰτῆε εἰτῆε ἰτῆε εἰτῆε, -
x ὁ ἰτῆε εἰτῆε. Νῆε εἰτῆε, - ἀδῆε!
Ἐ - εἰτῆε. Ἐ ἰτῆε εἰτῆε εἰτῆε
Ἰτῆε εἰτῆε ἰτῆε εἰτῆε ἰτῆε ἰτῆε.*

Все-таки вряд ли это было так. Не стану апеллировать к знаменитой книге Авторханова «Загадка смерти Сталина», ни к трудам других историков, пытавшихся доказать, что Сталину помогли умереть его соратники. Скажу только одно: версия эта безусловно заслуживает самого серьезного и внимательного рассмотрения.

Как я уже говорил, «дело врачей» было – по замыслу Сталина – прологом новой грандиозной чистки партийной верхушки. Об этом достаточно ясно говорило уже само «Сообщение ТАСС», появившееся в «Правде» 13 января. Как там было сказано, арестованные врачи признались, что после убийства Жданова и Щербакова они собирались умертвить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала Штеменко и адмирала Левченко. Но там не было ни слова о том, что они должны были убить Маленкова, Берия, Хрущева, Жукова, Булганина. Намек был достаточно ясный. А в передовой «Правды», написанной или продиктованной самим Сталиным (там легко угадывался его почерк), говорилось совсем уже прямо:

«Что же касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово».

Трудно поверить, чтобы «соратники» вождя не поняли, что это злоещее предупреждение адресовалось не какому-то там мифическому «Джойнту», а прямо и непосредственно им. Все они были «ребята практикованные», сами прошли сталинскую криминальную школу – в отличие от Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других «лохов» из «ленинской гвардии». Так что жизнь и смерть вождя были для них вопросом их собственной жизни и смерти.

Но могло, конечно, случиться и так, что вождь все-таки умер «собственной смертью».

Сын секретаря ЦК Узбекистана Акмаля Икрамова (расстрелянного вместе с Бухариным), мой дружок Камил Икрамов, юность которого прошла в сталинских лагерях, среди множества совершенно замечательных

лагерных историй рассказал мне такую. Всех, с кем ему привелось там отбывать свой безразмерный срок, судили за шпионаж. Вряд ли надо объяснять, что на самом деле шпионами они, разумеется, не были. Но случилось так, что среди этих мнимых шпионов оказался один настоящий. То ли румынский, то ли венгерский, то ли еще какой... И вот этот настоящий шпион время от времени говорил:

– Вам-то хорошо. В 53 году Сталин умрет, и всех вас выпустят на свободу. А мне – и дальше сидеть...

Мнимые шпионы над этой его постоянной присказкой только посмеивались.

– Да откуда ты взял, что Сталин умрет именно в 53 году? – иногда все-таки спрашивал у него кто-нибудь из них. И тогда, пожимая плечами, он отвечал:

– Помилуйте, да ведь это же известно!

И объяснял, что в каком-то там – сейчас уже не помню, в каком именно, – году у Сталина был первый удар. В 49м, когда ему стукнуло 70 и его чествовали, а он не произнес в ответ на приветствия ни слова, – второй. (Потому и не произнес ни слова, что после перенесенного инсульта к нему еще не вернулся дар речи.) А в 53-м, во всяком случае не позднее 53-го, последует третий удар, которого он, конечно, не переживет. Там, у них, на Западе, это всем известно. Ну, может быть, не всем, но для него, профессионального разведчика, это никакой не секрет и никакая не тайна.

Не знаю, может быть, Камил все это и выдумал. Или это одна из тех лагерных баек, которыми тешили себя несчастные замордованные эзки. А может быть, – чем черт не шутит! – там, у них, на Западе, в ихних шпионских кругах, и в самом деле давно уже рассчитали, что Сталин не переживет 53 года. Но даже если вождь и в самом деле «умер собственной смертью», одно несомненно: когда случился с ним этот предугаданный западными спецслужбами третий удар, соратники безусловно помогли ему отправиться на тот свет.

Это признает даже его дочь Светлана, ни на грош не верившая в заговор и насильственное умерщвление отца:

«...73-летнему старику с повышенным кровяным давлением безусловно помогли помереть тем, что оставили его в состоянии удара, без врачебной помощи в течение 12 (или больше...) часов. Да еще волокли в другую комнату.

Что взрослые люди не поняли простого факта, что это был удар – никогда не поверю. Признаки были налицо: паралич, потеря речи и сознания» (Светлана Аллилуева. Письмо Роману Гулю 12 янв. 1977 года. В кн.: Роман Гуль. «Я унес Россию». Т. III. М. 2001. С. 397).

Так что, если даже и впрямь в дело вмешался Б-г, орудием Г-сподней воли, как и во множестве других подобных случаев, все-таки были люди. И одним из этих орудий выпало стать Эренбургу. Письмо Эренбурга «на высочайшее имя», как я уже не раз говорил, было написано 3 февраля. Сталину оставалось жить еще целый месяц. За этот месяц могло случиться многое. Но вот произошла какая-то заминка. Что-то случилось. Решено было изменить – нет, не генеральный план, конечно, а всего лишь тактику. Стремительный, бешеный ход событий задержался всего лишь на какие-нибудь две-три недели. Но эти две-три недели решили все.

Смерть, уже занесшая свою косу над головами миллионов людей, отступила.

ПРЕДАННЫЕ БЕЗ ЛЕСТИ

А. Евдокимов

I

До чего же мне не хотелось присутствовать на этом переливании из пустого в порожнее! Союз писателей умел найти повод вызвать людей и часами морочить им головы какой-нибудь ерундой. Едва не каждый день в почтовом ящике обнаруживаешь бумажку, настаивающую на твоём присутствии в малом или большом зале, в восьмой комнате. У дверей неременная секретарша записывает твою фамилию. На том интерес к тебе иссякает. Штатные говоруны произносили речи по любому поводу. Кого-то гневно осуждали или пламенно одобряли. Почти все это не имело никакого смысла и значения. Ты мог читать газету, листать журнал, – вечер загублен. На сей раз письменного приглашения не прислали. Довольствовались беглым телефонным звонком. Но следом за секретаршей позвонил друг и настойчиво убеждал в необходимости прийти. Он не больше моего любил такие посиделки, и отступить мне было некуда.

С такой же методичностью Эльсберг годами «стучал» на Ш. Не ограничиваясь изобличением общей враждебности Ш. советскому строю, Яков Ефимович распознал в нем наймита вражеской разведки.

Сейчас, спустя годы, когда его уже нет, я вспоминаю его упорство, настойчивость и этот вечер, открывший нечто, казавшееся за пределами. Но, как выяснилось, при всей своей невероятности тоже входившее в литературную жизнь, сообщая ей особый, что ли, привкус. Поднявшись по привычно скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, я осторожно открыл дверь восьмой комнаты и сел в углу на пустующий стул. Площадку держал Иван Иванович Чичеров – человек простодушный, лишенный тщеславного запала и склонности к речам. В левой руке у него была стопка исписанных от руки листков, в правой – стакан с водой. Почему именно ему выпала эта миссия, ответить не берусь. Да это и не слишком существенно. По крайней мере, на первом этапе, которым история не могла ограничиться. Разоблачение давних и недавних подлостей, преступлений входило в рутинную норму и, следовательно, смысл его ослаблялся. То, что глуховатым голосом, прихлебывая из стакана, читал Иван Чичеров, ни в какую норму не вмещалось. Тут присутствовало совершенно непостижимое извращение, лелеемое годами.

Перед смертью довольно известный, но мне лично не знакомый переводчик Ш. написал письмо о своём многолетнем друге, вернее – друге семьи, видном литературоведе Якове Ефимовиче Эльсберге, неутомимом борце за идейную непорочность произведений социалистического реализма и против ревизионизма любых мастей и видов.

На протяжении долгих лет, едва не каждый вечер, Эльсберг, не имевший семьи, заявлялся к Ш., сажал на колени его маленькую дочку, пил чай. Рассказывал о том о сем, что-нибудь вспоминал о жизни. Короче говоря, верный друг дома, сумевший доказать свою верность. Когда Ш. посадили, он, рискуя репутацией, продолжал вечерние визиты, принося то цветы, то конфеты. Настойчиво предлагая денежную поддержку. Дочка Ш. привычно устраивалась на коленях дяди Яши.

Все это донельзя трогательно. Если бы не одна подробность. С такой же методичностью Эльсберг годами «стучал» на Ш. Не ограничиваясь изобличением общей враждебности Ш. советскому строю, Яков Ефимович распознал в нем наймита вражеской разведки. Скажем, приезжает к нему родственница из Прибалтики и в каблуках ортопедической обуви доставляет – подумать только! – сугубо секретные сведения. Однако Яков Ефимович не из тех, кого проведешь! Он не зря столь беззаветно боролся с ревизионизмом – этим идеологическим прикрытием империалистических поджигателей войны. Однако с ортопедической обувью Эльсберг, похоже, хватил через край. Относительно возможности использовать ее для шпионских донесений пошутил сам Ш. в присутствии ежевечернего гостя. Тот смеялся вместе со всеми. А на следующее утро изготовил донос.

Эта его методичность насторожила следователя, ведшего допрос. А когда Ш. рассказал всю историю с хромой родственницей из Прибалтики, вспомнил свою шутку, следователь, не выдержав, раскрыл карты. Назвал виновника бед, обрушившихся на Ш. и его семью, на девочку, что карабкалась на колени любимцу семьи. Случалось, выходит, и такое.

Освободить невиновного следователю было не под силу. Но смягчить его вину и таким манером сократить срок заключения он сумел. А когда началась реабилитация, Ш. одним из первых вышел на волю. Дома от жены и дочери он услышал о трогательной заботе Эльсберга. О едва не ежедневных визитах, конфетах и т.д. Благодетель не заставил себя ждать. Явился с огромным букетом. Достав бумажник, предложил деньги, уселся на свое место, ожидая, когда повзрослевшая дочка Ш. влезет ему на колени. Но не был понят и покинул неблагодарный дом.

Ш. держал все в тайне и лишь безнадежно больной, зная о надвигающемся конце, не счел возможным молчать дальше и написал письмо. Его-то сейчас и читал Чичеров в комнате, где его напряженно слушали человек двадцать-двадцать пять. В том числе и я, так не желавший являться. Фигура Эльсберга была слишком заметна, и уже на завтра весть о письме разнеслась довольно широко. Но реакция последовала неодинаковая.

Относительно молодые сотрудники сектора Института мировой литературы встретили шефа цветами. Хотели поддержать, давая, видимо, понять, будто он ничем не хуже других деятелей такого рода. А

вот, скажем, из редколлегии журнала «Вопросы литературы» незамедлительно вывели. Развернулась нешуточная борьба вокруг проблемы исключения корифея-стукача из Союза писателей. Уставом Союза подобный казус, с одной стороны, не предусмотрен. Но с другой-то... Началось перетягивание каната, Эльсбергу хватало защитников, без особого труда входивших в его положение. Нашлись и яростные противники. Выискались и сторонники того, что называется «спустить на тормозах».

Меня, признаться, эта эпопея заинтриговала. Не столько вопрос «исключить» или «оставить», сколько сама фигура героя, не вызывавшая прежде интереса. Я не пытался разглядеть его место в достаточно затейливой иерархии, не ценил широты кругозора (за книгу о Герцене отхватил Сталинскую премию в сорок девятом, издал книгу о Салтыкове-Щедрине, писал о Горьком, занимался теорией литературы). Я помнил расплывшуюся фигуру, манеру ходить, приволакивая ногу из-за врожденного дефекта.

По всей видимости, он ладил с подчиненными в ИМЛИ, коль они ничего лучше не придумали, чем устроить ему, опозоренному, торжественную встречу. Вполне вероятно, что с ними он держался не менее ласково, чем с дочерью Ш.

Стоило полюбопытствовать относительно ранних этапов эльсберговской биографии: всплывали какие-то странности. Образование – два курса историко-филологического факультета МГУ. После них, еще в 1920 году, девятнадцатилетним неопитом, поспешавшим за временем, начал печататься. Вскоре издал книгу о русском литературном футуризме. И – пауза. После нее – рапповские статьи в журнале «На литературном посту». Вся эта социологическая вульгарщина настолько примитивна, что читать «напостовские» статьи можно лишь по приговору суда.

Но почему, бойко начав, Эльсберг где-то в середине двадцатых вдруг как воды в рот набрал, перестал звать к дальнейшим победам?

Причины творческой паузы были настолько неожиданны, что вряд ли могли прийти кому-либо в голову. Да и не пауза это, а временная смена жанра. Смена, как выяснится в дальнейшем, не окончательная. Бурно начавшаяся литературно-критическая деятельность оборвалась по причинам, в общем-то, уважительным: неистовый ревнитель угодил в тюрьму. За уголовщину, расцветшую с началом нэпа.

Чтобы в этом хоть как-то разобраться, пришлось проявить упорство, близкое тому, каким славились «знатоки», а ныне славятся «менты». Единственное, что я выяснил на первом этапе, был факт пребывания молодого Якова Ефимовича за решеткой и написание им произведения на эту тему. Теоретические исследования, борьба за нетленные рапповские идеи исключались. Мне ничего не оставалось, кроме как отправиться в Ленинскую библиотеку и шуровать в каталоге. Так я обнаружил шедевр, рожденный в камере. Назывался он бесхитростно – «Во внутренней тюрьме ГПУ. (Наблюдения арестованного)». Дата – 1924 год. Я заказал книгу. И получил отказ: уникальное творение сберегалось в спецхране. А там читательские просьбы удовлетворялись лишь при наличии официальной бумаги, подтверждающей крайнюю нужность книги, недоступной простым смертным. Но почему в данном случае такие препоны? Пришлось отправляться к писательскому начальству, убеждать его, будто мне – кровь из носу – необходимо творение о внутренней тюрьме ГПУ середины двадцатых годов. Пишу, дескать, статью о различных видах мемуарной литературы. Доводы жидковаты, начальство выгораживало Эльсберга и опасалось обнаружения других стукачей.

Я сообразил не называть его фамилию, по карточке в каталоге зная псевдонимы: Шапириштейн-Лерс и просто Лерс. Один из них указал в своем прошении и получил бумажку для спецхрана. В Ленинке бумажку приняли без энтузиазма, но отказать уже не решились. Так я получил книгу, десятилетиями пылившуюся на полках спецхрана, не вызывавшую ни малейшего интереса, не востребованную читателями. А жаль. «Во внутренней тюрьме ГПУ» – творение не самое заурядное даже на сегодняшнем фоне, когда выпускается не только детективщина всех сортов и видов, но и пособия по самолечению, кулинарные и врачебные советы, рекомендации по мытью в бане, по уборке квартир и т.д.

Я. Эльсберг (он же Ж. Эльсберг, он же Я.Е. Шапириштейн-Лерс) на туманной заре своей творческой деятельности создал произведение в жанре, видимо, близком ему с младых ногтей. Книга о внутренней тюрьме ГПУ почему-то вышла в ничем не примечательном городе Бодайбо на Дальнем Востоке. Но столица отнюдь не забыта автором, посвятившим, о чем сказано на титульном листе, свой труд дому, что в Москве на Лубянской площади.

Гонорар за нее перечислялся на самолеты для эскадрильи «Красный Бодайбо». Таким образом, в корысти автора заподозрить нельзя. Ни в коем разе. Равно как и в аполитичности, в безразличии к советскому государству. Свою неистощимую любовь к нему бывший студент историко-филологического факультета доказывал делом, не шадя творческих сил. Даже находясь в тюрьме и не намекая на свою невиновность. Да и вообще, какие тут могут быть ошибки? Согрешил. Видимо, по части спекуляции или чего-то в таком роде. Подобно сокамерникам. О них-то и написал молодой, многое обещавший Я. Эльсберг. Про каждого – отдельный, вполне умело изготовленный очерк, подтверждавший справедливость, даже необходимость ареста и содержания за решеткой.

Если в трагической истории Ш. эльсберговские доносы сыграли зловещую роль, то, рисуя судьбы товарищей по нарам и параше, он прежде всего воздавал должное ГПУ, которое так умело, тщательно очищает советское общество от мошенников. Среди них и протекали дни Эльсберга, заполненные вдохновенным творчеством.

А зачем, собственно, требуется курить фимиам чекистам, выполняющим свои обязанности? Может, и не требуется. Душа взывает; будущий лауреат Сталинской премии спешит доказать свою преданность

делу Феликса Эдмундовича и его славных соратников, пересажавших сотни тысяч граждан, не вдаваясь в такие мелочи, как ответственность за каждый арест. С этой точки зрения, труд одного из ревнителей рапповской мудрости, а в дальнейшем – мудрости соцреалистической был не ахти как, но все-таки полезен. Писал-то человек не посторонний, а знающий что почем. Возможно, чем-то и рисковавший: не приведи Б-г, сокамерники прочитали бы сочинение прежде, нежели оно попало в «чистые» руки чекистов. Я.Е. Эльсберг – один из родоначальников литературы во славу карательных органов, литературы, высоко ценимой советским государством во все времена. А когда государство ослабило эту свою заботу о ней уже в постсоветское время, у жанра нашлось достаточно покровителей. Сам читательский спрос – тоже ведь стимул.

Мне неизвестно, как сказалась забота ГПУ об авторе-эзке. То есть известно, что его деятельность получила поддержку. Иначе «наблюдения арестованного» так и не нашли бы себе применения. Разве что в позднейших задушевных беседах с молодыми сотрудниками Института мировой литературы, уверенными, будто доносительство украшает ученого. И вполне к лицу члену Союза советских писателей.

Самоотверженная – пишу без малейшей иронии – борьба Ивана Ивановича Чичерова за исключение Я. Эльсберга из Союза писателей ни к чему не привела. Хотя за исключение высказывались многие. В каком-то отношении это было знаменательное единоборство. И его плачевный финал тоже знаменателен. Вмешались влиятельные силы, каким надлежит произносить последнее слово. И его произнесли, безоговорочно взяв под защиту Эльсберга, показав, на кого они ставят. Государство одержало очередную победу над этикой, над элементарной порядочностью. Продолжая свое успешное движение к краху, не понимая и не видя его неизбежности.

II

Жизнеописание того типа, к какому мне сейчас надлежит перейти, могли бы исчерпываться формулой: «Проделал большой путь». Она, по-видимому, так или иначе пригодна для каждого редактора «Литературной газеты», начиная, скажем, с 1944 года. Для А. Суркова, В. Ермилова, К. Симонова, Б. Рюрикова, В. Кочетова, С. Смирнова, В. Косолапова и, наконец, А. Чаковского, обосновавшегося в редакторском кабинете в декабре 1962 года. Откровенные ретрограды чередовались с относительно либералами, функционеры – с писателями. Каждый накладывал свой отпечаток на газету, чем-то менявший ее недавний облик.

Докторский сын Александр Борисович Чаков

ский и впрямь проделал немалый путь, начав монтером на Московском электрозаводе (без рабочего стажа отпрыску интеллигентной семьи к вузовским дверям не стоило и приближаться). Постепенно он перешел к газетно-редакционной деятельности. Попутно закончив Литинститут имени Горького и аспирантуру Московского института истории, философии и литературы, специализировался на западной литературе, публикуя исследования об А. Барбюсе, М. Андерсен-Нексе, Г. Гейне.

С началом Великой Отечественной войны проблематику и характер творчества пришлось изменить. Западная культура представляла в облике немецкого солдата, горланившего победные песни, не имевшие ничего общего с поэзией «недочеловека» Генриха Гейне. Об этом солдате и противостоящем ему бойце РККА пишет военный корреспондент А. Чаковский на Волховском фронте, потом на 3-м Прибалтийском. Выполняя редакционные задания, корреспондент стремится, вместе с тем, пробовать свои силы и в художественной прозе. Такое совмещение – показатель высокой работоспособности и трудолюбия. Хотя само сочетание, вопреки распространенному мнению, далеко не всегда плодотворно. И не всегда оправданы похвалы газетной практике, дескать, исподволь готовящей художника. Газета предполагает иной уровень, иной характер постижения и воспроизведения действительности, иные, так сказать, допуски. Особенно в условиях достаточно крутого партийного контроля, не всегда ограничивавшегося газетным листом.

Скажем, военный корреспондент и опытный прозаик П. Нилин попал в грозное партийное постановление за то, что во второй части фильма «Большая жизнь» (по его сценарию), доверившись личным впечатлениям, не показал современной техники: его забойщики работали извечным обушком. Даже если на самом деле так обстояло, верить следовало партийным решениям, утверждавшим торжество механизации трудового процесса при восстановлении шахты. Декларативность грозных постановлений не освобождала писателя от необходимости неукоснительно им следовать.

Надо отдать должное Чаковскому, он это усвоил, делая первые шаги от газетной заметки к роману или повести. Писательские побуждения уживались с законами корреспондентской деятельности. Опыт, обретенный на фронте, когда урывками, между командировками и дежурством по номеру он приступил к трилогии о Ленинградской блокаде, подтверждает твердое знание границ дозволенного. К ленинградской теме он вернется в тетралогии «Блокада» (1968 – 1973), добиваясь большего охвата, но не забывая о «можно – нельзя». В осажденном, умирающем от голода Ленинграде, где в еду шла и человечина, а Жданов, сгоня жир, играл в теннис, слишком многое значилось под рубрикой «нельзя».

Официальный успех сопутствовал Чаковскому-прозаику в гораздо большей мере, чем читательский. Он много издавался, за похвалами и поощрениями дело не стало. Ордена, лауреатские звания (Ленинская премия и Государственные) не заставили себя ждать. Он – кандидат в члены ЦК, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, секретарь правления Союза писателей и все такое прочее.

Только вряд ли его книги, написанные вслед за событиями под свежим, чаще всего командировочным, впечатлением кому-либо чем-либо запомнились, хотя читались они легко, не слишком обременяя голову и душу, давая поверхностное представление о человеке и факте.

С командировочным удостоверением Чаковский наведился в охваченную войной Корею. Страна и язык ему неведомы, он не пытается вникнуть в сложные причины войны между северной частью полуострова и южной. Зачем ему, коль достаточно мнения, поддерживающего просоветский Север? Так сочиняется повесть «Хван Чер стоит на посту», вызвавшая официальное одобрение. Подобного толка литература неизбежна. Только едва ли разумно и дальновидно выдавать ее за художнические достижения. Но в том-то и состояла партийно-государственная политика. Газетные, откровенно конъюнктурные критерии применялись к романам и повестям, созданным с обостренным ощущением того, куда дует ветер. Когда творец такого рода «бестселлеров» вроде бы ратует за какие-то человеческие достоинства, его вполне очевидные стремления слабо задевают читателя. Или не задевают вовсе. Роман слишком отдает газетой, газета же хороша к утреннему кофе. К вечернему чаю она уже утрачивает свою ценность.

Хотя Чаковский удостоился всех имеющихся в наличии у государства наград, ему не удалось перешагнуть грань, с какой начинается подлинный художник. Грань, знаменательную в России, где высок уровень литературной культуры. Когда начался очередной закрут, предшествовавший, о чем мы не догадывались, застою, стагнации, возглавить «Литературную газету» поручили Чаковскому. Газета, редактировавшаяся С. Смирновым, а потом В. Косолаповым, не отличалась слишком явной либеральной отвагой, но могла себе кое-что позволить. Вроде, скажем, вопроса в фельетоне, что проходил по отделу юмора: «Мы спросили вдову, где она достала сыр?» Или – подумать только – публикация «Бабьего Яра» Е. Евтушенко. Мелочи? Как посмотреть. Линия должна быть четкой и – никаких двусмысленностей.

В общем, выбор пал на Александра Борисовича Чаковского, благо руководимая им «Иностранная литература», не довольствуясь обличением капитализма, успешно вела героическую борьбу с ревизионизмом, расцветавшим на Западе. Опыт борьбы с этим злом перевешивал слабость писательского авторитета. Да и почему надо с ним считаться? Разве мало одобрения критики, поощрения власти? Разве то обстоятельство, что литератор с «пятым пунктом» никогда не значился среди космополитов, а при необходимости сумел бы дать им отпор, ничего не стоит? Разве мудро, глядя лишь в анкету, не замечать истинно партийных достоинств, каких порой не хватало кое-кому из его предшественников?

Сотрудники и авторы «Литературки» почувствовали жесткую руку нового редактора.

После устранения Хрущева наступило время если и не прямой реанимации сталинщины, то уж некоторых ее непременных черт наверняка. «Литературная газета», адресовавшаяся к советской интеллигенции, призывалась соответствовать попятному движению. Если же кто-то из наиболее способных, самостоятельных и, наконец, безразличных сотрудников предпочел расстаться с газетой, Чаковский не усматривал в том беды. Он был убежден: не они делают погоду. Прежде всего нужны те, что готовы безропотно исполнять редакторские распоряжения. А таких, слава Б-гу, хватало. Растленность в журналистском сообществе была достаточно велика. Усугубить ее не составляло труда.

Вгоняя «Литературку» во вполне определенные идеологические рамки, главный редактор вместе с тем порой старался делать вид, по крайней мере, утверждал, будто газета толерантна, готова печатать разных авторов, давать место разным мнениям. Набравшись ханжества в коридорах ЦК, Чаковский охотно разглагольствовал относительно «Гайд-парка при социализме». Такой, дескать, он видел в идеале «Литературную газету». Только вот незадача: понятия эти вряд ли совместимы: либо Гайд-парк, то есть подлинная демократия, либо социализм, когда за демократию выдается довольно топорная подделка.

Прежде всего нужны те, что готовы безропотно исполнять редакторские распоряжения. А таких, слава Б-гу, хватало. Растленность в журналистском сообществе была достаточно велика. Усугубить ее не составляло труда.

Чаковский небезуспешно стремился соответствовать своему достаточно высокому положению. В коллективе держался обычно без заносчивости, иногда запанибрата, иногда по-хамски. Сотрудники именовали его «Чаком». Большинство из них без особых усилий плясало под его дудку, продолжая старинные, далеко не лучшие традиции. В свое время «Литературная газета», выполняя приказ, протрубила начало холодной войны. То был развязный фельетон о президенте США Г. Трумэне. Позже, особенно при С. Смирнове, этот тон несколько приглушили. Чаковский его возобновил в полной мере. Газета явно отдавала желтизной.

Считанные мимолетные встречи не оставили у меня определенного впечатления о Чаковском как о человеке. За исключением одной. Ей предшествовал разговор по телефону. Речь шла о моей «новомирской» статье. (А. Твардовский еще возглавлял журнал, и нападки на него не прекращались). «Литгазета» напечатала совершенно доносительскую стряпню, легко поддающуюся опровержению. Находясь в Комарове, в Доме творчества, я написал ответ, в принципе согласовав его с «Новым миром». До меня дошли сведения, что Чаковский не склонен его публиковать. Однако в телефонном разговоре, держась вполне дружески, он заверил, что напечатает. «У нас, слава Б-гу, демократия». И, конечно же, не напечатал.

Миновало с полгода, и мы встретились с ним нос к носу на дорожке в Переделкине. Я попытался разминуться с ним. Не вышло. Он дружески протягивал руку. Так состоялся этот в некотором отношении довольно памятный разговор.

Да, соболезнующе уверял Александр Борисович, не получилось с моим ответом. На дыбы встал его первый зам. «Не ссориться же с заместителем?»

(Насколько это правда – не ведаю. Замечу лишь, что бывший зам., специалист по национальным литературам, сочинял тягомотину о дружбе народов и дружбе литератур.) Меня не занимали взаимоотношения главного редактора с заместителями. Хватало знания, что Чаковский – полный хозяин в редакции. И он, природно неглупый человек, быстро это уловил, предпочтя шуточный тон. Не соглашусь ли я поработать в редакции? Кем? Для начала, дабы войти в курс, сотрудником. «Между прочим, ставки у нас приличные. Жить будете лучше, чем на вольных хлебах». Я отказался. Он поднял планку. Предложил место заведующего отделом. Назвал оклад. Я подтвердил отказ.

Однако Чаковский не складывал оружие. Ему импонировала роль сирены. Продолжая, теперь уже без улыбки, принялся расписывать преимущества статуса рабочего члена редколлегии. Они пользуются специальным буфетом на четвертом этаже редакционного здания. Чтобы дверь открылась, следует по-особому постучать. Это мерзкое поветрие – буфеты и столовые специально для начальства – представлялось ему чем-то естественным. Естественным, видимо, было и его согласие дать бездарному драмателю две свои повести на переработку во вполне беспомощные пьесы. Имя видного прозаика соседствовало с именем драмателю. Это тоже, получается, представлялось Чаковскому нормальным. И доходным. Хотя он, вроде бы, не нуждался.

Мой же вполне естественный отказ от должности со спецбуфетом казался ему ловкой интригой. Продолжая игру, он поинтересовался, не соглашусь ли я на должность главного редактора. «Соглашусь». Он полюбопытствовал, какой приказ по редакции я отдам, вступив в должность. «О вашем немедленном увольнении».

Разговор с Чаковским шуточным был лишь отчасти, лишь слегка соответствовал духу бесед на переделкинских улочках.

Коль рассуждать всерьез, я только гораздо позже пришел к убеждению, что от затянувшихся послевоенных трудностей, от холодной войны доставалось семьям вчерашних солдат, а Чаковскому, его духовным собратьям, их кукловодам такие тяготы были на руку. Их заинтересованность в «железном занавесе» вне сомнений. Он стимулировал разорительную гонку вооружений, позволял усиливать гонения на литературу, вынуждая к молчанию истинных творцов, учинять погромы в кинематографии, в генетике, в других сферах науки, напрямую не причастных к «оборонке». Позволял изгонять довольно слабый дух свободомыслия, принесенный с войны, из похода по соседним странам, из «встреч на Эльбе» с американскими солдатами и офицерами. Поднимать градус напряженности в мире, затеявая локальные войны, вроде той, что заставляла Хван Чера маячить на посту, охраняя режим корейского Сталина – Ким Ир Сена, в прошлом подвизавшегося инструктором политуправления Дальневосточного военного округа.

Вторая мировая война не до конца, но все же открыла лидерам США глаза на советских коллег, на их двоедущие и коварство. На опасность, исходившую от них. Послевоенный «план Маршалла» фактически бескорыстно предлагал осязаемую экономическую помощь странам, пострадавшим от Гитлера и его сатрапов. Да, он усиливал роль США в Европе, в мире. Но не за счет территориальных приращений, военных баз на старом континенте. Не ценой вмешательства во внутренние дела. О чем талдычила наша пропаганда.

Только вот незадача: понятия эти вряд ли совместимы: либо Гайд-парк, то есть подлинная демократия, либо социализм, когда за демократию выдается довольно топорная подделка.

Внутренние дела в стране, согласившейся на «план Маршалла», переставали быть тайной за семью печатями. Возникла относительная прозрачность, затруднявшая, а то и исключавшая такие кампании, как борьба с космополитизмом, «дело врачей». Исключавшая, быть может, убийство С. Михоэлса. Иными словами, имелись бы реальные шансы изменить жизнь народа к лучшему, многое из того, что мы совершаем сегодня, можно было совершить позавчера. И не надо тешить себя пошлой мудростью, гласящей: «История не имеет сослагательного наклонения». Ее отвергал еще Пушкин, от нее, наконец-то, лишь в последние годы, отказались у нас. В «железном занавесе» нуждались советские руководители, вынашивая планы новой войны. На сей раз уже с Америкой. Ради того рылся втайне подводный тоннель, соединявший Сахалин с материком.

Мог измениться и нравственный климат. Эльсберга, скажем, выгнали бы из писательского Союза. Чаковский занял бы скромное место в литературной жизни, соразмерное его способностям. Но именно такие, как они, лезли из кожи вон, дабы упрочить свое положение. Особенно те из них, кто ощущал его шаткость из-за своей «национальной неполноценности». Они-то, «преданные без лести», писали статьи и книги. Открывали зрителям глаза на «врагов», делая двуличие нормой жизни.

Страны, принявшие «план Маршалла» – Франция, Англия, Италия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Люксембург, Австрия, Ирландия, Исландия, Греция, Швейцария, Турция, Португалия, Западная Германия, не став сателлитами США, благополучно восстановили свою экономику и пользовались ее плодами. Советский отказ от «плана Маршалла», распространенный и на страны восточной Европы, – чудовищная ошибка сталинского руководства. Одна из ошибок, граничивших с преступлением.

Хорошо быть умным задним числом. Но в тот день я думал, что писатели, подобные моему случайному собеседнику на переделкинской улочке, возглавляя литературные журналы и газеты, создавая шедевры, высоко ценимые на верхних этажах советской иерархии, наносили вред нашему обществу, нашей литературе, их деятельность дискриминировала талант и правду. (Эти две вещи взаимосвязаны.) Насаждала цинизм.

III

Именно в торжествующем цинизме видится мне величайшая беда советской культуры, советского искусства, литературы. Знание действительности подменялось расчетливым знанием того, как и что целесообразно о ней писать, показывать на сцене и экране. Целесообразно с точки зрения получения наград, званий, тиражей, высоких гонораров. Истинные, художественные задачи терялись, отступали на второй, на десятый план. К достижению их стремились единицы, зачастую обреченные на роль изгоев. А то и эков.

При Чаковском, главном редакторе «Литературки», когда шел процесс над А. Синявским и Ю. Даниэлем, газета публиковала самые мерзкие статьи и отклики, хотя иные сотрудники редакции симпатизировали подсудимым. Но, симпатизируя, делали все, что от них требовал редактор, испытывавший искреннюю неприязнь к молодым писателям, шедшим на риск ради того, чтобы выложить частицу правды. Опасность таилась не только в их текстах, печатавшихся за границей. Опасен был сам прецедент. Опасен лично Чаковскому как сочинителю, увенчанному лаврами. Коли правда то, что пишут Синявский и Даниэль и, легко предположить, какие-то еще «подпольные» авторы, готовые рисковать, посылая свои рукописи в «самиздат» или за кордон, то официальная советская литература, увенчанная Сталинскими и прочими премиями, ставится под сомнение. Нуждается в дополнительной защите.

Она не заставила себя ждать. Заместитель заведующего одного из отделов «Литературной газеты», специалист по «теме рабочего класса» (имелась такая ценнейшая тема), профессиональный критик М. Синельников сочиняет монографию, воспевая своего главного редактора. «Диктует время» назывался его труд. Не исключено, что в глубине души он прекрасно знал цену творчеству шефа. Монография эта припозднилась, ибо увидела свет, когда время для подобных сочинений, когда эпоха, где мог процветать Чаковский, близилась к закату. (Прошу не путать автора «Очерка творчества А. Чаковского» с поэтом, переводчиком, публицистом М. Синельниковым. В отличие от первого инициалы его не М.Х., а М.И.) Сам метод написания апологетических монографий, посвященных творчеству литературных начальников, отдает расчетливым холуйством. Он стимулирует беспринципное стремление поднять собственные акции с помощью влиятельного покровителя, который отнюдь не препятствует дифирамбам на свой счет.

Еще один из питомцев «Литгазетъ», еще один заместитель заведующего отделом, Соломон Смоляницкий, в семидесятые годы умудрился издать две монографии о творчестве главы писательского союза Г. Маркова. Правда, он не единственный, кто прославлял ныне благополучно забытого прозаика, некогда перебравшегося в столицу, дабы собственным присутствием и творчеством повысить уровень писательского сообщества.

Если у читателя сложится впечатление, что я нарочито подбираю еврейские фамилии, то он не ошибется. Действительно, проблема, условно обозначенная в названии «Преданные без лесты», в моих заметках рассматривается с вполне определенной стороны.

Упор на цинизм, пронизывавший советскую литературную жизнь, на мой взгляд, вполне закономерен. Цинизм, о чем у нас часто и охотно забывают, подобен яду продолжительного действия. Такой яд губительно действовал на прозу, поэзию, драматургию. Сплошь и рядом талантливо начинавшие поэты, прозаики, драматурги, заражаясь им, утрачивали дарование, превращались в холодных сапожников, знающих ремесло, но не способных вложить в него душу. А без нее литература мертва.

Старательно обходя эту сторону, у нас всячески подчеркивали значение идеологии. Но и не отрицая его, думаю, что духовная немощь, порожденная цинизмом советских времен, унаследована в постсоветские годы. Отсюда наши частые сегодняшние разочарования, засилье низкопробных изданий, книжек с откровенным прицелом на невзыскательный спрос.

Что до подхалимских монографий о литературных начальниках, не столь уж сильных в писательском искусстве, то здесь достаточно потрудились и вполне русские авторы. Осанну Г. Маркову пел и С. Залыгин, всегда знавший, кого хвалить, а кого хулить. Но, думается, что и М. Синельников, и С. Смоляницкий подобострастными критико-биографическими сочинениями, посвященными руководителям Союза писателей (Чаковский был одним из них), своим лизоблюдством надеялись упрочить собственное положение, чувствуя его шаткость в атмосфере государственной политики антисемитизма.

Я готов к тому, что, опровергая меня, кто-то сошлется на две первые главки моих заметок. Смеею заверить: они нисколько не противоречат словам о государственном антисемитизме. Наоборот, не только не противоречат, но и подтверждают их.

IV

Отличие нашего государственно

го антисемитизма от антисемитизма, скажем гитлеровского, в том, что он откровенно не декларировался. Максимум допустимого в пору наибольшего ожесточения – газетные фельетоны с соответствующими фамилиями. Интернационализм, пусть и довольно примитивный, когда-то действительно почитался советским мировоззрением, но отошел в область «преданий старины глубокой». Только переход этот надлежало не замечать. Особенно западной интеллигенции, западным правящим кругам, слишком хорошо помнящим нацистскую идеологию в час ее торжества, оплаченную реками крови.

Если политика вообще не жалуется откровенность и чистосердечие, то «национальный вопрос», точнее – практика его решения в нашей стране достигла вершин лжи и коварства. Поэтому (и не только поэтому) едва ли не в каждой области имелись свой «Эльсберг» и свой «Чаковский». Хватало их – имею в виду лишь национальный признак – в определенных областях науки, прежде всего сопряженных с проблемами

войны и армии. Здесь они подчас действительно являлись ключевыми фигурами. Свое соответствие столь высокому положению доказывалось не статьёй для сборника, не публицистикой на темы дня и речами о «текущем моменте», но достижением осязаемых целей. В Арзамасе-16, где под руководством Ю. Харитона создавалась советская атомная бомба, хватало ученых «нежелательной национальности». Число их определялось практической надобностью. Они не ходили ни в париях, ни в фаворитах. Отношение к каждому диктовалось осязаемой пользой, им приносимой.

Много позже мне посчастливилось познакомиться с одним относительно молодым физиком-«арзамасцем». Он обладал крайне неблагозвучной фамилией, соответствующим акцентом, а также неистощимым запасом оптимизма. Жестикулируя, тщетно пытался когда-то объяснить мне процесс атомного распада. В наши дни мы редко встречаемся. Он, почтенный академик с солидным стажем, читает лекции в одном из столичных вузов и пользуется популярностью у студентов.

В гуманитарных же областях при советской власти так или иначе существовала квота. Иногда негласная, устанавливаемая на местах. Процент лиц с «пятым пунктом» не должен был превышать определенную норму. Безотносительно к интересам дела. Сами начальники, отнюдь не обязательно страдавшие ксенофобией, следили, дабы норма эта свято блюлась. Тот же Чаковский на посту редактора «Иностранной литературы» и «Литературной газеты» не гнушался точно таким же манером доказывать свое соответствие партийному рангу.

Но если ученые-оборонщики с «пятым пунктом» честно вносили свой вклад в реальное дело, уравновешивая ядерное могущество США и таким образом снижая угрозу войны, то вклад «полезных евреев» в гуманитарных областях вряд ли чего-либо стоил. Ни монографии Я. Эльсберга, ни проза А. Чаковского какого-либо следа в русской литературе, русском литературоведении не оставили и не могли оставить. Не думаю, будто воспитательская деятельность автора «Внутренней тюрьмы ГПУ», его монографии о Герцене и Салтыкове-Щедрине принесли сколько-нибудь значительные плоды. Воздействие же художественных творений, написанных на уровне книг «Хван Чер стоит на посту», вообще не поддается какой-либо фиксации.

Аналогичную в чем-то функцию выполняли историк Исаак Минц и философ Марк Митин. Первый удостоился звания Героя Социалистического Труда. Государственных и Ленинских премий. Второй состоял членом ЦК и депутатом Верховного Совета.

Вряд ли эти звания, посты и награды что-либо говорят об истинном вкладе в науку. Мой давний друг, видный военный историк, убеждал меня, что И. Минц в научном споре иной раз мог поступить не совсем так, как хотелось кому-то наверху. Не верить ему не смею. Но как забыть деятельность И. Минца, участвовавшего в фантастической фальсификации истории гражданской войны?

Помимо исполнения прямых обязанностей оба академика самим фактом своего функционирования призваны были свидетельствовать об отсутствии в Советском Союзе государственного антисемитизма. То есть выполняли вполне определенную и не слишком достойную роль. Свидетельствовали они на самом деле о коварстве советской национальной политики, о ханжестве, вошедшем в плоть и кровь. О надежде, иной раз переходящей в уверенность, будто зарубежных представителей не так уж сложно обвести вокруг пальца.

Но тут случалось по-всякому. Л. Фейхтвангер, побывав в Москве в 1937 году, поверил в сказки о врагах народа и написал книгу «Москва 1937», незамедлительно вышедшую у нас. Что свидетельствует о ее, мягко выражаясь, лживости. А также о желании автора быть обманутым.

Андре Жид, посетивший Москву годом раньше, принял на веру далеко не все, что ему показывали и говорили. Я оказался среди школьников, непредусмотренно встретившихся с французским писателем в Парке культуры и отдыха. Он, догадавшись, что встреча не инспирирована, попытался через переводчика общаться с нами, пораженный, что никто из нас не знает ни одного западноевропейского языка. Да и вообще, боюсь, мы, растерявшиеся, имевшие смутное представление о жизни в своей стране, а уж тем паче за рубежом, произвели на него не самое отрадное впечатление. В памфлетах, написанных уже во Франции, он не слишком одобрительно отзывался об увиденном, услышанном. И, в частности, о молодежи.

Впечатления заграничных гостей – вечная головная боль советского руководства. Потому-то демонстрация таких интеллигентов, как Я. Эльсберг и А. Чаковский, отлично знающих, что, кому и как сказать, для советских деятелей высокого ранга куда важнее, нежели забота о пропитании горожан и селян. Потому-то следовало выгораживать клеветника-доносителя или поднимать на должностную высоту вполне второстепенного прозаика и публициста. Они умели поддержать разговор с иностранными гостями, найти ответ на любой каверзный вопрос, опровергая правду, почитаемую у нас клеветой. А при необходимости «дать отпор». Это считалось высшей доблестью.

Так что когорта «Преданных без лести» оставалась малочисленной, тщательно подобранной. Лица, составлявшие ее, имели все основания демонстрировать соответствие задачам, что на них возлагались. С неоправданно задранной головой они исполняли весьма недостойную роль. Так воплощался один из принципов, каким руководствовались политики с психологией временщиков: после нас хоть потоп. «Преданные без лести» мало чем от них отличались. Зато и те, и другие резко отличались от людей, честно трудившихся на благо родины, ее народов и сильно не избалованных фортуной. Сами эти люди, разделявшие общие тяготы и лишения, к тому же много страдали от антисемитизма, что периодически вспыхивает на российских – и не только российских – просторах. Ответом на него служат гордые слова одного из героев Бориса Пастернака:

В о δέσμοις οὐδέ τι εἶδ' αἰτῆσέν τι

*Épáíáí é díáííí ó éðáð
É ñ éñíááí úý áàóáí
Í á æäó è í á ò àðýð.*

*Óííð í á öèíèçì, ìðííèçìâââóéé ñáàòñéð èè ò áðà ò óðí óð æèçíü,
í à ì í é âçæýä, áííéí á çàéííí àðáí. Öèíèçì, í ÷ àì ó í àñ ÷ àñ ò í è í ò í ò í í
çàáúâàð, ìíáíááí ýäó ì ðíáíèæè ò æüí í á äáéñ ò àèý.*

Самая лучшая

Мирра Аспиз

«Nai ay éo: oay xai ueia». Oae Eioiaé Eáaiíae: xóelánee áatóeé i Ódeáá Áadai íatá Áeáitótáé, íoáaeííe xódiáeéídeá e íeínoáeúíeóá (1915 - 1965).

Á 1950-1960 áááó áá éíeá áitááeé áóy:éé íoééé. Íí ímááíí ádi éí ídiáó:áéí éí y Ódeáá Áeáitótáé ííneá ía:áeúíí eáitóííá íáá íáá ííyóíí Eíneóíí Adráneéí. Áá çáíeíí yóíá ííçdiíá ídióáííá ídeáeéá áíeí áíeá í eóíáé íáíáíóááííííde é, á éííá:ííí í:áóá í'áíeá áóóóíáá í íáeááíeíá éáóóáóá Ííneá yóíá áá éí y óííóíí çáí áe:éáeíííí éíeá íí:óé íá íádeçáááeéííí

Только в 2002 году, через тридцать с лишним лет, наконец переиздали ее дилогию – повести «Семейное счастье» и «Любимая улица». Они возвращают читателю прекрасного, равнодушного, сердечного человека. Их нельзя читать без волнения. Горести и радости героев близки и понятны каждому, задевают за живое. Семейное счастье ведь не дается просто так. Его надо строить. В дилогии Вигдоровой – редкий опыт созидания счастливой семьи, непростое взросление детей, горечь разрывов, серьезные раздумья о совести, любви, ответственности за другого.

А начинала Фрида Вигдорова как педагог. Окончила педагогический техникум в Москве и семнадцати лет уехала учительствовать в Магнитогорск. Там ее помнили и четверть века спустя. Вернулась она в Москву вместе с Александром Кулаковским, учителем и филологом, который стал ее мужем. В 1937 году оба они окончили литературный факультет Пединститута им. Ленина. В этом же году у них родилась дочь Галя. Перед самой войной молодая семья распалась. Александр Кулаковский погиб на фронте в 1942 году.

После окончания института Фрида продолжала преподавать. Стала журналисткой. Ее очерки печатались в «Литературной газете», «Правде», «Комсомольской правде».

Хрупкая, небольшого роста, Фрида казалась подростком. Корней Чуковский впервые увидел ее в редакции газеты «Правда» и поинтересовался: в каком она классе? И был ошеломлен, узнав, что перед ним – учительница.

...В дневнике Фриды крупными буквами написано: «Учитель – это самое высокое слово, которое может сказать человек человеку». Учителем был отец Фриды. Учителем стала ее старшая дочь Галя. Дочь Гали, внучка Фриды, тоже окончила педагогический институт и работала в школе. Четыре поколения учителей!

В результате первых школьных шагов молодой учительницы была написана первая книга Вигдоровой – «Мой класс» (1949). Она принесла начинающему автору известность и была переведена на многие языки, включая японский.

В 1954-1959 годах вышла в свет ее трилогия – «Дорога в жизнь», «Это мой дом» и «Черниговка» о детском доме, его директоре, воспитанниках, их судьбах. Прототип героя – Семен Калабалин, ученик Макаренко, Карабанов из его «Педагогической поэмы». Фрида Абрамовна подружилась с реальным человеком, но ее повесть не документальная: ее герой продолжает жизнь литературного персонажа. Вигдорова умела зорко вглядываться в жизнь и черпать из нее характеры, приметы, неповторимые черты эпохи и людей. Остались десятки ее тетрадей – записи, чутко отражающие время. Многие из них вошло в ее книги.

Дочь переводчицы Норы Галь, самого близкого друга Фриды Абрамовны, критик Эдварда Кузьмина рассказывает, что Вигдорова «как пчела, собирала по капле в окружающем мире все, что могло пригодиться для ее книг». Корней Чуковский для своей известной книги «От двух до пяти» пользовался материнскими дневниками Вигдоровой.

Из записей и наблюдений за двумя подрастающими дочерьми возникла небольшая повесть Вигдоровой «Аня и Катя». Она так и не была издана при жизни автора, но отрывки из нее печатались в 1986 году в нескольких номерах «Учительской газеты». Многие эпизоды, разговоры, черты характера девочек по своему преломились в дочерях героини «Семейного счастья» и «Любимой улицы».

Младшая дочь Фриды Абрамовны, Саша, родилась в 1942 году в эвакуации, в Ташкенте, куда Вигдорова уехала во время войны со своим вторым мужем – писателем-юмористом Александром Раскиным и пятилетней Галей. В Ташкенте она сблизилась с Анной Ахматовой и Лидией Чуковской. На пленки новорожденной Сашеньке Ахматова подарила свое платье. Раскин со свойственным ему юмором говорил, что если бы к этому событию преподнесли фрак Пушкина, он пошел бы на подгузники.

Подрастая, дочери Вигдоровой читали свеженарисованные страницы будущих ее книг, и, случалось, влияли на судьбы их героев. Так, по замыслу автора, один из героев трилогии, Митя Королев (Король), трудно доставшийся Карабанову, но выросший настоящим ему другом, должен был погибнуть в схватке, вступившись за незнакомую девушку. Однако дочери умолили оставить ему жизнь. Писательнице тоже всегда хотелось счастья своим героям.

Она и сама всю жизнь за кого-то вступалась, хлопотала – за близких и дальних. В газету она пошла работать «по справедливым делам» (ее формула). Надежда Мандельштам писала о Фриде Вигдоровой, что борьба за чужую жизнь – ее образ жизни. В это она вкладывала всю душу. Всегда была готова отозваться на чужую беду, прийти на помощь: кому-то помочь получить жилье, выхлопотать пенсию, восстановить на работе несправедливо уволенного человека. По письму в газету ехала в глухую тамбовскую деревню. На самолете, поезде и дрезине добиралась на Урал в лагерь строгого режима, откуда она вызволяла оступившегося пятнадцатилетнего мальчишку...

подорвало здоровье Ф.А. Вигдоровой. Через год с небольшим после чудовищного судилища она скончалась – в 1965 году, всего в пятьдесят лет. Лидия Чуковская после кончины друга написала книгу о ней и об этом ее последнем сражении и закончила рукопись «Памяти Фриды» в 1967 году. А опубликовать ее удалось лишь спустя тридцать лет – в первом номере журнала «Звезда» в 1997 году.

Надписывая Саше Раскиной свою книгу «Бег времени», изданную в 1966 году, Анна Ахматова назвала Фриду Вигдорову «высочайшим примером доброты, благородства, человечности для всех нас».

Александр Галич посвятил памяти Вигдоровой песню «Уходят друзья». Боль ее безвременной кончины отзывается в строках:

*È éřāā ī īōāđŷ āđī ī ī éđōāī ŷŷ
Ī āōōēēā, ī ī ēīīī ōēā ī ī īāđōōā
Ī ā ī āōēōā ī ī ā ŷēō ŷā ōō āō āī ŷā
xōī ī āī āēī āīō ŷī īō āđŷ ī ī ī īāīō āī*

В памяти близких, друзей, знакомых Фрида осталась очень веселым человеком с живыми сияющими глазами и обаятельной улыбкой. Она любила шутки, пародии, семейные праздники с шарадами и спектаклями. Любила танцы и лыжные прогулки. Любила друзей и дарила их друг другу. И была равнодушна к судьбе любого человека.

Будем надеяться, что новое издание ее дилогии – романов «Семейное счастье» и «Любимая улица» – найдет читателя и в нынешнем поколении. И тогда книги Фриды Вигдоровой воскресят для него имя и душу этой, по определению Корнея Чуковского, «самой лучшей женщины».

СУДЬБА АЛЬБЕРТА ГЕНДЕЛЬШТЕЙНА

Áëäàèì èð Áàðì àí

Íðè æèçíè Áëííáðòà Áàí ääéíóðàéíà í ííäá èéíàí àðí äáðòèíóó çáááí äèè àí ó ÷ òí íàçú äáðòíí, «íí ÷ äðí íí ó». È íàí óðàíí: íí äáíí íí-èòàèíí íàí èí èç íàí óò èðàíèáíò ÷ ÷æ:éí íòí èèóú. Íí çááí èá Áàí ääéíóðàéíà íà ííáíòí èò ÷ äðí ðéçúòéçú àí àíòà íí æáííé, çí àí àí èòíé Ýàèò Óðàííàíé, íí òí íí äí èò è äçáí èííáííí íàííæ ääéííí í ííéíàíèè «àíí íí áíí». Áéòàðí è ðææèííáðí òí é ýííðè äííí èíáèè, ÷ òí íí íàí òðàçèí ííðè Áëííáðò òíðòíáè òí èíèíí ääàèèíí ò íí çòò Íáðáóó Í äðèèòú çááí äáðòíí ó á íà:æá 30-ò í áðàíé ÷ ðèç íà èíí èòòíí ÷ æèííé èðàíí òú á Í áðèæá

Каждый новый кинословарь, каждая новая киноэнциклопедия уделяют все меньше места жизни и творчеству мастера художественного и неигрового кино Альберта Александровича Гендельштейна. Он родился в 1906 году, умер в 1981-м. Среди художественных фильмов, им поставленных, особенно памятна картина «Любовь и ненависть» (1935), посвященная событиям гражданской войны. «В этом фильме, – я цитирую последний, вышедший еще в советское время кинословарь, – Гендельштейн мастерски развивает традиции С. Эйзенштейна и В. Пудовкина и наряду с обобщенным образом революционной массы создает яркие индивидуальные характеры героев. Большого успеха режиссер сумел достигнуть в поисках наиболее выразительного сочетания зрительного ряда и музыки».

Í àíí íòðý íà äáííí íòí úé ðàèáí ò, Áëííáðò Áàí ääéíóðàéí íðè æèçíè íà íí èò:èè íé èðòí èóú «íò èò èäéíí íé» íèááí. Á äáíí íí àí çáíèæèè. Çà íí èòááèíáðò òíí áòí óð ðááíò ó á èéíàí àðí äáðòíí àí ó íà áí èí íðèíàíí íé íàí íà çááí èç, àá íà íà äáíèèè, á íò èè:èá íò àíí íéðúæá ääèò àí èéíàí àðí äáðòíí íà íé ääéííí íòáí íí.

Ðàçí èòà á àí çááíòà íí Áàí ääéíóðàéííí ò í àí ý áí èá äáííí à ííí íàòò äéíí íé, íàí àéí à íííèááí èá àáú àá æèçíè ÷ ÷ äðæèèè. Íí ðáííèáçèè ÷ íà í ííá èí òðàíí íà í Í àçèíàíèíí, Ýèçáí óðàéíà íà Áí áðà Í àéííí. Íí ííáíàðèð Í àéííí íííèá «Èðááè è íàí àèíðè» Áàí ääéíóðàéí àí èæáí áí è ííá òú íà æáíò ááí íúí ðèííàí àíò àíí Ýèçáí óðàéíà íí èí àóú òèèíí «Óíèíáéçú ÷ æéíàí:áíèíá ííí àíò àí ááí èç». È ííæáèáí èð, ðááíò ó íàá òèèíí íí íðèèðò èèè íí òèçáí èð Ñò àèéíà, èáí Í àéííí ííáçú æá íííèá íò úáçáà èç Ñí ááíòíèíá Ñíðçà íàí èí èíèíí ðàç àíòòä:æéíí ÷ Òðí èèè, è áíæáíí àí ó çòíá íà íà í òííðèè.

Í íí-èòàð ííáí íà çááí íúí òíòú á èáéíé-òí ÷ àðà àííòàí íà èòú íí ðáííèè èáííòú, ííðàèéá àííí íí èíáí èç í ýðèíé è á òí æá äáíí ý òðàáè:áíèíé ííííáá çòíá ðàèáí òèèáíí, èðàíèáíí, íàí ú:æéíí àí áðíá ÷ æéíàèá

В начале 20-х годов в кинотеатре на Малой Дмитровке постоянно демонстрировались американские приключенческие фильмы. «Заячьей Академией» называл этот кинотеатр Сергей Эйзенштейн. Он и Сергей Юткевич проникали в зрительный зал без билетов и еженедельно «отсматривали» километры ковбойских лент. Директором кинотеатра, сплотившим вокруг себя группу талантливой молодежи, был Михаил Сергеевич Бойтлер, владелец настоящей ковбойской шляпы, вызывавшей зависть у всех молодых поклонников боевиков.

Просторное фойе кинотеатра, в центре которого стоял стол для игры в пинг-понг, можно смело считать первым советским киноклубом. Здесь до хрипоты обсуждались техника монтажа, специфика актерской игры и операторское мастерство в только что увиденных фильмах. Осенью 1923 года в этом клубе появился первокурсник Государственного техникума киноискусства (ГТК) стройный красавец Альберт Гендельштейн. Здесь он познакомился с начинающим режиссером Всеволодом Пудовкиным и молодым актером Борисом Барнетом, снимавшимся в то время в фильме «Месс-Менд!»

Увлечение Альберта кинематографом началось в родном городе Пензе. Утром, надевая ранец, вместо того чтобы идти в гимназию, он направлялся к черному ходу кинотеатра «Аванс». Помощником механика там работал Леонид Косматов, в будущем знаменитый советский кинооператор. Получив от Гендельштейна деньги, выданные на завтрак, Косматов впускал гимназиста в «святая святых» – проекционную будку. В то время пленку в кинопроекторе крутили рукой, и Косматов едва успевал справляться со своей работой. Помощь верного младшего товарища была совсем не лишней. Если демонстрировалась хроника с военными сюжетами, Гендельштейн отправлялся за экран и «озвучивал» ее. Он грохотал листами железа, просыпал горох, крутил трещотки, имитируя гул боя и треск выстрелов. После шумовой работы Косматов дарил своему помощнику несколько кадров из демонстрируемых фильмов. Дома, показывая их через «волшебный фонарь», комментируя и озвучивая, Гендельштейн создавал для родных и близких свои первые фильмы.

Отец хотел, чтобы сын стал инженером. Сын наперекор воле отца пошел учиться в ГТК. «Моя юность, – вспоминал позже Гендельштейн, – совпала с юностью кинематографа, временем его вулканической активности. В кино еще не было ни орденов, ни иерархий: это был период ученичества звезд, когда прославленные мастера учили, учились и экспериментировали вместе с учениками».

ГТК в те годы – одно из самых модных учебных заведений в Москве. К началу занятий к его подъезду подкатывали на рысаках роскошные нэпманские дамы и пестро разодетые юнцы, их отпрыски. Обучение было платным, и большинство студентов должно было работать, чтобы вносить плату за обучение.

Специально для этого в подвале ГТК работала фабрика чернил, производившая также и фотобумагу для «дневной печати», на которой так никто и не смог напечатать ни одной фотографии.

Существовал еще один способ заработка. ГТК обеспечивал студентов работой в массовках. Массовки и стали основной статьей доходов Гендельштейна. Статистам в те годы платили за «продолжительность плана», в котором они снимались. Гендельштейн научился падать так, что оператор был вынужден уделять ему предельное количество метража.

Окончив ГТК, Гендельштейн получил приглашение от Пудовкина поработать вместе ассистентами на съемках картины «Конец Санкт-Петербурга». «Сегодня ассистент на художественной картине – это прежде всего исполнитель, – вспоминал Альберт. – В то время ассистент должен был работать творчески, с отдачей. Я предложил Пудовкину снять эпизод выступления Керенского и ликования толпы так, чтобы в заключительных кадрах памятник Александру III заплакал от умиления. Идея была одобрена. Но как ее реализовать? Я и Алексей Файнциммер (в будущем известный кинорежиссер) начали делать слезы для статуи. Мы экспериментировали с водой, касторкой, вазелином. Наконец, достали жидкое стекло. И два ассистента, прячась за огромные оттопыренные уши самодержца, на счет “три” пускали по слезе из каждого его глаза». Впоследствии Пудовкин, встречаясь с Гендельштейном, всегда с улыбкой вспоминал эту сцену, ни от кого не утаивая авторства молодого кинематографиста, придумавшего захваленный критиками эпизод.

Фильм «Любовь и ненависть» имел огромный успех и единодушную хвалебную прессу. В Советском Союзе и за рубежом его сравнивали с «Броненосцем “Потемкиным”» и «Чапаевым»... «Фильм этот напоминает своим масштабом и построением античные драмы, – отмечала пресса, – в нем грандиозное сочетание рассудка и страсти, трезвости и пафоса, в нем наблюдается тот драматизм, которым отличаются только крупные массовые драматические действия. Лишь к таким фильмам, а не к фильмам, представляющим Древний Рим в стиле дешевых литографий, применим эпитет “монументальный”».

В 40-е годы фильм «Любовь и ненависть» был незаслуженно и надолго забыт. В середине 70-х его вновь неожиданно показали в Москве в «Иллюзионе» и «Кинотеатре повторного фильма». Сотрудники журнала «Советский экран», помня о грандиозном успехе фильма в прошлом, попросили Сергея Ермолинского, автора сценария и одного из самых близких друзей М. Булгакова, поделиться впечатлениями о повторном показе. «Разумеется, пришедшим на просмотр любителям кино было любопытно посмотреть на совсем молодую Веру Марецкую, худенького Михаила Жарова, почти мальчишку Николая Крючкова, наконец на одну из “звезд” тех лет Эмму Цесарскую, – писал на страницах журнала сценарист. – Но не только это оказалось интересным. Зритель не остался равнодушным к фильму, несмотря на то что много кусков в нем утеряно, не всюду сохранен его монтажный строй, что для такого фильма особенно важно. Но едва ли не самым главным для меня после просмотра были мысли об Альберте Гендельштейне. В годы молодости он сразу покореял заражающим обаянием своего таланта, остротой воображения, темпераментом, а вот сейчас я понял (особенно “дошло”) все своеобразие, необычность его режиссерского почерка, тогда по-юношески озорного, но своего».

Художественный фильм А. Гендельштейна «Лермонтов» имел трагическую судьбу. Большая часть фильма снималась в эвакуации на Сталинабадской студии в трудные дни Великой Отечественной войны. На просмотре Политбюро картина была резко раскритикована Берией.

*Ὁσάϊε ἀπὸ ἀαί ίύε ὀεεῦῖ Ἀ. Ἀαί ἀαεῦῖ οὐ ἀεί ἀ «Ἐὰν ἴῖ ὀίᾶ»
εἰ ἀεὸ δαῖε-ἀνέφ ἡνῖῖᾶ Ἀίεῦῖ ἀγ ἰ ἀπὸ ὀεεῦῖ ἰ ἡν εἰ ἀεᾶνῖ ἰ ἰᾶεὸ ὀεεῖ ἰ ἰ
Ἰὸ ἀεεῖ ἰᾶᾶᾶᾶῖε ἡ ὀεεε ἰ ὀ δαῖῖ ὑ ἰ ἰ ἰ Ἀαεεεῖε Ἰ ὀ ἰ ἀπὸ ἀαί ίύε ἀεῖῖ. Ἰ ἰ
ἰ δῖῖ ἰ ὀ δᾶ*

Ἰ ἰ εεὸ ἀφῖ εᾶδὸ εἰ ἰ ἀῖεᾶ δαεῖ δαῖεδὸ εεεῖ ἰ ἰ ἰ Ἀαδᾶε.

Сегодня ясно видно, что в киноязыке и стилистике картины Гендельштейн обогнал свое время. Изобразительная ее структура в чем-то близка фильмам Тарковского. Режиссер не стремится создать хрестоматийный кинопересказ биографии поэта. Он, так сказать, экранизирует метафоры, способные многое раскрыть зрителю, знакомому с поэзией Лермонтова. Сценарий фильма написал К. Паустовский. Писателю картина нравилась. Кстати, теперь ее часто показывают по телевидению.

После «Лермонтова» Гендельштейну больше не дают снимать художественные ленты. Но работая на документальной и научно-популярной студиях страны, он создал несколько без преувеличения выдающихся картин.

«Александр Покрышкин» по праву считается одним из лучших документальных фильмов, посвященных Великой Отечественной войне. Он был выпущен на экраны в июле 1945 года. Кинопортрет трижды Героя Советского Союза, прославленного аса, командира соединения сделан интересно и для своего времени необычно.

В 1943 – 1945 годах Альберт Гендельштейн служил режиссером во фронтовой киногруппе 1-го Украинского фронта. В течение нескольких месяцев он вместе с фронтовыми операторами вел кинонаблюдения за Покрышкиным. В фильме зрители видят знаменитого летчика в боях и на отдыхе, в кругу родных и среди боевых друзей. Множество точно подмеченных деталей передает специфику ратного труда летчиков-истребителей. На экране – немецкий летчик, сбитый Покрышкиным. Немец не понимает, каким образом

удалось его сбить. Просит объяснить. Деловито и серьезно Покрышкин показывает немцу руками, как он атаковал его самолет в воздухе.

Весна 1945 года. Половодье. Почти все полевые аэродромы приходят в негодность: взорваны отступающей армией бетонированные дорожки стационарных полос. Радиус действия истребителей ограничен. Но Покрышкин почти каждый день в небе, и по-прежнему падают на землю сбитые самолеты. «Ахтунг!.. Ахтунг!.. В воздухе Покрышкин!» – предостерегают по радию своих летчиков фашисты. И мгновенно ломается в небе строй вражеских самолетов. Немцы засылают диверсантов с единственной целью – узнать, где находится аэродром Покрышкина. Один из диверсантов снят в картине. Его ведет конвой по автомобильной дороге Бреслау – Берлин, которая и была аэродромом Александра Покрышкина: летчик использовал шоссе в качестве взлетной площадки.

Объясняя успех фильма, газета «Советское искусство» точно уловила его особенности. «Первое, что необходимо отметить, – это естественность обстановки, в которой показан Александр Покрышкин; уже одно это составляет достоинство фильма. Операторы не заставляли его позировать. Они жили с ним, ходили за ним по пятам и на ходу снимали его стремительную и напряженную жизнь». Хочется напомнить читателю, что в то время в кинолитературе и критике еще не велись дискуссии о съемках скрытой камерой и методом кинонаблюдения – практика режиссера на много лет обогнала теорию.

Фильмы «Первые крылья» и «Во глубине сибирских руд...», созданные Гендельштейном на киностудии «Моснаучфильм», вошли в золотой фонд научно-популярного кино. В «Первых крыльях» режиссер сумел средствами искусства воссоздать логический ход мыслей Можайского, работающего над созданием первого в мире самолета. Режиссер добивается весьма небанального эффекта: зрители, вместе с Можайским переживая все удачи и неудачи ученого, постигая аэродинамические законы, наблюдая летящих птиц, всматриваясь в форму их крыльев, как бы самостоятельно приходят к величайшему открытию века. В студийном архиве сохранилось письмо авиаконструкторов, летчиков и ученых, на которых фильм в момент его выхода на экран произвел огромное впечатление.

«Акварельной повестью» часто называют в киноведческой литературе фильм «Во глубине сибирских руд...» В 1944 году доктор искусствоведения И.С. Зильберштейн разыскал собрание портретов, выполненных одним из главных зачинщиков бунта 14 декабря 1825 года Н.А. Бестужевым. На портретах были изображены ссыльные декабристы и их жены. Иракий Андроников объяснял оригинальность этого фильма синтезом средств научно-популярного и художественного кино. «Здесь средства художественного кинематографа, – писал он, – вступают в дело очень решительно... Но так ли уж важно зрителю, на какой студии снималась картина, было бы исторически достоверно и хорошо».

Фильмы Гендельштейна всегда выходят за привычные рамки, они вне классификационных норм. Последний значительный фильм режиссера «Дмитрий Шостакович» – прямое тому доказательство. Подробный разбор этой картины приводится почти во всех учебниках по неигровому кино.

Творческое содружество великого композитора и А. Гендельштейна началось давно. Шостакович писал музыку к «Любви и ненависти». Хотя из-за плохой сохранности и перемонтажа отдельных кусков в сохранившейся копии невозможно получить целостное представление о звуке... Какой бы ни был продолжительности фильм о Шостаковиче, в нем все равно было бы невозможно исчерпывающе рассказать о жизни и творчестве героя. Однако Гендельштейн нашел оригинальное решение. Подзаголовок «Эскизы к портрету композитора» дал возможность режиссеру выбрать для картины только самое важное, самое необходимое. То, без чего нельзя обойтись.

Лучшая часть картины, повествующая о создании и исполнении Седьмой симфонии, вызвала восхищение и советских и зарубежных искусствоведов. 8 августа 1942 года. Осажденный Ленинград. Переполненный концертный зал. Оркестр под управлением Карла Элиасберга впервые исполняет знаменитую симфонию. Прямо с фронта отозваны музыканты, с фронта пришло и сразу же после концерта уйдет на поля сражений большинство слушателей...

Тот же зал филармонии, но только четверть века спустя. Звучит знакомая музыка, звучит все громче и громче... В оркестре однако необычно мало музыкантов. На пустых стульях – инструменты: те, кто играл на них впервые Седьмую симфонию Шостаковича, отдали жизнь за Родину. Медленной панорамой сняты лежащие на стульях скрипки и кларнеты, валторны и флейты; прислонены к пустым стульям гобои, одиноко стоит у стены контрабас. И зал почти пуст. Очень многие первые слушатели Седьмой симфонии тоже погибли на фронтах Великой Отечественной. Эпизод потрясает. Сила его воздействия на зрителей огромна. «Я познакомился с кинофильмом, посвященным моей музыке и моей биографии, – пишет после выхода на экраны фильма Д.Д. Шостакович Председателю Комитета кинематографии СССР. – Никаких неточностей в фильме нет. А сам фильм, поставленный режиссером А.А. Гендельштейном, произвел на меня очень сильное впечатление».

В последние годы жизни тяжелая болезнь обрушилась на режиссера. Но он мужественно продолжал работать. Пока мог, снимал, когда стало трудно выходить из дому, – писал сценарии. Эдит и Леонид Осипович Утесовы сделали все, чтобы он прожил как можно дольше. Скоро уже четверть века, как его нет среди нас. Но фильмы его до сих пор на экране.

голусную культуру. «Гетто действительно существует, – говорила заместитель мэра Иерусалима Лариса Герштейн, – но гетто это не “русское”, а израильское и довольно провинциальное...»

В полном соответствии с идеологией Нового Израильянина наше правительство и Сохнут не поддерживают и не финансируют еврейскую культуру в странах рассеяния, в том числе и в странах СНГ. И наши власти до последнего времени стремились не поддерживать и не финансировать культуру «русских» и других этнических общин, а также литературу, театры и прессу на идише, к слову, благополучно вымершую.

Идеология постсионизма характеризуется заменой теории «плавильного котла» теорией «лоскутного одеяла».

В сознании евреев СССР еврей – это тот, кого дискриминируют: не принимают на работу, в институты и т. д. В сознании евреев-выходцев из стран Востока еврей – это тот, кто живет «еврейской жизнью», то есть соблюдает обряды иудаизма. В сознании израильян еврей – это израильяне, это они – основное население страны.

Первое, что меня поразило в израильянах, – отсутствие собачьего выражения глаз, по которому мы безошибочно узнавали «своих». Несовпадение привезенного с собой эмигрантами из СНГ понятия о евреях с теми евреями, которых они встретили в Израиле, нередко становится у репатриантов причиной морального дискомфорта, разочарований, депрессий и т. д. Впрочем, и выходцы из стран Востока отказывают нам в праве считаться евреями – ведь и их понятие о евреях не совпадает с тем, как ведут себя «русские».

Когда мне пришлось решать непростую дилемму – ехать в Америку или в Израиль, я рассуждал так: американцем мне еще надо становиться, а еврей я уже есть. Мне, как и сотням тысяч будущих репатриантов, было невдомек, и никто нас не предупредил о том, что придется превратиться из евреев в израильян. И что платить за это многим доведется дорогой ценой. Те, кто упорствует в своем желании оставаться «русскими» в Израиле, кончат свои дни в нищете, всеми забытые. Ведь русско-еврейская культура в Израиле – это культура одного поколения. И не надо льстить себя надеждой, что наши дети в полной мере сохранят русскую культуру: они станут (и уже становятся) израильянами. В лучшем случае русский будет для них вторым языком.

Люди, связавшие свою жизнь в Израиле с русской культурой, напоминают мне петуха, который бегаёт по двору с отрубленной головой, полагая себя в прекрасной форме.

Я еще могу понять тех из них, кому осталось этак с десяток лет до пенсии. Более молодых репатриантов я обязан честно предупредить: становитесь израильянами, пока не поздно! Вместо чтения русских газет, посещения русских тусовок, просмотра московских телепередач и слушания радио «Река» учителя лучше иврит! И перед вами откроется прекрасная и удивительная страна. Ваша страна. Ибо Израиль – это не страна евреев и не страна «русских».

Это – страна израильян.

ИЗ ГЛУБИНЫ БЫЛОГО

Ὁ ἀπὸ τῆς ἑβραϊκῆς

Ἐβραϊκῆς ἀπὸ αἰ ἐβραϊκῆς.

Ὁ 3. Ἐβραϊκῆς ἀπὸ τῆς ἑβραϊκῆς Νῆρα (1917–1939).

Ἰ. : Ἰ ἰνὸ ἰ ἐβραϊκῆς; Jerusalem Gesharim, 2002 — 484 ἰ

Ἀπὸ τῆς ἀπὸ ἑβραϊκῆς

Труд Феликса Канделя по истории российского еврейства построен по правилам, общим для всех исторических сочинений: даны периодизация, хронологическая канва событий, их оценка. Но чем этот труд отличается от привычных исторических трактатов?

Прежде всего – формой. Очерки не похожи на привычные лекции по истории. Сам автор профессиональным историком не является, но подготовительную работу провел не хуже любого профессионала. Изучил обширные и разнообразные источники, среди которых – древние летописи, законодательные акты, выдержки из газетных и журнальных статей, мемуары очевидцев. Книга в виде сборника академических лекций едва ли могла бы стать подлинным памятником древнейшему народу. Разумеется, существуют книги по истории российских евреев, написанные С.М. Дубновым, Ю.И. Гессеном и многими другими. Но в научных трудах, как правило, не слышна живая речь, нет в них и рассказов свидетелей событий. В книге Канделя описано великое множество фактов, зачастую трагических и кровавых. Это нужно не только для того, чтобы создать облик времени, но чтобы показать реальное бытие находящегося в голусе народа. Чему способствуют и приведенные в книге замечательные репродукции синагог, свитков Торы, литографии старинных городов и барельефов.

Выходящий за рамки обычного исторического сочинения замысел определяет само заглавие. «Книга времен и событий»... Здесь ощутим даже отзвук Священного писания, летописи. Справочный аппарат, необходимый для научного труда, отсутствует; тем не менее все события мы видим явственно и большей частью глазами очевидцев. Использованные источники приводятся в самом тексте; некоторые, например древнерусские рукописи, – в виде копий с оригиналов.

Какие черты древнего народа выделяет К

андель, воссоздавая историю российских евреев в разные периоды? В первую очередь уважение к своей вере. У него нередки сцены, где евреи умирают за веру целыми общинами, предпочитая смерть насильственному крещению. При этом отмечается, что было немало крещеных евреев, сыгравших большую роль в экономической жизни России.

В книге даны обширные сведения по этнографии, подробно описаны обычаи местечек. Любопытно этимологическое исследование разных еврейских фамилий. Значительная часть очерков посвящена истории еврейской литературы.

Исходя из периодизации, принятой автором, вся история евреев бывшей Российской империи делится на три неравные части. Первый период – самый обширный, он охватывает целое тысячелетие; главное его событие – изгнание иудеев из земли Израилевой. Завершается он 1772 годом, когда в России, в эпоху императрицы Екатерины Великой, происходит первый раздел Польши, вследствие чего евреи впервые оказываются подданными российской короны. Следующий период существенно короче; он длится сто лет и заканчивается 1881 годом, точнее – началом царствования императора Александра III, политика которого отличалась ярко выраженным антисемитизмом. Третий период охватывает всего 36 лет. Его конец – 1917 год; речь в первую очередь идет о Февральской революции, в результате которой были отменены законы, дискриминирующие евреев.

Основные события первого периода связаны с изгнанием евреев с родины, а несколько веков спустя – из европейских стран, в частности из Испании. Средневековая история Европы исследуется параллельно с русской. На русских землях евреи жили еще во времена Киевской Руси. Ф. Кандель, скажем, пишет, что в древнем Киеве был еврейский квартал. Что евреи в Киевской Руси составляли группу свободных людей, занимавшихся «транзитной» торговлей, выгодной и для киевских князей. «Они пользовались свободой передвижения, но жили преимущественно в городах, в особых кварталах». Из этого следует, что евреи были на хорошем счету. Тут же приводится текст из русской летописи, передающий разговор киевского князя Владимира Святославича с евреями, которые склоняли князя к принятию иудаизма. Владимир отказался принимать иудейскую веру, узнав, что евреев изгнали из родной земли. Говоря о роли еврейства в жизни Киевской Руси, Кандель имеет в виду не только торговую деятельность, но и культуру. Он придает, например, большое значение переводу на древнерусский сочинений Иосифа Флавия, особенно «Иудейской войны»; ее влияние историки отмечают в «Слове о полку Игореве», в «Слове о гибели русской земли» и в «Задонщине». У новгородской былины о Садко обнаруживается прародитель – библейский рассказ об Ионе, которого корабельщики сбросили в море. Бесспорно, связь между двумя культурами имеется. В книге есть и ошибочные утверждения. Автор полагает, что при составлении древнерусского алфавита часть букв (ц, ч, ш, щ) Кирилл и Мефодий заимствовали из иврита. Это устаревший взгляд; на самом деле названные буквы заимствованы не из иврита, а из арамейского языка, входившего в ту же группу языков, что и иврит.

Преследованиям, по мнению Ф. Канделя, евреи подвергались преимущественно по религиозным соображениям. Вообще же их история, как он говорит, похожа на качели – от опалы к фавору и обратно. И на

Руси в период раннего средневековья присутствует схожая ситуация. Татаро-монгольское нашествие нанесло сильный удар по еврейскому населению Киева: многие погибли, значительная часть бежала. Однако потом даже те князья, что были враждебно настроены к евреям, приглашали их вернуться.

Ф. Кандель отмечает явное влияние иудаизма на православную философию XV – XVI вв. То, что в русской истории именуется «ересью жидовствующих», – целое культурное явление. Новгородские священники Алексей и Дионисий, принявшие иудейство, даже служили в Кремле: Алексей – протопопом в Успенском соборе, Дионисий – священником в Архангельском. «Ересь жидовствующих» на Руси окончательно была разгромлена лишь 20 лет спустя после появления. Вполне вероятно, полагает автор книги, что стойкая неприязнь к евреям и иудаизму на Руси началась именно с этого времени.

XVI – XVII вв. – эпоха, когда на Руси к евреям относились наиболее жестоко. Настоящее истребление их пришлось на период войны с Польшей. Наиболее памятный факт – избиение евреев в Полоцке, который войско Ивана Грозного заняло в 1563 г.

Как уже говорилось, в результате разделов Польши евреи стали гражданами России. В этот же период возникает законодательство о них и как следствие его – «черта оседлости». Время правления Александра II для евреев оказалось наиболее благоприятным. Оно отмечено бурной деятельностью евреев-предпринимателей, деньги которых вкладывались в русскую промышленность, а также в развитие транспорта – в пароходное сообщение и в железнодорожное. Железная дорога Петербург – Варшава была построена на средства основателя Варшавского коммерческого банка И. Блюха. Ф. Кандель подмечает интересный факт – одну из железных дорог, в строительство которой вложили деньги братья Поляковы, построили за двадцать два месяца (т.е. чуть менее чем за два года). Для сравнения: дорога из Петербурга в Москву строилась девять лет.

Следующий период, считает автор, – наиболее трагический. Это эпоха погромов, в том числе и печально известного Кишиневского, появления антисемитского законодательства, прекратившего свое существование только после Февральской революции. Это сфальсифицированные судебные дела, среди которых наиболее известно – дело Бейлиса. Кандель убедительно доказывает, что в последний предреволюционный период (считая от начала царствования Александра III) евреи подвергались преследованиям уже не только из-за веры, но прежде всего из чувства зависти, вызванной их удачливостью в коммерческих предприятиях.

Автор всячески подчеркивает патриотизм евреев во время первой мировой войны. Важен в этой связи эпизод, когда в одесской синагоге кантор с хором исполнили гимн «Боже, царя храни». Примечательно: процент евреев в российской армии оказался выше их процента от общего числа жителей России. Но нельзя не помнить и о другом. Евреи служили в армиях всех воюющих государств. И нередко бывало так, что единоверцы убивали друг друга. Известен случай, когда российский солдат-еврей заколол штыком австрийского солдата и тот принял смерть со словами «Шма, Исроэл!»

Кандель приводит многочисленные примеры, когда евреев награждали тремя, а то и четырьмя Георгиевскими крестами. Среди других русских военных наград эта считалась одной из высших, обладание даже одним крестом свидетельствовало о подлинном героизме воина. В России существовал еврейский Союз георгиевских кавалеров, которых к 1917 г. насчитывалось более двух тысяч. И это несмотря на то, что дискриминация еврейства не была прекращена даже в военные годы и сопровождалась погромами.

Жизнь евреев Крыма, Кавказа и Средней Азии автор решил показать отдельно. Чем обосновано его решение? Очевидно, культурными различиями. Евреи, населяющие эти края, говорили на языках тех народов, среди которых жили. Собственной национальной одежды у них тоже не было – они одевались как грузины, дагестанцы, таджики и т.п. Отдельно описаны в книге евреи Сибири. Появление этой группы датируется XVII веком. Как пишет Ф. Кандель, сначала ее составляли пленники, захваченные во время войны с Польшей. В XVIII веке это были в основном ссыльные, но позже в Сибирь изредка стали попадать и вольные. Рассказывая о сибирских евреях, Кандель приводит казусы, связанные с законодательством о них. К примеру, некий резник, проживший в Сибири двадцать лет, достал удостоверение о том, что он – сосланный конокрад. Вышло, что именно преступник, а не честный человек мог иметь в Сибири право на жительство. Между тем коренное население и приисковые рабочие противились выселению евреев, так как только они вели торговлю по приемлемым ценам. Остальные брали за товар втрое больше. В Иркутске жандармы помогли избежать выселения еврея – мастеру «офицерских принадлежностей» (видимо, кузнецу).

События советского периода представлены в третьем томе. Они охватывают отрезок времени с 1917 по 1939 г.

Жизнь еврейства рассматривается в нем не отдельно, а в контексте российской истории в целом. Автор уделяет большое внимание событиям, которые, казалось бы, не имеют прямого касательства к судьбе евреев, – скажем, борьбу большевиков с церковью. Но подробно рассказывает о закрытии синагог и еврейских школ, о стараниях уничтожить еврейские языки: сначала иврит, а затем идиш. И за этим – опровержение любимой идеи «русских патриотов» о том, что события 1917 г. есть еврейский заговор. Характерен для того времени и эпизод, связанный с арестом Любавичского Ребе Йосефа Шнеерсона, дело которого вел следователь Нахмансон, еврей из Невеля.

В оценке ряда деятелей эпохи Кандель не категоричен. Так, например, его восприятие личности Троцкого противоречиво. Он с нескрываемым отвращением описывает Троцкого в период, когда тот был лидером революции и занимал ключевые посты в правительственных учреждениях СССР. Подчеркивает, что этот человек – предатель еврейского народа. Но, описывая время, когда Троцкий попадает в опалу, изгоняется

из страны, когда его убивают по приказу Сталина, Кандель не скрывает своей к нему симпатии. Неожиданным для читателя может оказаться тот факт, что после прихода Гитлера к власти Троцкий высказался за создание в мире еврейского государства.

Промышленность, производство – отдельная тема. Кандель справедливо обратился и к истории отечественной авиации. Им упомянуты имена евреев – авиационных инженеров, которые, безусловно, заслуживают уважения, хотя, правда, самолет ХАИ-1 не стал первым самолетом с убирающимся шасси; таким самолетом был истребитель И-16. Кроме того, ни слова не сказано о создателях авиационных двигателей, среди которых – Аркадий Яковлевич Швецов; его двигателями оснащались самолеты С.А. Лавочкина Ла-5 и Ла-7, а впоследствии – Ил-14.

Одним словом, бытие евреев в постреволюционной России описано Ф. Канделем многосторонне. Речь у него идет и обо всех областях культуры и образования. И всюду прослеживается одна и та же тенденция власти – от движения навстречу еврейству к борьбе с ним. Типичный пример – история еврейского театра (ГОСЕТ). В общем, это период несбывшихся надежд...

ДЕМОН НМР И ЕГО ПРОИСКИ

*✕άή άδ Ρ., Εόί ö Ε.
«Ι ίήή» -
ίάήά ίίέάέά
Ι έδ άάίύό άεί.
Ι : ΔΕΙ Ι Ε ΕΕΑΝΝΕΕ,
2003 — 512 ή*

Άέάέί έδ Άόήάί ίάήέέ

Приступая к чтению книги Ю. Чернера и И. Кунца «Моссад. Первые полвека», я, признаться, полагал, что она открывает новую главу в историографии одной из самых известных разведывательных служб мира. Надежды мои питала многообещающая фраза в аннотации: «Авторы располагают принципиально новыми сведениями, переворачивающими уже сложившиеся представления».

Надо сказать, что представления об израильской разведке у нашей читательской аудитории действительно уже сформировались – в частности, под впечатлением изданной в России в 1993 году замечательной книги Денниса Айзенберга, Ури Дана и Эли Ландау. Она называлась «Моссад. Секретная разведывательная служба Израиля». На отечественном книжном рынке в 2000 году появилась также превосходная «История разведывательных служб Израиля» Дена Равива и Йосси Мелмана. К этой теме обращались и другие авторы.

Возвращаясь к аннотации книги «Моссад. Первые полвека», нельзя не оценить по достоинству желание Ю. Чернера и И. Кунца привлечь внимание читателя к «немусульманскому радикализму». Правда, тут же возникает вопрос: если к не мусульманскому, то к какому же? Уж не к еврейскому ли? Неужели это – «новая песня о старом»: о коварстве и зверствах израильской военщины? От сердца отлегло, когда начал читать так называемое «неожиданное предисловие». Оказывается, речь идет вовсе не о немусульманском, а о «нео» (новом) мусульманском радикализме, обозначенном Ю. Чернером и И. Кунцем аббревиатурой из трех букв – НМР. Так это же совсем другое дело! В тексте аннотации была всего лишь допущена опечатка.

Как выясняется, неомусульманский радикализм – явление не новое, и его адепты немало повидали на своем веку. По свидетельству Ю. Чернера и И. Кунца, «начало деятельности НМР приходится на начало прошлого века» (курсив мой. – В.Б.). Как сказано у классиков, «молодая была немолода».

Ю. Чернер и И. Кунц создали даже новый термин – «демон НМР». Наивный читатель может вообразить, что борьба именно с этим «демоном» и стала лейтмотивом книги.

Напомним, что «труд» Ю. Чернера и И. Кунца издан в 2003 году – через два с половиной года после начала интифады «альакса» на палестинских территориях. Почти через полтора года после ужасающих террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Более чем через год после отстранения талибов от власти в Афганистане. В период активной подготовки к кампании по свержению одиозного режима Саддама Хусейна в Ираке, свидетелями сокрушительного разгрома которого мы сегодня являемся. Еще не все забыли, что после трагедии 11 сентября 2001 года сформировалась антитеррористическая коалиция, активными участниками которой стали Соединенные Штаты, Израиль и Россия. Быть может, господа Чернер и Кунц располагают эксклюзивной информацией о сотрудничестве спецслужб этих стран и готовы поделиться ею с читателями? Тема эта актуальна, особенно в связи с вызывающим тревогу нынешним состоянием значительной части российского общества, страдающего маниакально-депрессивным антиамериканизмом и хроническим антисемитизмом в стадии обострения.

Увы, недавние трагические события, не только потрясшие мир, но и, возможно, ставшие поворотным пунктом в истории человечества, в книге даже не упомянуты. Нет здесь и примеров взаимодействия разведывательных сообществ стран-союзниц по антитеррористической коалиции. Конечно, на многое проливает свет, но, к сожалению не рассеивает туман следующая многозначительная фраза: «Строго анонимные, но компетентные источники отмечают, что в этой борьбе начал происходить взаимовыгодный обмен информацией между спецслужбами некогда непримиримых врагов, поскольку исламский терроризм... угрожает не только еврейскому, но и “светским” арабским государствам». И далее: «В Египте, например, или в Турции, продвинутой к НАТО стране, уже совершены десятки террористических актов...» (Хотелось бы спросить господ Чернера и Кунца – по чьей злой воле Турция, между прочим, задвинутая в НАТО аж в 1952 году, вдруг стала именоваться арабской страной? (Курсив мой. – В.Б.)

Не считая перечисления нескольких эпизодов противоборства израильских сил безопасности с базирующейся на территориях Палестинской автономии исламской террористической группировкой ХАМАС, книга не содержит конкретной информации о настоящей войне с мусульманским экстремизмом, которую Израиль ведет уже более полутора десятков лет, а Соединенные Штаты и отчасти Россия – последние годы.

Вместо этого нам предлагают, не побоюсь сказать, «метаисторический» (неологизм Ю. Чернера и И. Кунца со ссылкой на «великого русского духовидца» Даниила Андреева) портрет «демона». Задачей НМР является экспансия, формой существования – напряженная борьба, предполагающая жертвы и мобилизацию внутренних сил, то, что Д. Андреев назвал «сверхдержавным комплексом». Политических границ в нашем

понимании для НМР не существует. Моральных норм тоже. Это существо иной, не человеческой природы. Д. Андреев первым указал на особую опасность inferнального чудовища, которое стоит за мусульманским радикализмом нового времени. По терминологии Д. Андреева оно «инвольтирует», то есть на практике как бы вдохновляет и подталкивает к действиям все новых и новых людей, делая их участниками своего демонического плана.

В общем, «чудище обло, огромно, стозевно...» «Инвольтирующий» демон НМР превращается в Кося бессмертного, и сражаться с ним абсолютно бессмысленно. Да и средств борьбы с демонами в арсенале спецслужб, скажем прямо, не так много. Бедному читателю остается надеяться, что Ю. Чернер и И. Кунц утешат его успехами израильских «органов» в войне если не с мистическим, то хотя бы с реальным экстремизмом.

К счастью, книга, оправдывая в первую очередь часть своего названия («первые полвека»), подробно повествует об истории становления израильского разведывательного сообщества. О целях и задачах комитета «Вараш», координировавшего деятельность всех специальных служб государства; о дерзких операциях командос и сотрудников сил безопасности по предотвращению террористических актов, освобождению заложников, уничтожению экстремистов, уже совершивших злодеяния. О подвигах разведчиков Шалтиеля Бен-Лира, Эли Коэна, Вольфганга Лотца. О вербовке агентов в стане врага и усилиях по оснащению Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) самым современным оружием и боевой техникой. О создании ядерного щита страны и о многом-многом другом. И нет ничего предосудительного в том, что Ю. Чернер и И. Кунц заинтересовались тематикой, хорошо знакомой российскому читателю. Ведь у всякого подлинного исследователя, свой творческий почерк, свой взгляд на исторические события и на людей, эти события олицетворяющих.

Ю. Чернер и И. Кунц подробно повествуют о жизненном пути отца-основателя разведывательного сообщества Израиля, первого директора Моссад (1951 – 1952 гг.) Рувена Шилоя, длительное время находившегося в тени легендарного Исера Харела, руководившего внешней разведкой страны в 1952 – 1963 годах.

Читаю биографическую справку: «Отец Рувена, Ицхак Засланский, был раввином, который передал своим детям – двум сыновьям и двум дочерям – стремление к знаниям, далеко выходящее за рамки традиционного... образования... Учителя и преподаватели Рувена отмечали, что он был серьезным и талантливым студентом, обладал чувством юмора, а также обнаружил актерский талант, который впоследствии весьма пригодился в разведывательной работе» (стр. 16,17).

Интересно, а как авторы других книг о секретных службах Израиля характеризуют этого незаурядного человека и его роль в обеспечении безопасности страны? Перелистываю «Историю разведывательных служб Израиля» Дена Равива и Йосси Меллана. И вдруг – словно удар током: «Отец Рувена, Ицхак Засланский, был раввином, который передал своим детям – двум сыновьям и двум дочерям – стремление к знаниям, выходящее за рамки традиционного... образования...

Учителя Рувена отмечали, что он был серьезным и талантливым студентом. Он обладал чувством юмора, хотя редко его выказывал, преуспевал в любительском театре, обнаружив талант, который впоследствии будет использовать в разведывательной работе» («История разведывательных служб Израиля», стр. 46).

Случайность? Посмотрим.

О программных заявлениях Рувена Шилоя: «Шилой называет разведку “наиболее важным политическим инструментом”. В этой сфере, где намерения редко провозглашаются открыто, Шилой так определил тайные цели израильской внешней политики и задачи дипломатии: “Арабы являются врагом номер один еврейской общины, и в арабскую среду надо внедрять профессиональных агентов. Израильская разведка не должна ограничиваться рамками Палестины. Она должна выполнять роль еврейско-сионистского гаранта безопасности евреев по всему миру.

Тайная деятельность должна основываться на современной технологии, использовать новейшие достижения в области шпионажа, поддерживая связи с дружественными службами США и европейских стран”». (Это – «История...», стр. 48,49.)

А это – «Моссад»: «Шилой называл разведку “наиболее важным политическим инструментом”. В этой сфере, где намерения редко провозглашаются открыто, Р. Шилой так определял тайные цели израильской внешней политики и задачи дипломатии: “Арабы являются врагом номер один еврейской общины, в арабскую среду надо внедрять профессиональных агентов” и т.д.» (стр. 22-23).

Заметим, в этом отрывке не только цитируются высказывания самого Рувена Шилоя, о которых, наверное, можно было узнать, поработав с архивными документами и другими источниками, но приводятся комментарии к ним, дословно «заимствованные» Ю. Чернером и И. Кунцем у Дена Равива и Йосси Мелмана.

О комитете «Вараш». «Стремясь осуществлять более предметное руководство сообществом, Шилой создал специальный координационный орган и стал его председателем. Он назывался комитетом руководителей служб (“Вараш” – сокращенное его название на иврите. – В.Б.). Впервые он собрался в апреле 1949 года после первой победы Израиля над арабами.

Когда комитет собрался в первый раз, Шилой назвал его просто “координационным комитетом”. На заседание был также приглашен начальник национальной полиции Ехезкель Сахар. Полицию не посвящали в важные секреты, но она была самой многочисленной спецслужбой Израиля» («История...», стр. 52).

А вот как деятельность комитета «Вараш» описывается в книге «Моссад. Первые полвека»:

«Этот “представительский” (курсив мой. – В.Б.), строго засекреченный и в то же время... важнейший стратегический орган был образован под председательством Рувена Шилоя и стал называться Комитетом руководителей служб.

Впервые комитет собрался в апреле 1949 года. После первой победы Израиля над арабами. Когда “Вараш” собрался в первый раз, Р. Шилой назвал его просто “координационным комитетом”. То, что на совет руководителей спецслужб был также приглашен начальник полиции Ехезкиль Сахар, не должен удивлять: она (полиция. – В.Б.) была и остается фактически самой многочисленной спецслужбой Израиля» («Моссад...», стр. 47-49).

Никто не посмеет усомниться в том, что авторами первого абзаца этого пассажа, в отличие от второго, являются именно Ю. Чернер и И. Кунц, ибо вряд ли кому-либо еще могла прийти в голову мысль назвать этот орган (комитет «Вараш») «представительским».

О «делах сердечных». Ден Равив и Йосси Мелман пишут: «Когда он (Рувен Шилой. – В.Б.) преподавал иврит новым иммигрантам из Америки, то стал ухаживать за активисткой социального обеспечения Бетти Борден из Нью-Йорка. В 1936 году они поженились» («История...», стр. 46).

И как зеркальное отражение – в книге Ю. Чернера и И. Кунца: «Когда он преподавал иврит новым иммигрантам из Америки, то стал ухаживать за активисткой социального обеспечения Бетти Барден из Нью-Йорка. В 1936 году они поженились» («Моссад...», стр. 19).

Не будем чрезмерно строги к господам Чернеру и Кунцу: для того, чтобы донести до читателя столь «сложную» информацию своими словами, необходимо обладать недюжинным литературным талантом. Да где же его взять?

Перечень «заимствований» можно было бы продолжить. Но, пожалуй, достаточно. Стоит лишь добавить, что желающие выяснить, откуда Ю. Чернер и И. Кунц почерпнули информацию, например о Шатиеле Бен-Лире, одном из самых успешных израильских разведчиков, работавшем в Египте с 1958-го по 1962-й год и благополучно вернувшемся на родину, или о Мордехе Вануну, пытавшемся в 1986 году продать британской газете «Санди таймс» ядерные секреты Израиля, могут пролистать соответственно стр. 175,176 и стр. 423-443 «Истории разведывательных служб Израиля».

Вот вам и свой взгляд, свой творческий почерк! Доверчивый читатель чувствует себя обманутым и, как говорится, униженным и оскорбленным.

Вернемся, однако, к вопросу о том, почему в книге Ю. Чернера и И. Кунца не нашли отражения трагические события последних лет. Тут все ясно. Как сказал В.С. Высоцкий – «а ответ ужасно прост, и ответ единственный»: потому что Ден Равив и Йосси Мелман еще не написали об этих событиях.

То были примеры творческого подхода к работе с «первоисточником». Но у авторов книги «Моссад. Первые полвека» имеются и собственные мысли (их, к счастью, немного), которыми они охотно делятся с нами в так называемых «неожиданных предисловиях», «небольших отступлениях» и «некоторых итогах». Одно из «отступлений» гласит: «...Весь исторический опыт, накопленный в мире, свидетельствует, что невозможно защитить страну во время войны, не подавив (курсив мой. – В.Б.) одновременно демократию, особенно на Ближнем Востоке...»

Такие, с позволения сказать, умозаключения будут приняты на ура господами Жириновским, Зюгановым и иже с ними, если паче чаяния им посчастливится изучить сей «труд».

Вполне возможно, именно эту публику имели в виду издатели, заявив в аннотации к книге, что она «предназначена прежде всего для “русскоязычного”, как теперь принято говорить, читателя». Любой же нормальный читатель независимо от того, на каком языке он говорит, прекрасно понимает, что подавление демократии хоть в военное, хоть в мирное время, означает установление в стране тоталитарного режима со всеми вытекающими последствиями.

Но самое интересное заключается в том, что фраза о подавлении демократии «извлечена», как ни странно, из все той же «Истории разведывательных служб Израиля». Только в отличие от Ю. Чернера и И. Кунца Ден Равив и Йосси Мелман вовсе не считают подавление демократии эффективным способом защиты страны. Они лишь отмечают, что в этом состояла особенность политики Британской империи в подмандатной Палестине.

Что касается народа Израиля, то после победоносного окончания войны за независимость ему предстояло решить уникальную по сложности задачу – построить демократическое государство, проводящее жесткую политику в сфере безопасности.

Точка зрения Дена Равива и Йосси Мелмана на новейшую историю Израиля явно не по душе Ю. Чернеру и И. Кунцу. Судя по всему последние считают тоталитаризм вполне приемлемой формой правления. Свое видение «преимуществ» тоталитаризма они пытаются приписать сотрудникам израильских секретных служб, утверждая: «...более чем сомнительными кажутся предположения об их демократических ориентирах. Разведчики всех уровней исповедовали веру в твердую государственность, если не в настоящий тоталитаризм...»

Ничтоже сумняшеся, по понятным причинам не называя имен Дена Равива и Йосси Мелмана, Ю. Чернер и И. Кунц вступают в полемику с авторами книги, не будь которой, сочинение наших доморожденных историков вряд ли появилось бы на свет.

Приведем еще одну цитату из Ю. Чернера и И. Кунца. «Некоторые авторы... утверждают, что руководители служб всегда оставались на позициях наблюдателей и никогда не принимали “полноценного участия в политическом процессе”». (Нет нужды пояснять, что «некоторые авторы» – это не кто иной, как Ден Равив и Йосси Мелман, а слова, взятые в кавычки, – выдержка из «Истории разведывательных служб Израиля», разумеется, без ссылки на оную.)

Между тем, английский принцип относительного невмешательства секретных служб в «большую политику» был действительно взят на вооружение израильским разведывательным сообществом. Не закрывая глаза на жестокость методов борьбы британских колонизаторов с еврейским подпольем в Палестине, Ден Равив и Йосси Мелман подчеркивают, что Англия – страна с богатейшими демократическими традициями – являлась для основателей государства Израиль своеобразным примером.

Обзывая анонимных оппонентов «апологетами “Моссада”» и другими неприличными словами, Ю. Чернер и И. Кунц восклицают: «Не следует забывать, что в военных условиях даже в самых демократичных странах проявлялись и усиливались элементы тоталитаризма. Даже опыт Великобритании пригоден только частично. И нельзя забывать, что “стаж” английской демократии насчитывает много веков, что из поколения в поколение там формировался народ, во многом уникальный до сих пор!» (Надо понимать, не в пример еврейскому народу, самому что ни на есть заурядному.)

В полемическом задоре господа Чернер и Кунц дописались до соображения, что «Израиль находится в постоянном балансе между тоталитаризмом и демократией», что «по-настоящему демократическим это государство сможет стать не скоро...»

Позволю себе вступить за Израиль, а вместе с ним и за безответных Дена Равива и Йосси Мелмана, и открою Ю. Чернеру и И. Кунцу один маленький секрет: Израиль – единственное подлинно демократическое государство на Ближнем Востоке. Более того, смею утверждать, что именно демократический строй является одним из важнейших факторов консолидации израильского общества в годину испытаний перед лицом внешней угрозы.

Ничего не могу сказать об уникальности английского народа, но книга «Моссад. Первые полвека» уникальна вне всякого сомнения. Приведенные выше цитаты, на мой взгляд, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, каким высоким слогом она написана. Тем не менее, на некоторые стилистические «находки» стоит обратить особое внимание.

Например: «Сравнительный анализ религий или хотя бы курс по истории религий в нашу задачу категорически не входит; прошу (как понимать единственное число? – В.Б.) только запомнить раз и до конца этого текста – речь не об исламе точно так же, как не о любой другой из мировых религий. Демон НМР “присосался” к ней не потому что она такая или не такая, а потому, что он демон, и речь идет об его происках... Демон НМР не по-человечески хитер и коварен».

Или: «В результате экспансия произошла фактически руками НАТО – фактическое членовредительство...»

И еще: «Есть определенная разница между фанатиком-террористом, который идет на смерть ради идеи..., и профессиональными сообществами, которые становятся на путь кровавых и жестоких преступлений, рискуя и жертвуя, но не сознательно и заведомо, а только в меру профессионального риска жизнями своих исполнителей».

Как говорят в народе, «по comments».

Книга, претендовавшая на роль серьезного исследования, при ближайшем рассмотрении оказалась делом рук бесстыдных шарлатанов, а ее издание – не что иное, как происки «демона НМР».

Блиц-опрос, проведенный на нескольких книжных развалах и в одном магазине, показал, что произведения Ю. Чернера и И. Кунца в продаже нет. Неужто расхватали?!

Тем, кому еще не повезло с покупкой, осмелюсь дать совет: не торопитесь, обратитесь лучше к «первоисточнику» – к выпущенной издательством «Международные отношения» в 2000 году книге израильских журналистов Дена Равива и Йосси Мелмана «История разведывательных служб Израиля».

Ī ĀDĀĪ ÈDÈĀ

Āādī ādā Ī àèàì cā

Еще мальчишкой Моррису Либерману выпало увидеть, как дюжий русский крестьянин ухватил тележное колесо, прислоненное к кузнице, раскрутил и метнул в спасавшегося бегством еврея-могильщика. Колесо угодило еврею в спину, перебило позвоночник. Онемев от ужаса, могильщик так и лежал, где упал, – ждал смерти, а рядом горел его дом.

Тридцать лет спустя Морриса, вдового владельца небольшого магазинчика, одновременно бакалеи и кулинарии, в районе Бруклина, населенном преимущественно выходцами из Скандинавии, при воспоминании о погроме корчило от ужаса, как и в пятнадцать лет. С тех пор как нацисты пришли к власти, его часто охватывал такой же страх.

По радио передавали про нацистские издевательства над евреями, от этих сообщений Моррис содрогался, но не слушать радио не мог. Его сын Леонард – ему шел пятнадцатый год – худой, прилежный мальчик, видел, что отец на пределе сил, и порывался выключить радио, но бакалейщик не разрешал. Весь день слушал, а ночью не спал: слушая, он приобщался к бедствиям своего народа.

Когда началась война, Моррис уповал, на то, что евреев спасет французская армия, – он в нее верил. Он практически не отходил от радио, слушал сводки и молился о победе французов. Войну против нацистов он называл «праведной войной».

В мае 1940-го немцы прорвали оборону у Седана, и тревога, с каждым днем снедавшая Морриса все сильней, стала и вовсе невыносимой. Когда в лавке не было покупателей или когда он готовил салаты на кухне позади лавки, он включал радио и с отчаянием слушал сводки. Они следовали одна за другой, но, похоже, ни в одной не было ничего хорошего, и он все сильнее впадал в уныние. Бельгийцы сдались. Англичане отступили у Дюнкерка*, и в середине июня нацисты на грузовиках мчались во весь опор к Парижу, мимо полей, где огромные стада поверженных французов переводили дух.

День за днем, по мере того как разворачивались военные действия, Моррис, примостившись на краешке койки в кухне, слушал – горести его множились, и он качал головой, как евреи, оплакивающие покойника, потом взбадривал себя надеждой на чудо, чудо, которое, как и евреев в пустыне*, спасет французов. В три он выключал радио: к этому часу Леонард возвращался из школы. Мальчик видел, как изводит отца война, умолял его не слушать все новости подряд, и Моррис старался успокоить сына, делал вид, что война его больше не интересует. После школы Леонард вставал за прилавок, отец отсыпался на койке в кухне. Дневной сон, пусть кошмарный, саднящий душу, все же давал силы вынести и долгий день, и горькие мысли.

Торговые агенты оптовых бакалейных фирм и шоферы, с которыми Моррис вел дела, видя, как он страдает, поражались. Они втолковывали ему, что эта война не касается Америки и зря он принимает ее так близко к сердцу. А были и такие, которые, выйдя из магазинчика, потешались над ним. Один из таких, Гас Вагнер, – он поставлял колбасы и прочую мясную гастрономию, – без опаски смеялся над ним прямо в глаза.

Гас был кряжистый, с крупной массивной головой, толстомысыми щеками. Хоть он и родился в Америке и служил в Американском экспедиционном корпусе** в 1918 году, победы нацистов распалили его воображение: он верил, что им, при их силе и мощи, ничего не стоит завоевать весь мир. Он завел альбом для вырезок, клеивал туда статьи о немецких победах, фотографии. На него произвели глубокое впечатление рассказы о панцирных дивизиях***, а отчеты о боях, где им удалось прорвать оборону противника, грели его душу. В открытую он о своих чувствах не говорил: дело прежде всего. И пока что поднимал бакалейщика на смех: с чего бы ему так болеть за французов.

Что ни день Гас с корзиной ливерных и копченых колбас на руке входил в магазин и брякал корзину на кухонный стол. Бакалейщик, как обычно, сидел на койке, слушал радио.

– Моррис, привет, – Гас всякий раз прикидывался, что удивляется Моррису. – Ну, что там говорят по радио?

Плюхался на стул, похохатывал. Когда дела у немцев шли особо хорошо, Гас и вовсе переставал прикидываться и говорил без обиняков:

– Тебе бы, Моррис, пора свыкнуться. Немцы французов раздавят.

Моррису было тяжело слушать Гаса, но он отмалчивался. Не препятствовал мяснику вести такие разговоры, потому что знал его уже девять лет. Было время, когда они чуть не подружились. Четыре года назад, после смерти Моррисовой жены, Гас задерживался в магазине дольше обычного и выпивал за компанию с Моррисом по чашечке кофе. Случалось ему и дыру в дверной сетке заделать, а то и очистить контакты у электрорезки.

Развел их Леонард. Мальчик невзлюбил мясника, сторонился его. Смех Гаса был ему противен, он говорил, что тот квохчет, и запрещал отцу приводить Гаса на кухню, когда пил там после школы молоко с печеньем.

Гас знал, как мальчик относится к нему, его это задевало. Сердился он и оттого, что Леонард подытоживал его счета и находил в них ошибки. Гас вел бухгалтерию небрежно, из-за этого случались неприятные разговоры. Как-то Моррис упомянул, что Леонард получил приз – пять долларов – за успехи в математике, и Гас сказал:

– Смотри, Моррис. Парень – кожа да кости. Переучится, наживет чахотку.

но улица была все та же, у него просто в голове не укладывалось, как такое возможно. Леонард спустился позавтракать кофе с булочкой. Взял из кассы пятьдесят центов и ушел в школу.

Погода стояла теплая, Морриса одолела усталость. При мысли о Гасе ему становилось не по себе. Он знал, что сегодня, если Гас возьмется за свое, он едва ли сдержится. В три часа, когда Моррис резал картошку для картофельного салата, Гас вошел в магазин и с размаху опустил корзину на стол.

– Моррис, чего б тебе не включить радио? Новости послушать.

Моррис попытался сдержаться, но обида взяла верх.

– Что-то у тебя сегодня уж очень довольный вид, Гас. Чьему несчастью радуешься?

Мясник засмеялся, но слова Морриса его задели.

– Что ж, Моррис, – сказал он, – давай-ка подольем счета, пока твой заморыш не вернулся домой, а то он потребует, чтобы мой счет заверил дипломированный бухгалтер – не меньше.

– Мальчик смотрит за моими интересами, – ответил Моррис. – Леонард хорошо успевает по математике, – добавил он.

– Слышали, слышали – шестой раз слышим, – сказал Гас.

– О твоих детях тебе такого не услышать.

Гас вспылал.

– Какого черта, больно много вы, евреи, о себе понимаете, – сказал он. – Вы что, думаете, вы одни такие умные?

– Гас, ты говоришь, как нацист, – Моррис вышел из себя.

– Я американец на все сто процентов. Я воевал, – парировал Гас.

Леонард вошел в магазин – услышал крики. Ворвался в кухню и увидел, что отец с Гасом бранятся. Стыд, отвращение захлестнули его.

– Пап, – попросил он. – Не связывайся с ним.

У Морриса все еще клокотал гнев.

– Если ты не нацист, – сказал он Гасу, – отчего ты радуешься, что французов побили?

– Это кто радуется? – спросил Гас. И тут неожиданно ощутил прилив гордости. – А французам так и надо, – сказал он, – нечего было морить немцев голодом. А тебе черта ли в их победе?

– Пап, – снова сказал Леонард.

– Я желаю французам победы, потому что они защищают демократию.

– Не заливай, – сказал Гас. – Ты желаешь им победы, потому что они защищают евреев – таких, как этот паршивец Леон Блум*.

– Да ты нацист – вот ты кто, – Моррис разъярился, выскочил из-за стола. –

Нацист – вот ты кто. Тебе не место в Америке.

– Папа, – Леонард вцепился в отца, – не связывайся ты с ним, ну пожалуйста.

– А ты, пашенок, не лезь не в свое дело, – Гас оттолкнул Леонарда.

У Леонарда вырвалось рыдание. Из его глаз хлынули слезы.

Гас замолчал: понял, что зашел слишком далеко.

Моррис Либерман побелел. Он привлек сына к себе, осыпал его поцелуями.

– Нет, нет. Все, все, Леонард. Не плачь. Прости меня. Даю тебе слово. Все, все.

Гас молча смотрел на них. Он еще был багровым от злости, но при том потерять такого клиента, как Моррис, никак не хотел. Он вынул из корзины две ливерных и одну копченую колбасы.

– Товар на столе, – сказал он. – Расплатишься завтра.

Презрительно посмотрел, как бакалейщик утешает сына, – тот уже успокоился, – и вышел из магазина. Забросил корзину в грузовик, влез в кабину и отъехал.

Катя в потоке машин, он вспоминал, как мальчик плакал, а отец обнимал его. У этих евреев всегда одно и то же.

Льют слезы и обнимаются. Чего

их жалеть?

Гас приосанился, насупил брови. Вспомнил про перемирие и представил, что он в Париже. И ведет не грузовик, а танк, его мощный танк, один из многих танков, грохочет по широким бульварам. А на тротуарах перепуганные насмерть французы жмутся друг к другу.

Он вел машину собранно, глаза его не улыбались. Знал: если расслабиться, картина исчезнет.

1940

Гадаря Ё.

Мендл Турок

№ АІ-ііііі

I

Лето и осень 1877 года, время самого разгара русско-турецкой войны, мне привелось прожить в В., одном из захолустных белорусских городов. Занимался я уроками и жил совершенно уединенно.

Однажды, вернувшись в полдень с урока домой, я остановился озадаченный у дверей моей комнаты. Какой-то молодой человек, без сюртука, в ермолке, всунувшись наполовину со двора через окно ко мне в комнату, лежал, облокотившись на стол, и внимательно читал мою газету. Не успел я еще сообразить, в чем дело, как мой неожиданный «гость» встрепенулся и тревожно поднял голову. Увидев меня, он вздрогнул, мигом выскочил из окна – и остался на одном месте, сильно смутившись и покраснев.

– Ах!.. и-извините! – забормотал он по-еврейски с виноватой неловкой улыбкой. – Сто раз прошу вас – извините!.. Я здесь у вас, Б-же сохрани, ничего не трогал... Прошел мимо, заметил газету, «схватил» издали «слово»... я и подошел... Окно было открыто...

Я поспешил его успокоить и предложил ему газету.

– Спасибо! Большое спасибо! – поблагодарил он меня с чувством, все еще не оправившись от смущения. – Тут, понимаете ли, «кусок» один заинтересовал меня... Глу-убокий кусок!.. Только горькое чтение! С большим трудом разбираю по-русски, – прибавил он с огорчением.

– О чем, собственно, читали вы? – полюбопытствовал я.

– О чем читал я? Известно о чем! О чем теперь можно читать в газете? О чем теперь пишут в газете? О политике, конечно...

– Вы интересуетесь политикой?

Он как-то быстро и пытливо взглянул на меня и опустил глаза.

– Хей! – произнес он неопределенно и сдержанно. Но через минуту, однако, заговорил:

– Политика... Кто теперь не интересуется политикой? В обыкновенное время, я понимаю, политика не стоит понюшки табаку, но теперь... Б-же мой! Теперь, кажется, и рыба в воде интересуется политикой.

Мой случайный собеседник начал интересоваться меня, и я пригласил его зайти в комнату.

– Зашел бы с бо-ольшим удовольствием, но теперь не время, – ответил он. – Пора в хедер: дети сейчас придут с обеда...

Теперь я, наконец, догадался, кто такой мой собеседник. На дворе, куда выходило окно моей комнаты, в покосившемся домике помещался хедер, откуда с утра до ночи разносился по всему двору гвалт детских голосов. Только привычное еврейское ухо могло в этом сплошном крике различать еврейские слова Талмуда с их переводом на еврейско-немецкий жаргон. Из окна я иногда видел спящих по двору испуганными мышками худых и жалких ребятишек, но самого меламеда мне ни разу не случилось встретить. Почему-то я представлял его себе звероподобным стариком. А на самом деле он оказался молодым человеком 27 – 28 лет, высоким и худым, с тонкими чертами и маленькой острой бородкой. Большие черные вдумчивые глаза и редкие морщины на лбу придавали лицу выражение особенной серьезности. Бархатная ермолка и тонкие, свитые спиралью пейсы, спускавшиеся ушей, представляли собою как бы рамку для этого лица.

Помолчав с минуту, он заговорил несколько нерешительно:

– Вот вечером, если вы не заняты, если б к вам можно было... с бо-ольшим удовольствием зашел бы к вам! Могу вам признаться: мне уж давно хотелось поговорить с таким человеком, как вы... Скажите: вы каждый день, ка-аждый день читаете «лист»? – закончил он неожиданным вопросом.

Я ответил утвердительно.

Мой собеседник устремил на меня долгий пристальный взгляд, в котором выражались и зависть, и огорченье.

– Вот это я понимаю! – произнес он со вздохом. – Это я понимаю, это – чтение. Такое чтение имеет почву, имеет значение!..

– А вы как же читаете? – полюбопытствовал я.

Он презрительно пожал плечами.

– Читаю! Тоже чтение! Ловлю с ветра, а не читаю!.. Раз в две недели удается с трудом достать лист «А-левонен». Ну, а кроме этого – ловишь с ветра... Тут слово услышишь, там слово схватишь, на базаре «телеграмму» прочтешь... Но вы ведь понимаете, что все это не то, без фундамента!

Он как-то безнадежно махнул рукой, и на лице его выразилось искреннее огорчение.

Я, конечно, пригласил его зайти вечером.

II

Часов в 9 вечера, по-видимому прямо из хедера, явился ко мне мой сосед. Теперь на нем был длинный черный сюртук и бархатный картуз.

– Добрый вечер! – приветствовал он меня солидно, не снимая картуза и не подавая руки, и остановился посреди комнаты.

Я пригласил его сесть. Он не спеша сел и с большим интересом стал оглядывать мою комнату, обстановка которой, очевидно, казалась ему любопытной. Особенно привлекли его внимание две полки с книгами, с которых он не спускал недоумевающего взгляда.

– Неужели все это – русские книги? – не удержался он, наконец, от вопроса.

– Русские...

Он перевел на меня свой недоумевающий взгляд и спросил несколько неуверенно:

– Что же в них?.. О чем?.. Все «законы»? «Грамматики»?..

Я слишком знал хорошо среду, к которой принадлежал мой собеседник, чтобы удивиться его вопросу. Я принялся объяснять ему, что кроме «законов» и «грамматики» на русском языке имеются книги и научные, и философские...

– Философские, говорите вы? Даже – философские? – перебил он меня с большим удивлением и, скользнув по полке более почтительным взглядом, еще раз осмотрелся кругом.

– Да-а, – произнес он после минутного молчания, как бы размышляя вслух. – По-видимому, хозяин этой комнаты тоже занимается больше вопросами «рухниес», чем «гашмиес»*. Только... как бы это сказать, путь кривой... ложный...

– Почему кривой и ложный?

Собеседник мой приподнял брови, усмехнулся и пожал плечами. Надо ли, мол, объяснять такую ясную и всем очевидную вещь? Спросите любого мальчишку, и он вам тоже скажет, что я, учитель русского языка, бритый, потерявший еврейский облик, стою на ложном пути. Однако я продолжал настаивать.

– Неужели вы считаете, что помимо Священного Писания и Талмуда – все ложь?

– Я считаю?.. Я ничего не «считаю!» – встрепенулся мой гость. – Я не читал русских книг, как же могу я говорить о них? Но я вас вот о чем спрошу: если вы имеете жажду и перед вами источник живой и чистой воды, – пойдете вы искать лужу? Вся мудрость, которая была, есть и будет – находится в Талмуде. Это ясно как день... Ну! вы говорите: «философские книги». Сто раз – философские. Если в них есть какая-нибудь глубокая мысль, она, конечно, взята из Талмуда...

– Вот видите, в политике – это уже совсем другое дело, – продолжал он через минуту. – Политика стоит особняком. Там особая мудрость, особый «ход». Вот, например, Бисмарк. Он меня удивляет! Он меня поражает! Это – голова! Это – страшная голова!.. Правда, Бикснфелд тоже голова, гениальная голова. Но ведь Бикснфелд на то и еврей, и талмудическая голова. Но Бисмарк?..

Он замолчал и с минуту сидел неподвижно, устремив задумчивый внимательный взгляд на стоявший перед ним стакан чаю, которого он, по-видимому, совершенно не замечал.

– Видите ли, – заговорил он опять, отодвинув почему-то стакан, как бы очищая себе место. – Мне хотелось бы поговорить с вами о войне, но поговорить как следует...

Он как-то плотнее уселся, облокотился обеими руками на стол и продолжал уже медленнее и спокойнее:

– Каждая вещь в мире имеет свою главную суть, свою высшую точку, свой корень, свой центр. Чтобы смотреть на вещи открытыми глазами, надо уловить эту суть. Понятно, что и война тоже имеет свою точку, вокруг которой все вертится. Так вот, скажите вы мне – и я вас ясной головой выслушаю: где она, эта точка?..

Он замолчал, устремив на меня пылкий взгляд. Но едва только я вознамерился заговорить, как он встрепенулся и выставил ко мне обе руки ладонями, как бы заграждая путь моим словам:

– Постойте! Подождите немного! – воскликнул он. – Я сказал: «точка». Но ведь надо разобраться как следует, что «точка», где «точка»? «Точка» – что значит в настоящей войне? Она значит: причина, почему война ведется. А почему она ведется? О! Тут мы подошли к вопросу! Возьмите «лист», какой угодно «лист» берите и читайте. Что вы там прочтете! Вы там прочтете одно слово: «славяне». «Русс» ведет войну, чтобы освободить своих братьев славян. Короче – Мессия. Хорошо! Прекрасно! Что лучше!.. Но вот приходят «шкоцым»* и говорят: «“Руссу” такое же дело до славян, как мне до моего старого веника. Просто: “Русс” воюет, чтобы отнять у “Турка” его оба моря – Босфор и Дарданелл...» Думаете вы, это все? Не-ет! Приходят еще третьи и говорят: «Ни “Русс”, ни “Турок” не знают, на каком они свете. Англия их обоих водит за нос. Она и натравила их друг на дружку, чтоб оба остались без сил и чтоб ей потом легче было грабить, что ей вздумается»... Ну, так я вас спрашиваю: кому же тут верить?.. Конечно, у каждого своя голова на плечах, но все же для того, чтобы правильно судить, надо иметь перед собою открытый мир... Вот тут и начинается моя просьба к вам.

– В чем же дело?

– Очень просто: расскажите мне всю теперешнюю политику, с самого начала...

«С самого начала»... Это было не так просто, как казалось моему гостю, который, как я убедился при первых двух словах, не знал даже таких элементарных фактов, что Россия и раньше когда-то воевала с Турцией. Пришлось начать именно «с самого начала».

Сосед слушал меня с напряженным вниманием. Он сидел, потупившись, и только время от времени поднимал на меня свой серьезный, почти суровый взгляд.

Когда я кончил, он несколько минут сидел молча, задумавшись.

– Должен вам признаться – глаза вы мне открыли! – проговорил он негромко, с выражением спокойного восторга. – Глаза вы мне открыли! Теперь я вижу открытый мир, вижу начало, имею перед собою открытый «ход». У меня уже теперь являются новые, со-овершенно новые мысли, соображения.

Он как-то сразу успокоился, взял кусок сахара, обмакнул его в чай, прочел молитву, откусил сахару и принялся пить свой холодный чай. Допив его, он опять облокотился и заговорил несколько нерешительно.

– Извините меня, как я понял из ваших слов, вы сами... держите сторону «Русса»... то есть вы тоже считаете, что главная причина войны – славяне. Признаюсь вам, у меня это совсем не укладывается в мыслях. Мне это прямо кажется диким...

– Но оставим это!.. – продолжал он поспешно, видя, что я намереваюсь его перебить. – Оставим это, пойдем дальше. Как я понял, вы еще считаете, что положение «Русса» теперь очень хорошее. Вот против этого я восстаю! Восстаю «вширь и вдоль». Скажу вам откровенно: по-моему-то, «Русс» уже проиграл! – закончил он энергично.

– На каком основании говорите вы это? – удивился я.

Он поднялся, застегнулся и заговорил как-то решительно:

– Что мне сказать вам? Ход войны вам в десять раз лучше знаком, чем мне. Но – считайте меня нахалом, считайте меня дураком, – а я уверен, что победа останется за «Турком». Для меня это ясно как день. И подождите: еще неделя, еще месяц – и вы сами убедитесь в этом...

– Сомневаюсь...

– Сомневаетесь?.. Ну, я вам вот что скажу, – заговорил он с улыбкой. – Дай Б-г, чтоб вы так же скоро убедились, что надо три раза в день Б-гу молиться, как скоро вы убедитесь в победе «Турка».

И, как бы боясь возражений, он поспешно попрощался со мною и ушел.

III

На следующий день,

утром, когда я сидел за чаем, ко мне в комнату вошел мой квартирный хозяин, высокий худой сгорбленный старик лет семидесяти, один из тех несчастных мужей, которые весь свой век проживают паразитами за спиной и в то же время – под башмаком жены, главной работницы. Недалекий, робкий, забитый – он совершенно не чувствовал себя хозяином в доме, где полновластно и деспотично царила его жена, третья по счету, еще не старая женщина. Она весь день проводила в лавке, оставляя дома все под замком, не столько, впрочем, от мужа, сколько от служанки (детей у них не было). Уходя в лавку раньше, чем старик возвращался из синагоги, она часто забывала оставлять ему сахару к чаю. Часто забывала она давать ему обычные две копейки в неделю на нюхательный табак, без которого он, по его выражению, «ходил, как зарезанный гусь». Вообще, она мало церемонилась с ним, часто забывала о его существовании, и только по праздникам, когда он отправлял религиозные обряды, она обращалась с ним лучше, даже с оттенком уважения.

Целый день старик слонялся по дому без дела. Часто он уходил «сидеть» в синагогу. Меня он первое время избегал, встречая меня всегда испуганным взглядом. Однако понемногу он привык ко мне и даже начал захаживать в мою комнату. Визиты его обыкновенно вызывались корыстными мотивами. То ему надо было сделать у меня заем в 2 копейки на табак, то он, при помощи самой тонкой политики, выпытывал у меня: заплатил ли я за квартиру, – вопрос, Б-г ведь почему его интересовавший, так как от финансовой части хозяйства он был совершенно отстранен. Чаще же всего заходил он ко мне выпить стакан чаю, но и в этом случае он считал более приличным делать вид, что он случайно зашел.

– Куда это могла деться кружка? – забормотал он про себя, обводя комнату озабоченным взглядом, и остановился глазами на самоваре.

Я хорошо знал, что кружка на своем месте, в кухне, но счел более благоразумным пожать плечами и, после минутного молчания, спросить:

– Не выпьете ли, реб Бер, стакан чаю со мною?

– А?.. Что?.. – встрепенулся старик, быстро обернувшись ко мне и делая вид, что не расслышал моих слов.

Я повторил приглашение.

– Чаю? Нет! Спасибо! Не хочется! Только что пил! – ответил он решительно.

Это входило в программу, и мне предстояло начать упрашивать старика. Но я избрал более радикальный путь.

– Вас, реб Бер, никогда не допросишься выпить чаю! – заговорил я обиженно. – Точно у меня чай «трефной»*. Да ведь он в вашей же посуде!.. Право, реб Бер, вы можете иногда ни за что ни про что обидеть человека!..

– Что вы говорите! Б-г с вами! – воскликнул старик почти в ужасе. – «Трэйф»?! Кто говорит: «трэйф»?! Что вы-ы можете сказать! Я просто не хотел чаю!.. Но!.. Но если вам так уж хочется – налейте! Налейте, я выпью! Но что вам может впасть в голову: «трэйф»!..

Все обошлось благополучно, и старик уселся за чаем.

– Скажите, реб Бер, что за человек этот меламед, который учит в хедере, во дворе? – спросил я старика.

– Кто? Мендл Терк?.. – спросил он со старческой торопливостью, оторвавшись от блюдечка и устремляя на меня удивленный взгляд. – Что значит: что за человек? Человек!.. Молодой человек! Набожный молодой человек. Ламдн, большой ламдн. Можно даже сказать: муфлег. Если хотите – даже гоэн**...

– Вы назвали его «Терк». Разве это его фамилия?

– Где, фармилье – хэй! – усмехнулся старик. – Вот, просто, ничего... В синагоге его прозвали «турком», так и я, – хэй, знаю я! – так и я, дурак, за всеми так зову его...

– Почему же прозвали его «турком»? – продолжал я спрашивать.

– «Почему прозвали его турком!» Вопрос! Прозвали, ну!.. Вы ведь знаете, что теперь война. Вы ведь «лист» читаете. Ну, когда Мендл стоит за Терка, его и прозвали «терком». Если б он стоял за «Русса» – его бы прозвали «руссом».

Старик почему-то взглянул на меня с видом победителя и принялся за свой чай. Когда я налил ему второй стакан, он слегка отстранил его рукой и заговорил спокойно:

– Вы говорите: «Мендл!» Что? Где? – весь город, весь город ходуном ходит. О чем теперь говорят?.. «Говорят»... я хорошо сказал: «говорят». Не говорят, а дерутся, воюют. И о чем только? О политике!..

– Где же это воюют и дерутся?

Старик вскинул на меня удивленный взгляд.

– Как где? – воскликнул он. – В синагоге, конечно. Где же еще... А! Если б вы видели, что там творится! Все! Говорю вам – все, и стар и млад, только и делают, что воюют. Когда сходятся «Руссы» и «Турки», начинается прямо война, война Гога и Магога!..

Старик так горячо говорил это, что мне вдруг захотелось узнать его собственные «политические воззрения», и я прямо спросил его:

– Ну, а вы сами, реб Бер, вы-то кто: «Русс» или «Турок»?

Старик даже встрепенулся.

– Я? Хе-хе! Еще что скажете!.. Недоставало еще, чтобы я этим занимался! Дурака к счету не достаёт, что ли?.. Хей! Когда говорят – я слушаю, ухо приставляю. В одно ухо вошло, в другое вышло...

– Ну, ну, реб Бер, не отделяйтесь словами, – продолжал я настаивать, видя, что старику сильно хочется высказаться.

Он вдруг сделался серьезным, даже слишком серьезным и, нагнувшись ко мне, заговорил негромко и полутаинственно:

– «Ишмоэл пере одом»*, но... все-таки лучше Эйсева. Слушайте меня!.. И если «Ишмоэл» победит, – продолжал он еще таинственнее, как бы сообщая мне важную государственную тайну, – то кто знает! Может быть, тогда и придет Мессия! Да!

– Что вы! Б-г с вами! Какое отношение имеет победа турка к приходу Мессии? – не удержался я от восклицания.

– Хей, ну, без вопросов! Без разговоров! – воскликнул старик поспешно и волнуясь. – Евреи говорят! Говорят... знают... не из пальца берут... Люди говорят, не мы с вами!..

И он забормотал уже нечто совершенно бессвязное. Я его не останавливал. Через минуту он успокоился и принялся за свой чай.

– А ваш «Терк» был у меня вчера, весь вечер просидел, – сообщил я старику.

Старик поставил на стол недопитое блюдечко.

– У вас?.. – произнес он с удивлением, как бы спрашивая, что общего может быть между Мендлом и мною. Но вдруг он схватился, как бы осененный гениальной мыслью:

– А-а! Та-та-та! Понимаю! – заговорил он полутаинственно, размахивая длинным сухим пальцем. – Знаете, что я вам скажу? Это он приходил не к вам, а к «листу», что вы читаете! Да! Да! Да! Верьте мне, уж я его знаю!.. Ах! – воскликнул он вдруг с восторгом. – И что это за хват! И как он все пронюхивает! Мендл-Терк – одним словом!

– Он за этим и приходил, – подтвердил я догадку старика.

– Видите! – воскликнул он с торжеством. – Видите, что я не совсем дурак! Ну – как же! Зачем Мендл придет к вам? Узнать, что в «листе»... И, как видно, он всю свою политику вот так, крошками, и набирает. Хе-хе, как курица: наклюет, наклюет себе большой зоб – и снесет яйцо! – закончил он неожиданным эмбриологическим открытием.

– И знаете, что я вам еще скажу, – заговорил он опять уже таинственным полушепотом. – Боюсь вымолвить, но... мне кажется, что с тех пор, как он начал «кипятиться в политике», он перестал по ночам так усердно заниматься Талмудом, как раньше. Ведь бывало – по целым ночам простаивал он в синагоге и звенел, как колокол, либо было слушать. А теперь – слушайте меня! – теперь он меньше, и го-ораздо меньше, сидит за Талмудом! Да! Да! Да! – закончил старик горячо, почти с угрозой, слегка толкнув меня рукой, как бы заявляя, что он не согласен принимать никаких возражений.

Так как возражать я не собирался и вообще оставался довольно спокойным, то и реб Бер скоро успокоился. Пожевав старчески губы, он глубоко вздохнул и принялся за третий стакан чаю. Кончив его, он поднялся.

– Ну, большое вам спасибо за чай!..

Вдруг по лицу его разлилась широкая улыбка, и он заговорил с чисто детской наивностью, мигая беспомощно глазами:

– Хе-хе-хе, скажу вам истинную правду. Я таки очень хотел чаю. Хася ушла и забыла оставить мне сахару...

IV

Я решил пойти в ближайшую субботу в синагогу, послушать дебаты «руссов» и «турок», посмотреть «войну Гога и Магога» в стенах молитвенного дома. Но идти в синагогу к утренней молитве я, признаюсь, не решался: я знал, что сделаюсь объектом самого назойливого наблюдения. Шутка ли: учитель, да еще бритый и никогда не посещавший синагоги, и вдруг явился. Конечно, это неспроста! Может быть – «баал-тшува»*. Такие случаи, слава Б-гу, бывали!.. Но если я «баал-тшува», тогда я получаю уже особенный интерес, тогда уже недостаточно смотреть на меня прямо – тогда любопытно посмотреть на меня сбоку, заглянуть мне в лицо снизу вверх, мимоходом посмотреть, нет ли при мне часов, а кстати, и какая у меня цепочка, – и, наконец, тотчас, тут же громким шепотом поделиться своими наблюдениями с соседом, указывая на меня пальцем. Все это делается очень наивно и незлобиво, но быть в течение нескольких часов объектом подобного любопытства не особенно приятно. Пошел я поэтому в синагогу не к утренней, а к вечерней молитве, надеясь в сумерках остаться незамеченным. К тому же, вечернее время между молитвами «Минха» и «Маарив», обещало и больше дебатов.

Синагога помещалась в большом, довольно высоком доме в одну комнату. Посредине, под медной люстрой в несколько десятков свечей, стоял большой, несколько покатый стол, покрытый синей скатертью. У восточной стены стоял завешанный кивот со Свитками Завета, возле него – амвон. У противоположной стены – шкаф с книгами. Вдоль стен тянулись лакированные скамьи со спинками. У дверей стояли ведро воды, таз, кружки и висело мокрое грязное полотенце. Приходящие торопливо обливали водой концы пальцев, несколько не заботясь о том, стечет ли вода в таз или на пол. Благодаря этому вокруг таза на полу стояла большая, очевидно никогда не просыхающая, лужа.

Когда я пришел, шла молитва «Минха» и читалось «Шмонэ-эсрэ». Незамеченный никем, уселся я за шкафом с книгами.

Спускались сумерки. В синагоге стоял туманный полумрак, скрадывавший очертания предметов, придавая им некоторую фантастичность. Общий шепот молитвы походил на таинственное журчанье ручья... И вот под эти-то неясные, неуловимые звуки, в моей памяти сразу воскресли старые, давно забытые картины далекого детства.

Вспомнилась мне маленькая синагога, которую я посещал в детстве, вспомнилось и «бейн Минхал'Маарив».

...Минха окончена. Часть прихожан торопливо уходит домой покончить с обязательной третьей трапезой и поскорей вернуться в синагогу. Другие остаются. В мечтательной задумчивости, спокойные и довольные, расхаживают они медленно взад и вперед по синагоге, заложив назад руки и мурлыча про себя какой-нибудь напев. Не выходя из задумчивости, усаживаются они поодиночке на скамьях где попало. Понемногу завязывается разговор, разговор мечтательный и спокойный, как и эти сумерки: кто-либо рассказывает полубыль, полусказку, похождения какого-нибудь цадика, чудеса известного Баал-Шем-Това, другой повествует о реальном событии, которому пылкое воображение, однако, придает фантастическую окраску. И все слушают с напряженным вниманием. Но вот рассказчик кончил, в синагоге воцаряется глубокое молчание, которого никому не хочется прервать...

Мечтает народ. Все настроены как-то мягко, возвышенно. Кабак, лавка, дела и делишки – все это ушло теперь куда-то далеко-далеко. В разных углах негромко и отрывочно раздаются национальный мотив: «Бим-бам-бам», в котором каждый по-своему облекает свою мечту... Но вот кто-то догадывается обратиться к Бореху или Зореху, известному в синагоге певцу, с просьбой, почти с нежной мольбой:

– Зорех! «Скажи» что-нибудь!

Зорех не заставляет себя упрашивать. Оставаясь на своем месте, он начинает петь, сперва тихо, затем все громче и громче какой-нибудь «кусок» из молитвы Нового года или Судного Дня. Один за другим начинают подтягивать и другие, пение становится общим. И долго, долго под высокими, потонувшими во мраке сводами синагоги раздаются то неясные, то торжественные, то бесконечно заунывные звуки «Мелех Эльйон», «Ато ниглейсо», «Унсано-тойкеф» и т. д.

Сумерки уже совершенно сгустились, в синагоге темно. На небе уже появились «три звезды», можно молиться «Маарив». А пение продолжается. Зачем торопиться? Почему не украсть у прозаических буден еще часика? Почему не пожалеть и бедных грешников, которым после «Маарива» предстоит вернуться в ад?..

Приволье в эти часы и детям, измученным за неделю каторжным хедером. Сумерки и обстановка настраивают и их как-то особенно. Одни, присмирившие, ютятся возле взрослых. Другие составляют свои кружки, ведут шепотом оживленную беседу, рассуждают по-своему обо всем, что слышали от взрослых. Третьи, пользуясь сумерками и общим настроением, играют в прятки, шалят, пускают «бомбой» (скрученным полотенцем) в службу синагоги или в кого попало. Теперь эта шалость сходит безнаказанной. «Дети... пусть себе пошалют»... думает про себя разнежившийся прихожанин, чувствуя потребность излить на кого-нибудь свое благодушие. Изловит он вдруг какого-нибудь особенно расшалившегося мальчика, привлечет его к себе, поставит между колен и, не посмотрев даже, кто его пленник, не переставая подтягивать певцу, начнет гладить ребенка по головке. Притихнет, замрет вдруг ребенок под неожиданную ласку чужого человека с радостно бьющимся сердцем, с улыбкой неги и счастья на лице. Притихнет детская душа в какой-то истоме, как бы к чему-то прислушиваясь, что-то ловя. А чужая рука все медленнее, все нежнее гладит по головке ребенка...

Незабвенные часы, незабвенные ласки!.. Теперь, увы! – все это изменилось. Бурный шквал военного времени долетел и до этой далекой гавани и нарушил ее покой.

Минха окончена. Едва был произнесен последний «аминь», как поднялся общий оживленный говор и образовалось несколько кружков. Молитвенное настроение сразу исчезло. Со всех сторон ракетами посыпались военные термины, названия крепостей, имена русских и турецких полководцев и т. п. Говорили все сразу. Но вот раздалась восклицания: «Ша! Тише!» – и шум стал понемногу затихать. В центре синагоги образовался один большой кружок. Говорили только 2 – 3 человека. Остальные жадно слушали.

Невысокий, коренастый еврей с толстым мясистым носом, подстриженными усами, испачканными нюхательным табаком, и маленькими глазками говорил не громко, но очень спокойно и самоуверенно, размахивая рукой, в которой держал понюшку.

– Ну-у! Ну! Ну чего вы разошлись? Ну, не взяли Плевны! Ну, и что же? Как вообще война? Разве всегда идет удача за удачей, победа за победой? Рассуждают, как дети! Если не взяли сразу Плевны, так уж все пропало. Да ведь, в конце концов, возьмут ее. Что вы тогда скажете?..

– Ты, Михозл, говоришь, что «Русс» в конце концов возьмет Плевну? – заговорил с раздражением высокий еврей с толстой красной шеей и рыжей бородой. – Что же, ты ручательство даешь, что возьмут?.. Дурак! А чем возьмут? Ты забыл, что «Русс» уже положил под Плевной половину своей армии?

– Постойте, – вмешался в разговор маленький тщедушный еврейчик. – А почему бы не поставить этот же вопрос, да наоборот? Вы спрашиваете: чем «Русс» возьмет Плевну, а я спросил бы вас: чем «Турок» ее будет держать? А? Дешево ему стоит всякое нападение «Русса»?

– Но в том-то и де-е-ло, что де-ешево! – воскликнул нараспев молодой еврейчик с козлиной бородкой. – В Плевну-у ни одна пуля не попадает: стреляй туда, стреляй в небо! А из Плевны...

– Берчик! Молчать! Чтоб ты мне онемел сейчас! Он тоже рассуждает! Схватишь у меня такую пару пощечин, каких ты еще не видал! – раздался вдруг сердитый окрик пожилого еврея, отца певуна.

Последний поспешно стушевался.

– Ишь, мальчишка! Он тоже суется рассуждать, он тоже знает: Плевна... – не унимался строгий отец.

– Ну, а ты, мудрец, ты знаешь, что такое Плевна? – накинулся на него сердито рыжебородый. – Ничего ты не знаешь! Плевна – это один «природный» камень в три версты вышины, с отвесными стенами и глубоким дуплом в середине. В этом дупле и находится город. Ну, как ты думаешь, возьмут такую крепость?..

– Возьмут!! – выпалил вдруг, властно проталкиваясь в середину кружка, пузатый еврей с одутловатым лицом. – Что ты, животное, мне там толкуешь: трехверстный камень, дупло!.. Город! Трех грошей не стоит она – твоя Плевна! Тоже люди! Тоже разговаривают!.. Плевна – важность!..

– У реб Хаим-Исера сегодня был по-видимому жи-ирный «кугл»! Поэтому он такой храбрый, – отозвался, улыбаясь, старичок с умным благообразным лицом и белой окладистой бородой. – Зачем ему вся политика? Крикнул, топнул – и победил!..

– Ну? А вы как думаете? – отозвался с задором, но однако порядком опешив, Хаим-Исер.

– Я как думаю? Я думаю, что для того, чтобы рассуждать, надо что-нибудь знать, надо читать «лист»... Посмотри, бери вот пример: даже такой человек, как Мендл, – уж кажется, кто лучше его знает политику, – и он сидит в стороне, и Псалтырь читает, – прибавил он с легкой иронией и отошел в сторону.

Мендл!.. Я теперь только вспомнил о нем и стал искать его глазами. Он сидел в стороне, нагнувшись над Псалтырем, и вполголоса, но с поразительной быстротой читал давно знакомую ему наизусть субботнюю «порцию». С первого взгляда можно было подумать, что он совершенно не слышит разговора и не интересуется им. Но при более внимательном наблюдении нетрудно было заметить, что он из-за своего прикрывания, как насторожившийся охотник, следит за разговором. Он то и дело подымал голову, бросал внимательный нервный взгляд в сторону кружка и, углубившись опять в книгу, принимался читать более быстро и нервно.

В середине кружка в это время уже стоял ораторствовавший вначале реб Михозл. Он говорил громко, отчетливо, и в тоне его слышался горький упрек.

– Именно, как сказано: «Есть у них глаза, но не видят, есть у них уши, но не слышат!»... Ну как вы не видите, как вы не понимаете, что «Турок» окончательно побит!.. Вы говорите «Плевна»!.. Но должны же вы понимать, что Плевну в конце концов возьмут, возьмут если не огнем, то голодом. Оглянитесь только кругом. За 4 – 5 месяцев, с тех пор как русское войско перешло Дунай, «Русс» забрал десятки крепостей, прошел половину Турции, забрал в плен десятки тысяч солдат. Неужели вам еще этого мало? Каких еще «чудес и знамений» вам нужно?.. Месяц тому назад вы кричали: «Шипка!», «Сулейман-паша!» Теперь, слава Б-гу, этот праздник кончился. Умным оказался не Сулейман, а Гурко. Теперь вы кричите «Плевна!», «Осман-паша!», «Непобедимый Осман-паша!» Ну а когда заберут Плевну, что вы будете кричать?..

– Мне не надо будет тогда кричать, теперь кричу – «вре-ешь!!!» – кричу: «как собака брешешь!!!» – выпалил вдруг с яростью рыжебородый и, быстро повернувшись в сторону Мендла, заговорил с упреком и вниманием:

– Мендл! Ну что ты, в самом деле, дурачишься! Уселся там себе в углу над Псалтырем – и сидит, как старая баба! Иди уж сюда, иди! Послушай хоть, как человек позволяет себе лгать в святом месте!..

– Мендл! Мендл! В самом деле, довольно тебе читать Псалтырь! Завтра дочитаешь, – посоветовал убедительно и старик.

Мендл с минуту колебался. Ему, очевидно, не хотелось теперь вступать в спор с противником. Однако он поднялся, закрыл книгу, положил ее на амвон и обратился к стоявшему тут же мальчику.

– Велвл, сбегай на базар, посмотри, нет ли телеграммы...

Затем он подошел к кружку.

– Издали слышу, какие подвиги храбрости ты совершаешь, – обратился он спокойно и насмешливо к Михоэлу. – Горы с корнем выворачиваешь, миры разрушаешь!.. В одну минуту ты бедного «Турка» превратил в прах и рассеял по всем семи морям...

– А ты, чудотворец, сейчас вот соберешь этот прах, и вылепишь из него грозное чучело, – отпарировал Михоэл тоже насмешливо, но вдруг он принял серьезный тон:

– Ну скажи мне: неужели ты серьезно считаешь положение «Турка» не безнадежным? Неужели ты не видишь...

– Гвалд! Откуда ты это берешь! – перебил его со страстным негодованием Мендл. – Почему ты считаешь положение «Турка» безнадежным? Ты говоришь, что Плевна атакована. Слепой! Ведь надо быть слепым, чтобы не видеть, не понимать, что атакована не Плевна, а русская армия!.. Слушайте, евреи! – воскликнул он вдруг горячо и убедительно, обернувшись к окружающим. – Хотите вы знать истинное положение дела? Вот оно: вся русская армия с ее полководцами находится в Турции, между Дунаем и Плевной. В Плевне Осман-паша с армией в сто тысяч человек. Этого достаточно, чтобы «Русс» не двигался дальше. Затем! слева – армия Сулеймана-паши...

– Которого Гурко разбил... – вставил кто-то.

– Тш-ш-ш! – остановил его грозно Михоэл.

– ...Сулеймана-паши; справа – Махмет Али с еще большей армией. Значит – слушайте с головой! – русское войско обложено с трех сторон. Это одно. Теперь дальше: лето прошло, начинаются дожди, наступают холода. Русское войско измучено, находится в чужой стране. Идти дальше – оно не может, вернуться назад – не хочет... Чем же это кончится? – спросил он громко, обводя всех вызывающим взглядом. – А вот чем! Одно из двух: или свежая турецкая армия из Константинополя обойдет кругом, захватит Дунай, замкнет русскую армию и возьмет ее в плен. Или же Осман соединится с Сулейманом и Махметом и сразу с трех сторон ударят на «Русса» – и в два дня прогонят его из Турции!..

Речь Мендла, горячая, убежденная, произвела сильное впечатление на слушателей. Раздались неодобрительные восклицания и насмешки по адресу Михоэла.

Последний стоял серьезный и спокойный, не спуская пытливого взгляда с Мендла.

– Ты кончил? – спросил он спокойно.

– Да, кончил... – ответил отрывисто Мендл.

– Напрасно... Напрасно ты так скоро кончил, – проговорил с оттенком неудовольствия Михоэл и, вынув из кармана табакерку, ударил по ней пальцем, открыл, взял двумя пальцами большую понюшку, не спеша спрятал табакерку и продолжал:

– Да-а, напрасно ты кончил! Ты мог бы еще продолжать. Прогнать «Русса» из Турции ты прогнал. Это уже что-нибудь да стоит. Но почему ты не двинулся дальше? Как «Француз», например? Почему ты не пошел в Россию? Почему ты не забрал хоть пару городков, как, скажем, Петербург и Москву? Разве тебе это трудно было сделать... здесь в синагоге? – закончил он, рассмеявшись.

– «Турок» дал обет не ступить на русскую почву, – сострил кто-то.

– Друг мой! – ответил ему в тон Мендл. – Ты разве не знаешь, что «Турок» «дикий и злой»? Будь он добрый – он, может быть, и пошел бы в Россию освобождать кого-нибудь... Что можно требовать от «Ишмоэл перэ одом»? Никого он не жалеет, ни о ком не заботится и хочет только одного – чтоб его оставили в покое.

– Ты, значит, не веришь, что «Русс» пошел освобождать славян? – спросил его сдержанно Михоэл.

– Не верю? Как это: «не верю»? – воскликнул Мендл, широко раскрыв удивленные глаза. – Что я, безбожник что ли, что не буду верить?.. Да и кому, скажите, более к лицу роль Мессии-освободителя, как не «Фоне»? Прямо как вылита для него!

Раздался громкий хохот.

– Вот это сказано! «Фоня-а-Мошиах»!.. Ха-ха-ха!

– Постой! Все это я слышал, знаю, – проговорил Михоэл и досадливо махнул рукой. – Ты мне прямо скажи: зачем в таком случае «Русс» начал эту войну?

– Я тебе прямо скажу: он ее начал затем, чтобы уничтожить Турцию, чтобы забрать ее себе. А о Болгарии он столько же заботится, сколько я о прошлогоднем снеге, – ответил Мендл с каким-то ожесточением.

– О, бээймо, бээймо!!* – воскликнул с дрожью в голосе Михоэл.

И, повернувшись к слушателям, он заговорил горячо:

– Слушайте, евреи: Россия занимает десять тысяч верст на десять тысяч верст, Россия составляет шестую часть мира. Как вы думаете, пойдет «Русс» проливать реки крови, чтобы прибавить себе кусок пустыни?

– Реб Гершон, – обратился вдруг Мендл к стоявшему возле него осанистому еврею. – Говорят, реб Гершон, вы имеете около 30000 рублей капитала – правда это?

Вопрос, поставленный так прямо и неожиданно, сразу смутил реб Гершона. Но, сообразив, что вопрос этот ему задан неспроста, и чувствуя себя польщенным, что его при всех назвали богачом, он забрал в руку бороду, и важно, не спеша, с самодовольной улыбкой ответил:

– Тридцать тысяч рублей, говоришь ты?.. Ну, будем считать... скажем, что имею!.. Ну, что же из этого, а?

– И вы все-таки не перестаете каждое утро ходить в лавку, не прекращаете торговли? Слышал, что вы хотите строить бойни, взять казенный подряд. Видно, мало вам того, что имеете, хотите больше иметь?

– О-ой, и как еще хочу! – воскликнул с радостным смехом реб Гершон.

– Ну, Михоэл, слышишь, что говорят? – обратился наставительно Мендл к своему противнику. – Говорят: «Мало, еще хочу». Ты знаешь, что значит «еще»? «Еще» – значит «всё». Ты говоришь: «шестая часть мира», но отчего же не все шесть шестых? Ведь было же от Нимрода семь всемирных государств. Никто из этих государей – ни Нимрод, ни Невухаднецер, ни Санхерев не удовлетворились частями... Впрочем, если хочешь, «Русс» и не гонится за «турецкой пустыней», как ты говоришь. Ему нужны моря: Босфор и Дарданелл...

– Ты это говоришь, или позади тебя кто-нибудь говорит! – воскликнул вдруг из кружка худой еврей с выразительным загорелым лицом и, протолкнувшись в середину кружка, закричал почти с яростью:

– Что это в самом деле: сам ты дурачишься или другим голову морочишь? Не слышали, не знаем мы, что в Болгарии происходит? Под печкой мы сидим? Что ты нам сказки рассказываешь? Послушать тебя, можно подумать, что «Турок» – ангел невинный... Ведь волос дыбом становится, кровь в жилах стынет, когда читаешь и слышишь, что этот разбойник, этот «зверь из зверей», – да сотрется его имя и память! – вытворяет над несчастными болгарями! Целые города, целые деревни выжигает! Старцев, детей избивает! Женщин насилует... Ай! Ай! Ужас! Ужас! Приходишь ты, лесной разбойник, и защищаешь его!!! Ведь ты стоишь, чтоб тебя растерзали!!!

– Только разбойник, только человек без сердца, без души может защищать турка! – закричал другой еврей в крайнем возбуждении. Вскочив на скамью, он закричал на всю синагогу:

– Слушайте, братья! Клянусь вам: вот как видите меня, еврея, как теперь во всем Б-жьем мире Святая Суббота, как мы теперь все в святом месте, что, как только объявят новый набор, – я иду! Без зачета иду! Бросаю жену и детей – и иду. Убьют меня – я умру «для прославления имени Г-сподня»!..

Точно плотина прорвалась. В синагоге поднялся невообразимый гвалт. Все говорили разом, кричали, шумели. «Руссы» с яростью нападали на «Турок», преимущественно на Мендла, осыпая их бранью, упреками, колкостями. «Турки» защищались, тоже крича и ругаясь. Мендл пытался говорить, но ему не давали.

Ночь уже давно наступила. В синагоге было темно, только бледный свет луны, пробиваясь сквозь туманные окна, придавал движущимся фигурам какой-то фантастический характер. Служка синагоги, низенький замухрышка, переходил от одного прихожанина к другому и, дергая слегка каждого сзади за фалды длинного сюртука, бормотал жалобно с огорчением одни и те же слова:

– М-ц...ай!.. Пора уж молиться «Маарив»! Давно пора!..

Но его сердито отгоняли. Не до «Маарива» было.

Вдруг в синагогу влетел, запыхавшись, Велвл, посланный Мендлом на базар за новостями:

– Деша! Деша! – воскликнул он задыхаясь.

Сутолоку и шум точно вихрем снесло. Наступила глубокая тишина.

– Ге!.. Битва!.. Три дня продолжалась!.. Ге!.. Гурко! – задышался вестник.

– Говори: взяли Плевну? – закричал почти с яростью Михоэл.

– Нет!.. Ге!.. Дубняк и еще один город взяли, два города... Убито – без счета... Три дня не переставали стрелять... Написано, что русских убито две тысячи! Русских!.. А турок... турок, верно, в десять раз больше! Страсть. Сказано, без счета!..

Известие произвело на всех подавляющее впечатление. Мендл, бледный, взволнованный, с широко раскрытыми глазами стоял, подавшись вперед, ловя с трепетом каждое слово Велвля. Вдруг он выпрямился, метнул в окружающих взглядом протеста и негодования и закричал дрожащим голосом:

– Разбойники!!! На вашу, на вашу голову пусть падет эта невинная кровь!!!

И выбежал из синагоги.

Несколько минут в синагоге царил подавляющая тишина. Кружок медленно расплылся. Спорщики, с опущенными головами, точно под тяжестью сознаваемой вины, разбрелись по сторонам. Только один пробормотал:

– А он-то сам? Не понимаю, чем он-то прав?..

И как бы в ответ на общее настроение с амвона раздались слова вечерней молитвы с их будничным, заунывно-монотонным напевом:

– «И О-он, Милосердый, простит грех и не уничто-о-о-жит нас!»...

VI

«Трехдневное сражение», о котором сообщалось в расклеенных на базаре телеграммах, кончилось взятием русскими войсками Горного Дубняка и Телища. После этого Плевна была окончательно блокирована, и

армия Османа безнадежно отрезана от остальной турецкой армии. В сдаче Плевны теперь никто – за исключением «турок», конечно, – не сомневался. Газеты утверждали, что в Плевне никаких запасов нет и что более нескольких недель она не продержится. С напряжением ожидали все этой развязки, от которой зависел вопрос о мире или перемирии. А между тем, события не торопились: проходили дни, недели, прошел весь октябрь, а Плевна, вопреки всем ожиданиям, не сдавалась. Томительное ожидание начало понемногу сменяться сомнением; стали раздаваться пессимистические пророчества. Плевна выросла у всех в глазах в неприступную твердыню, а Осман-паша приобрел репутацию гениального полководца.

После своего первого визита Мендл иногда по вечерам навещал меня. Но визиты его были чисто «деловые». Убедившись, что я не «турок» и, вообще, не страстный политик, он в разговоре со мною не отступал от фактической стороны газетных сообщений, не всегда ясных для него своими терминными.

Через несколько дней после взятия Карса (6 ноября), когда в газетах появилось подробное описание этого замечательного сражения, ко мне зашел Мендл. Пробормотав «Добрый вечер!», он подошел к столу, у которого я сидел, и, устремив на меня холодный, почти враждебный взгляд, спросил преувеличенно вежливым голосом:

– Вы, кажется, имеете в городе большое знакомство между панями. Не можете ли достать у кого-нибудь из них турецкий «лист»?

– Турецкую газету? Да на что она вам? – удивился я.

– Надо, – ответил он сдержанно.

– Да вы снимите пальто, садитесь...

– Благодарю вас... некогда... – ответил он холодно и со сдержанным нетерпением. – Так что же вы мне скажете насчет турецкого «листа»?

– Да право уж не знаю, что сказать вам... Я уверен, что турецкой газеты ни у кого здесь не найдется, – ответил я.

– Почему же? – спросил Мендл, недоверчиво взглянув на меня. – Разве между панями нет таких, которые интересуются, серьезно интересуются политикой?

– Да зачем бы им понадобилась турецкая газета? – продолжал я недоумевать.

– Да хотя бы затем, чтоб и другую сторону выслушать! – воскликнул он уже с некоторым раздражением.

– Послушайте: да ведь для того, чтобы читать газету, надо знать язык. Кто же здесь знает по-турецки?

– Как – кто? Я думаю, многие знают... Я был уверен, что и вы знаете... Мне говорили, что вы знаете и по-французски, и по-немецки... Нет! Говорите, что хотите, а без турецкого «листа» вы правды не узнаете! – закончил он энергично.

Помолчав, он заговорил с волнением:

– Взяти Карс! Возьмут они спроста Карс! Конечно, была измена... говорить нечего! Но не могу понять, как допустил это Осман-паша.

– Да Г-сподь с вами, реб Мендл! Подумайте только, где Осман-паша и где Карс. Да не забудьте при этом, что Осман осажден в Плевне...

– Хэй! «Осажден!» – воскликнул Мендл, окончательно всплыв, и резко махнул рукой. – Что вы мне толкуете. Точно неизвестно, что Осман сам не дает русскому войску двинуться с места!..

И он вызывающе злобно взглянул на меня.

– Скажите мне, реб Мендл, – заговорил я совершенно спокойно после минутного молчания. – Почему вы такой враг России?

Мендл несколько не удивился моему вопросу, но ответил не сразу. Он сел и с минуту просидел неподвижно.

– По правде сказать, – заговорил он полузадумчиво, – я не вижу, за что мне быть ей другом... Добро, что ли, я от нее видел?... Да если хотите, я ей совсем не враг...

– Как же не враг, если вы желаете победу «Турку».

– А-а, видите, это совсем другое дело! Это не касается ни дружбы, ни вражды. Если б я видел, что «Русс» прав, я бы за него стоял точно так же, как я теперь стою за «Турка». Не забудьте, что тут кровь реками льется, дело не легкое, не шуточное. Нельзя тут думать о дружбе или вражде...

– Но, реб Мендл, неужели вас ничто не связывает с народом, с которым вы живете в одной стране? – продолжал я настаивать.

Мендл посмотрел на меня с недоумением, как бы не поняв моего вопроса:

– Связывает?... Что меня может связывать с ним?

– Послушайте, – заговорил он после некоторого молчания. – Ну скажите сами, какая может быть связь между мною и ими? Я уж не говорю о том, что я еврей, а они «гоим», а вообще... Ну вот, я дам вам пример, пример не далекий: вы сами... Я думаю, вы не обидитесь за прямое слово. Скажу вам откровенно: я смотрю на вас, как на... «гоя». Еврей, который бреет бороду, ест «трэйф», открыто переступает законы субботние, – что тут толковать! – такой еврей уже – не еврей! А между тем, смотрите, с вами у меня есть какая-то связь, с вами я могу говорить, я вас понимаю, и вы меня понимаете. Почему? Потому, что у вас тоже есть духовная жизнь. Такая, иная, правильная, ложная – но есть! Ну, а с «ними» какая у меня может быть связь? С кем? – спрашиваю вас. С мужиком, у которого жизнь начинается в свином хлеве и кончается в кабаке? Или с

барин, который ничего больше не знает и знать не хочет, как хороший обед, красивое платье и – извините меня – красивую «нкевэ»*? Б-же мой! Да они мне чужды, как вот этот стол!

– А с другой стороны, – продолжал он медленнее, с легкой иронической усмешкой на губах. – С другой стороны, я прекрасно понимаю, что и «они» не могут меня считать особенно близким родственником. Ну что я, в самом деле, за человек, если меня зовут Мендл, а не Иван, если я свинины не ем, если я ношу длинный сюртук! Конечно, я хуже худшего!..

Он презрительно мотнул головой и горько усмехнулся.

VII

28 ноября была, наконец, взята Плевна. Я узнал об этом на следующий день, часа в три, из расклеенных на улицах телеграмм. Я поспешил домой. Мне хотелось видеть, какое впечатление произвело это известие на Мендла. Я почему-то был уверен, что ему уже все известно.

Я ошибся. Мендл еще ничего не знал. Застал я его в самом разгаре занятий. Он и двое из шести его учеников, сильно раскачиваясь и размахивая руками, выкрикивали – все трое сразу – то с глубокими, безнадежным отчаянием, то с торжеством победителей текст какого-то талмудического «иньена» (нечто вроде «главы»). Остальные ученики, тоже раскачиваясь, молча следили за читаемым по раскрытым фолиантам. По-видимому, «иньен» был трудный, замысловатый, с обычными талмудическими недомолвками, иносказаниями, намеками. Ученики решительно ничего не понимали и были измучены до крайней степени. Их бледные худые лица были покрыты потом, в глазах светилось недоумение загнанного до изнеможения животного. Мендл казался еще более измученным. Его желтое как воск лицо и помутившиеся глаза выражали крайнюю степень утомления, близкого к обмороку. Всеми силами души, всем телом и руками, и глазами, и голосом старался он растолковать ученикам смысл «иньена», – но все было напрасно. От напряжения и собственного крика дети как бы ополоумели, потеряв всякую способность что-либо понимать. Механически подхватывали они слова Мендла и выкрикивали их со страстным отчаянием. Как кони, завязнувшие в топи, порываются под ударами бича, не двигаясь с места, так порывались несчастные дети под выкриками Мендла. Картина была ужасная.

Когда я вошел, Мендл как-то сразу, резко оборвал свой непрерывный крик, глубоко-глубоко вздохнул, точно кашлянул, и отер вспотевшее лицо рукавом рубашки (он был, по обыкновению, без сюртука).

– Нет ли чего нового? – обратился он ко мне слабым голосом полного изнеможения.

Признаюсь, я не решился огоршить этого измученного человека известием, которое должно было сильно его поразить. Я неопределенно покачал головой. Мендл удовлетворился этим безмолвным ответом. Он опять глубоко вздохнул, широко раскрыв рот, как задыхающийся, и прошептал с горечью:

– Без сил я с ними сегодня остался! Не хотят понять – и конец!..

И, быстро повернувшись к ученикам, он опять раскачался и закричал нараспев:

– Ну-у-у! Еще-е ра-а-аз! То-ону рабб-о-онон!!

И он снова потащил на буксире несчастных ребятишек.

Не прошло и десяти минут после моего прихода, как вошел реб Михоэл. Злейший и самый сильный противник Мендла в «политике», он, вместе с тем, был его лучшим другом и близким родственником. Люди одной профессии, одних умственных, духовных и материальных интересов, они имели помимо «политики» много точек соприкосновения, и не проходило дня, чтобы один из них не заходил к другому. Мендл не обратил поэтому никакого внимания на приход Михоэла. Но даже с первого взгляда ясно было, зачем он пришел.

Михоэл медленно и тихо вошел в комнату, проговорил не громко «Доброе утро» и не спеша опустился на скамейку. Лицо его было спокойное и имело самое будничное выражение, с оттенком обычной грусти. Посидев минуты две на месте, он поднялся и медленно, лениво подошел к столу. Заглянув в один из раскрытых фолиантов, он многозначительно поднял брови и усмехнулся.

– А-а, вот где вы стоите! – проговорил он сочувственно. – Местечко знакомое! Трясина хорошая, чтоб ее никакой добрый еврей не знал. В прошлом году я с моими осликами простоял неделю целую на этом «иньене».

– Из сил, из сил выбился я с ними! – заговорил Мендл. – Лошадиные головы! Чистые гоим! Самой простой вещи не вдолбишь им в голову.

Михоэл сочувственно покачал головой, отошел от стола и, разняв сзади фалды сюртука, сел на скамейку.

– А мне казалось, что у Лейзера острая головка, – произнес он, указывая на одного из учеников.

– А! Лучше уж не говори о них! Острая головка – тупая головка! Тут ни острых, ни тупых нет. Чурбаны – и больше ничего!..

– Кстати, – перебил его спокойно Михоэл. – Слышал ты новость: Плевна взята...

Мендл вздрогнул как от удара, рванулся с места и – остался сидеть с устремленным на Михоэла испуганным взглядом, полным недоумения, вопроса.

– Что ты говоришь! Ты с ума сошел! – воскликнул он.

Это восклицание и растерянный взгляд Мендла как бы еще больше успокоили Михоэла. Он полез в карман, вытащил табакерку, взял из нее большую понюшку и, глядя в землю, заговорил грустно и несколько наставительно.

– Да, друг мой... Плевну взяли. То есть не одну Плевну: Осман-паша сдался в плен со всем своим войском в 40000 человек и сдал город... Вот тебе, мой друг, короткая речь, – закончил он, подняв голову и взглянув на Мендла.

Мендл казался ошеломленным этой «короткой речью». Он перевел на меня свой недоумевающий взгляд, как бы требуя защиты, опровержения. Но я мог только подтвердить слова Михоэла.

– Как!.. Вы?.. Вы тоже знали об этом? – воскликнул он. – Откуда?.. В «листе»?..

– Нет, из телеграммы...

– Из телеграммы? Где... на базаре?..

И он быстро поднялся и начал поспешно надевать сюртук.

– Стой, не лети. Я тебе сюда принес добрую весть, – остановил его спокойно Михоэл и, понюхав смачно табаку, вытащил из-за пазухи серый листок, сложенный вчетверо. Передав его Мендлу, он отошел в сторону, подошел к полке, на которой лежала куча растрепанных книг и рукописей, вытащил оттуда тетрадку, мелко исписанную дугообразными строчками, – лекция кабалы какого-нибудь цадика, – сел в сторону и принялся читать, решив, по-видимому, на время совершенно забыть о Мендле.

Последний нервно развернул листок, впился в него тем внимательным взглядом, который бывает лишь при особенно сильном волнении. Что-то страдальческое, растерянное, недоумевающее было на его лице. С одной стороны, телеграмма категорически, ясно свидетельствовала об окончательном поражении турок. Но, с другой стороны, это было так неожиданно и так шло вразрез со всеми взглядами и чаяниями Мендла, что он не мог верить этому. Несколько раз порывался он заговорить, взглядывая то на меня, то на Михоэла, но молча возвращался опять к листку.

Наконец, он задумался – и остался сидеть неподвижно, с опущенной головой, со сморщенным лбом, как бы стараясь что-то припомнить. Лицо его постепенно становилось спокойнее, и с него сходило выражение растерянности. Вдруг у Мендла глаза широко раскрылись, лоб совершенно разгладился. Он поднял голову, оглянулся кругом с некоторым недоумением; взглянул на Михоэла, взглянул на меня, на телеграмму – и сильно вздрогнул, как от неожиданного прикосновения к чему-то холодному. Глаза его заискрились, и в них появилось совершенно новое для меня выражение: строгое, серьезное, холодное, почти аскетическое... Точно Мендл сбросил с себя какой-то кошмар, точно он решил трудную задачу.

Посидев с полчаса над рукописью и считая, по-видимому, что Мендл уже имел достаточно времени, чтобы освоиться с содержанием телеграммы и успокоиться, Михоэл придвинул к столу табуретку, уселся против Мендла, устремил на него пристальный взгляд и спросил негромко, спокойно и настойчиво:

– А теперь, Мендл, скажи мне, что ты обо всем этом думаешь?

Мендл не сразу ответил. Посидев еще полминуты неподвижно, он перевел свой холодный, спокойный взгляд на Михоэла и проговорил так же негромко и так же настойчиво:

– Ну а ты, Михоэл, что об этом думаешь?..

Михоэл, совершенно не ожидавший ни такого спокойствия, ни такого ответа, сразу даже несколько смутился. Затем он, по-видимому, рассердился на упорного противника. Неужели и этот факт не убедил его, не открыл ему глаз? Неужели он собирается продолжать свою старую песню?

– Сумасшедший! – воскликнул он с раздражением. – Надо же быть сумасшедшим, чтобы говорить, как ты! Тебе и этого мало? Каких еще «знамений и чудес» тебе надо?!

Окрик этот не только не смутил, но как будто еще больше успокоил Мендла, и он заговорил с грустной улыбкой:

– Если б кто услышал, как ты горячишься, то мог бы подумать, что Всевышний раньше, чем предать Плевну в руки «Руссу», до-олго с тобою советовался и сделал это только по твоему настоянию... Все хорошо, мой друг, все прекрасно, но скажи мне, ты-то здесь какой сват?!.

– Э-э, перестань болтать глупости! – рассердился Михоэл. – Это твоя обычная манера: нечего тебе сказать – ты начинаешь морочить голову черт знает чем. Мы теперь не в синагоге, можно говорить просто, по-человечески.

– Я и говорю по-человечески и не морочу тебе головы, – остановил его Мендл. – Я хочу только указать тебе на одну точку...

– На какую точку?..

– На корень дела...

Он несколько выпрямился и продолжал медленно и многозначительно:

– Ты хочешь, чтобы я признал, что «Русс» выиграл, а «Турок» проиграл? Ну... хорошо, признаю! Но не забудь, что и «Лев млохим в'сорим б'яд Гашем» (сердце государей и начальников в руке Б-жьей), не забудь еще, что «Эйн одом нэйкэф ес эцбоэ милмато им ш'гои махризн олов милмайло» (здесь, снизу человек пальцем не ударит без того, чтобы это не было предопределено свыше).

Последнюю популярную талмудическую сентенцию Мендл произнес громко, сухо, монотонно, вкладывая в нее, таким образом, особое значение. Михоэл, наконец, понял, – на какую «точку» указывал ему Мендл.

– Ну, это... об этом и говорить нечего... это понятно... Кто это не знает!.. Но... но говорится же не об этом!.. – пробормотал он, наполовину протестуя, наполовину примирительно.

– Нет! Именно об этом и говорится! – повторил настойчиво Мендл и, обернувшись ко мне, продолжал:

*Á πρὸς τὸν Θεόν, ἰὰ τὸ ὄνομα αἰετῆς αἰετῆς αἰετῆς
(ἄνθρωπος ἰσχυρὸς καὶ ἀειβίος) ἀνὴρ δικαίος
Ἐν τῷ ὄνομα αἰετῆς καὶ ἀειβίου ἀνὴρ ὁτι ὁ αἰετῆς αἰετῆς
Ἀποδοῦναι ὁ Θεός - ἐστὶν ἰσχυρὸς ἀνὴρ ὁ ἀποδοῦναι ἰσχυρὸς ἀνὴρ
ἐστὶν αἰετῆς ἰσχυρὸς ἀνὴρ, εἰς τὸν ὅτι ἂν ἀποδοῦναι αἰετῆς ὁ Θεός.
Ὁ Θεός ὁ ἀποδοῦναι ἰσχυρὸς ἀνὴρ*

Гефилте фиш аф-идиш

ἰσχυρὸς ἀνὴρ ἰσχυρὸς ἀνὴρ

Возьмите пару шук по паре килограммов каждая, то бишь, как говорили в допрежние времена, фунтов около четырех. Почистите – и чик-чик ножницами, – отчикали плавники. Распотрошите, промойте. Чтoб изнутри ни кровинки! Порубите на куски и вырежьте мякоть.

Из головы выньте жабры, удалите глаза, а вместо них вставьте что-нибудь... хоть маслины... я знаю...

Когда будете разделять голову, осторожненько лезьте в пасть – зубы у щуки везде, даже на жабрах... Уколется до крови, попадет кровь на мясо, и все – беда. Станет щука не кошерной.

Трэйф. Плохо. А попросту – трэф. Трэф, и вся недолга... А уж какая там еда, если трэф..

Ой! Только не надо, пожалуйста, этих шуточек – щука пик, щука червей... Да-да! И бубновой щуки тоже не бывает... А щука трэф – да, бывает.

Трэйф – это не кошер. И, значит, щука трэф – не чистая, не еврейская щука.

Ну хорошо, палец не накололи, слава Создателю!

Щучье мясо (само собой, без костей) проверните на мясорубке. И штук восемь луковиц на одну щуку!

Шелуху пока не выбрасывайте! Да погодите галдеть, что евреи – жадные... Не спешите, успеете!

Возьмите халу. Теперь ее окрестили «плетенкой с маком», а вообще-то она – хала. Так и в словаре сказано: витой хлеб продолговатой формы. И в скобках: др-евр (вот именно – древнееврейский!). Наломайте ломтями и хорошенько вымочите в молоке или пускай в сливочках...

Если к свадьбе готовитесь, родственники с другой стороны – тут как тут. Вроде бы вам помогают, а на самом деле – разнохивают. Хотят-таки выведать, как оно получается, что ваша щука – всем щукам «фиш»... И смотря в оба, не вышел бы – упаси, Создатель, – трэф...

Ох, не про нас будь сказано!..

Ну, так к чему я?.. Вымочили халу, отжали... Нарочно над раковиной или помойным ведром, чтобы родственники с другой стороны треснули от жадности...

Даже если самому ужас как хочется эти отжатые сливочки – потом, тихонечко, закатывая глазки от удовольствия... Цымес а мехае! Вкуснятина, – доложу вам, – блаженство!

Нет, ласковые мои, – в помойку, в помоечку! Пусть эти родственники с другой стороны слюной изойдут, или даже подавятся... Я вам советую! А так – на ваше усмотрение. Я бы лично – вкусил.

И вот эту самую отжатую халу тоже проверните.

Возьмите еще восемь луковиц на одну рыбину, всего – шестнадцать, и хорошенько выжарьте на большой, обратите внимание, сковородочке и с большим, подчеркиваю, количеством масла.

У тех, кто постится, масло это зовется «постным». Берите его по десять столовых ложек на одну рыбину – всего двадцать. Ну в целях экономии – девятнадцать, пожалуйста... Я знаю...

Лук выжаривайте на медленном огне. Не то подгорит.

А маслица плесните по-быстрому, чтобы родственники с другой стороны таки уже проморгали, сколько ложек налито.

Запомнили?

Двадцать! В крайнем случае, девятнадцать. Для экономии. Но уж никак не восемнадцать! Жадным счастья нет.

Вот! Налили масло, раскалили на большом огне и бросайте лук – соломкой ли, кубиками – без разницы.. Так и так потом на мясорубке вертеть.

Сразу же убавляйте огонь и выжаривайте до розовой подсушенности. Снимайте с огня – и в мясорубочку. Не вредно – для общего вкуса (оно, правда, кому как) – четыре или шесть крупных зубчиков чеснока.

Помните у Шолом-Алейхема? Кто не ел чеснока, от того не разит!

Вообще-то еврейскую рыбу – лучше с чесноком. Евреи – народ чесночный... Но можно и без чеснока. Нашего не убудет... Однако! – Обер! – евреям советую. Прочим – по вкусу.

Насчет чеснока, ласковые мои, есть предание. Число зубчиков должно быть четное. У нас ведь – две щуки. Цвэй `эхтн! А ну как одной достанется меньше? Обидится и не стоговится. А то – огорчится. Да на всю кастрюлю...

Та же история с яйцами – по два яйца на каждую рыбину. Цвэй бэйцн фар фиш. Всего – четыре.

Тонкая штучка! Или щучка?..

Яйца разбивайте не в фарш, а в чашечку либо на блюдец. По одному! Не приведи Создатель, попадется желток с кровавою точкой... Сразу трэф!

Так вы сперва – в чашечку, а то на блюдец. Ложечкой чайной покрутили... Ага, ласковые мои, порядочек – и в фарш его, в фарш.

Который туго соображает или отвлекся, повторяю: строго по одному яйцу.

Догадались?

Ха! Ну, если разбили на блюдец три яйца и они-таки все хорошие, то-есть кошер, а четвертое яйцо, да, плохое, с кровью, то-есть трэф. Тогда все четыре – раз, два, три, четыре – будут трэф.

А оно вам нужно – четыре яйца в помойку?

А ваша кошка обожрется. И у нее будет кошачий понос...

Ах, у вас вообще нету кошки? И, в частности, вы не такой правоверный... Я знаю... Ну и оставьте трэфные яйца на омлет... или хоть на свиные котлеты.

А с рыбой – опять сначала.

По одному – на блюдец... или в чашечку... До тех пор, пока не войдет в голову: строго по одному яйцу.

Я вам советую – завяжите узелок на память. И не морочьте мне бейцн! Вы же не Ротшильд какой-нибудь!

Хотя, например, быть себе Ротшильдом я бы хотел! Да и вам – тоже!

Стоп, стоп, стоп! Минуточку! Варт а вайлиньке!

Если мы с вами Ротшильды, зачем нам возиться с фаршированной рыбой? А кухарка на что? Вдобавок в той рыбе – нашей, еврейской – лука с хлебом больше, чем самой рыбы.

Да мы уж все сделали! В помойку, что ли, выбрасывать?

Ладно, ладно, бекицер – мы с вами не Ротшильды. И уже успели провернуть все через мясорубочку, и уже яйца по одному, как положено, вбили в фарш...

Мы это выбрасывать не будем!..

А будем хорошо солить, хорошо перчить и долго-долго мешать. А потом поставим на холод...

И если готовимся к свадьбе, ласковые мои, пойдем поболтаем пока с родственниками с другой стороны. О том, знаете, о сем... Их вэйс... Не столько из интереса – что такого умного могут они сообщить? Тоже мне, информация к размышлению... Нет, просто час-другой провести. И, ясное дело, что-ничто разведать про другую-то сторону. Ну, вы понимаете!

А-а, чего только не сделаешь за час-другой, если не с кем поговорить?

А-а, ничего не сделаешь!..

Все мысли об этой проклятущей рыбе. Тиной пропахли руки, стол, раковина... Вы будете смеяться – уже весь дом отдает щучой. Щучий дом!

Потому-то, учтите, очень больших брать не стоит: в могучей щуке – могучий дух... такой, ласковые мои, герух...

Само блюдо, правда, получается лучше... Да не об нем речь!

Мало того, что все вокруг воняет речной рыбой, – везде же громоздятся припасы...

Тут – горка тоненьких кружочков сочной морковочки, мэрн слэйзелах, из четырех крупненьких, нарезанных. Тут – бурый бугорок влажно сочащихся ломтиков свеклы – бурикэ слэйзелах, что означает ровно то, что я сказал.

«БурИкэ слэйзелах», – произносят на «и» украинские евреи, нарочно отличаясь от литваков – евреев литовских, польских и белорусских, а также – немецких, которые все поголовно акают: «бурАкэ». Почувствуйте разницу!

А норма, на самом-то деле, – через Э: «бурЭкэ». Усвоили?

Да кто и когда следовал норме? Главное – ты не я, а вы не он. Даже если евреи!

Ай! Что там дальше?

Голанские высоты щучьей икры, что шибает в нос, как... как... Ох, многоточие!..

По ходу – о щучьей икре. Когда будете жарить лук, так немножечко не скупитесь – а бисэл арибэр цибэлэ на а бисэл арибэр маслица!.. Вы потом возьмете это двойное а бисэл арибэр и отложите в сторонку...

А щучью икру, покуда болтаете с родственниками с другой стороны, очень даже неплохо приправить этим отложенным луком. Но чтобы не подгорело! А потом, чуть присолив и растопив вилкой, подавите сверху а бисэл сока из пол-лимона... И подайте этой усатой тетке с другой стороны...

А она, усатая, спросит: «Что, это туда же?»

Потому что следит за вами, шевелит усиками!.. Да где же ей, усатой, вникнуть...

А вы – с ангельскою улыбкой: «Это для вас, мадам!»

Хотя «мадам», допускаю, лишнее. Как с чесноком. Обер! Евреям советую, остальным – строго по вкусу.

Икру, присолив и подлимонив, смешайте с обжаренным луком, но обязательно, пока лук горячий, и, потоптав вилкой, подавайте...

Ой, если вдуматься, все это – ужас. Из рук вон. Сумасшедший дом.

А как оно, по-вашему, пахнет в сумасшедшем доме? А?.. Я знаю...

Пойдем дальше! Что там еще на кухне? Горка (пригорочек) плотных луковых кружочков – цибэлэ слэйзэлах...

Наверно, вы уж кумекаете аф-идиш?..

Так вот, цибэлэ слэйзэлах...Нет, не луковые колечки, которые – цибэлэ ринглэрлах, а в аккурат, ласковые мои, – кружочки. Плотненькие, не разобранные.

Тоже – в смысле общего запаха – ничего себе!.. Благовоние...

А вот небольшой холмик луковой шелухи. Не той, что начистили с лука, что в рыбу пошла, – эту надо еще в мешке начесать-нашелушить. У соседей попросить. Или родственники с другой стороны принесли. Только не говорите им – зачем, пусть голову поломают. А вы ту шелуху с умным видом промываете-намываете, пока они икру щучью лопают да нахваливают...

А попробуют не похвалить – поперек горла встанет!..

Луковую шелуху мойте только холодной водой. Не приведи, Создатель, горячей – цвет уйдет! Слышите? Нор калтер вассер!

Закончите с шелухой – тотчас расправляйте! Ну, не хотите – как хотите. По желанию. Час-другой и пройдет...

Тут вы фаршик перемешанный снимаете с холода – и что?

А-а, загустел! Лук-то высушенный влагу на себя потянул. Фарш от него легкий цвет перенял. Вы тогда этот набухший фарш опять проверните и, если чересчур поплотнел, разбавьте водичкой – пару столовых ложек холодной воды. А то и еще пару-другую! По обстановке.

И ложкой либо лопаткой деревянной взбивайте! Чтобы пышным стал, пышным! А густотою пожиже. Как примерно сметана, а не котлетный фарш.

Так!.. Что теперь?

А теперь... Борух ато, мелех а-ойлом... Оборони, Создатель!

Ну, чего ждете? Набивайте рыбу. Вымойте руки – и, да, руками, руками, ласковые мои. Проложите фаршем, заполните под завязку.

Так же плотно натолкайте рыбный чулок, если приметесь за еврейскую шуку чулком... Хотя понятно, самый лучший чулок, который с деньгами... Он же – известно – лучшая колбаса.

Да, мы обер – про рыбу. А рыба начинается с головы. Ну и кладите их, рыбы головы, вниз, на затылок. Туда же – кости и плавники...

Но это – потом. А сейчас – зер вихтиг – чрезвычайно важное.

Берете кастрюлю. Густо устилаете луковой шелухой. Промеж шелухи – срезанные плавники. На шелуху – плотный слой свекольных кружочков, выше – луковые кружочки.

Кидайте луку без счету, дабы свекла, заметьте, не красила рыбу, а передавала колер всему бульону. Через лук... Потом – щучьи головы, затылком вниз. Рядом, сколько уместится, – наполненные фаршем куски. Поверх – плотный слой кружочков морковных, мерн слэйзэлах. А над морковью (опять плотно) – луковая шелуха. И – бурикэ слэйзэлах, цибэлэ слэйзэлах, рыба, морковка, шелуха... На каждый слой рыбы – перец. Валяйте еще лаврушки. Сколько? Строго по вкусу, еврей!.. Я знаю...

Зарубите одно, ласковые мои: кругом шелуха!

Обер! Но!

До шелухи – осторожно, по стеночке – налейте в кастрюлю ледяной воды, покрывши рыбу на два пальца. А уж после ею, родимой, – шелухой. Потому-то и надобно расправлять!.. А вы ленились...

Дайте шуке постоять с полчаса, сосредоточиться... Борух ато, мелех а-ойлам... И, слава Всевышнему, – на плиту!

Когда закипит, сбавьте огонь. Варите шесть часов под крышкой. На малюсеньком огоньке варите и вовсе без бульканья: один пузырик – в минуту. И – ни секундой меньше! – шесть часов подряд. Косточки тогда будут сахарные. Таять во рту будут.

Что вам не ясно? Что делать с фаршем?

А налепите шариков величиною с ту луковицу – фиш кнэдлах называется... или фиш койлн.

Если тающие во рту кости вам не нужны, варите часа два. Потом вынимайте – и на блюдо. Голову – спереди, хвост – сзади... И поплыла, поплыла наша шука!

Теперь доставайте фиш койлн. Помните, что это? Правильно – это фиш кнэдлах. Не суетясь, разложите. Рядом – овощи: лук, морковка, свекла... Их вэйс... Я знаю... И обратите внимание, ласковые мои: луковая шелуха совсем не пристает к рыбе!

Аккуратненько (не размыть бы красоту такую!) заливайте бульоном. Веточки зелени сверху, ломтик лимона... И – на холод! До утра!

А что с утра?

С утра – хупа! Свадьба то бишь.

А там... за стол!

И... Ломир алэ инэйнем! Инэйнем!

Ну, так вот! Прежде чем все эта свадьба, весь этот суматошный щучий дом не начался, хочу вам сказать: когда будете раскладывать по кастрюлям, располагайте и рыбу, и битки в два слоя. Строго в два слоя!.. И не больше. Хоть тресни!

Потому и называется гефилте фиш аф-идиш – фаршированная рыба по-еврейски. Или просто – «фиш»... Как будто написано с большой буквы. «Фиш» – одним словом. «Рыба-фиш». Все равно, что «масло масляное». Или – «рыба рыбная». А кто хоть раз попробует, захочет еще.

Разве сделать ее однажды самому, что ли?

Ну вот, делайте!

Мах!

Ну, что вы машете руками? Как будто я вам – учитель физкультуры?

Мах по-еврейски – делай.

Только не перепутайте слова в этой песне.

Потому что раз ошибетесь – не возьмете потом самой верхней ноты, ради которой вся песня поется.

Омейн! Аминь! Истинно так!

*Yoi eae e e i n i e i a i o i n o i d a : e a - o a e a a a o e a a i a i d e e a . I d a a e e u i a a i a a a d i i a a e a e o a d e e i a
O i o y « a e o y » (e e i a) i i - d i n i e e e i i - i a i a o e e - n i k a i a i d i a a , i a e a e o a a a d a e i n e e d a a i i e - i o e n e i a .*

*I i i p , e a e y , E p d a e e u i I a o d i a , a n a d a e i a i d e i a d i i i o i o e i a a e a i i i a e a E e o e i a a I a d a a
i a e a i u e e i e a i i e o e a i e , a d i a a a u i a A a i a a d i e e o e o a , n e a a e n o a d e e e e n o a d o b e , a a n i a y i a o i i n a i i
a a a o e e i i i a e a e o a A a i (a a d a e o a d) i o e i a e e « A e d i a e a e a i a d o a d i » , a a o i i e i n o p
« A e d i a e a e a i n e o p c a i a o » , i d e a i c e i o p n a d u a a e i i o a n o d a i u , e , i o i a e i o a a i a o e a a i p d e e i y i a i a y ,
e i d a i i i a i i n e i a e i a a e o a e y .*

- A e a ? - n i d a e e a a o .

A n o a d u a (a e a e o a) :

- O u : o i , n o a d i e , i n e a i ? . D a c a i i a a e a i i - e a e o e e i a . .

ТРИ РАССКАЗА

I a i y o e I a d e a A a e e a y

E p d a e e u i I a o d i a

A e A n e a a e e i a o d u a a

A i a i o i y i e a a o a

E a o : e e e i e i a o a e u

A a d i e N i a a o n e i a N i p c a

I a d e E a c a d i a e : A a e e a e

i a o : e e c a i c a i u e a i d i a i e a a d a e i e i i o o i n o o

« E a o a e i ! »

- A : o i y o i ? - n i d i n e e a a o u e e i a d a i e e i m i i a a o .

E A a e e a e i a d a i e :

- I i a o a e e !

Абрамович рассказывал, что англичане во время войны изобрели искусственную сигарету. Эта такая электрическая конструкция, вроде зажигалки в машине. Надавил, спиралька нагрелась – и пожалуйста.

Главное – безопасно. Непогашенный окурочок может выбросить придурочек. А летчик тем паче. С лица-то спокойный, а кишки трепыхаются... Готовность № 1 объявили, и сиди. Рука на ключе...

А куда пошлют? На перехват? «Фау» сшибать – ракеты немецкие?..

У нее скорость слабенькая. Догонишь и бей! А для верности чуть ближе подошел – хоп, и взорвался. Так некоторые как ухитрились? На полном скаку подлетит и струей воздуха опрокидывает. Чтобы сошла с курса. Равновесие потеряла.

А у нас не так было, – Браверман говорит. – Тоже, конечно, курить запрещали. И готовность № 1, как положено. Бегом по машинам. Мотор работает. Сядешь в кабину, и трясет тебя, как от вибрации...

Тут девушки наши и приходили. У каждого летчика девушка была. Подавальщицы из столовой. А больше деревенские. Из села.

И прибежит. Запыхалась. Да на крыло.

Механик подсадит... А то из БАО кто-нибудь. Кузнец или молотобоец – их из военкомата прямо в БАО направляли, в батальон аэродромного обслуживания. Бомбы подвешивали... Ну и подсадит Марусю.

Она ляжет на плоскость и смотрит. А ты на нее. Локти расставит. Ладонками подопрется и улыбается. Бензином несет, двигатели шумят. И слова разные говорит. Губами. Всякие. Потому что никто ничего не слышит. Хоть кричи... Ты да Маруся.

Команду дали. Махнешь ей – и спрыгнет.

Опять тебя провожает. Улыбается. Последнее что-нибудь на прощанье кричит...

У нас в авиации, знаешь, какие потери были...

I d a i d a o i i n o e n a i u a u

Один немолодой полковник однажды пошел в гости. И вел себя крайне странно.

В сенях высотного здания топтался возле почтовых ящиков, медленно изучая. Он был полковник в отставке, – следственно, располагал временем, однако, даже с учетом данного обстоятельства, застрял слишком надолго. И лифтерша обратила внимание.

– Вы к кому? – спросила лифтерша.

– Тут... невысоко...

Голос был несколько запинаящийся, хотя вполне сохранил начальническую приказательность. А то бы лифтерша проследила, так ли невысоко ему нужно.

Полковник нажал в лифте необходимую кнопку и вынул блокнот, где было подчеркнуто: 19-42 – вероятно, этаж и квартира. Когда позвонил, сорок вторая дверь сразу же распахнулась, точно хозяйка ожидала гостей. В проеме стояла женщина, скорее молодящаяся, чем молодая, и мальчик школьного (тогда – пионерского) возраста. Они, все трое, уставились друг на друга, испытывая взаимную неловкость. Полковник, однако, был военный человек и быстрее применился к обстановке.

– Здравствуйте! – сказал он, глядя на женщину и мальчика. – Это ваш сын?

Женщина тотчас захлопотала, будто полковник завел ее ключиком:

– Вы к Семену Захаровичу? Он очень извиняется, что опаздывает... Пожалуйста, проходите... Сеня так ждал... – И предложила богатый ассортимент вопросов, из которых полковник выбрал один: – С чего вы взяли, что Зорик – мой сын? (Действительно, мальчик совсем не был похож на женщину.) Никто никогда не замечал...

– Думаю, – сказал полковник, – в молодости вы были такая же.

Женщина прищурилась, тряхнула черной копной и шлепнула сына, как бы отталкивая:

– Ну нет, я красивая!.. А потом – он толстый... А я в молодости, в войну, худущая была.

Итак, они приняли его за кого-то другого, за гостя Семена Захаровича (полковник догадался, что С.З. – муж женщины и отец мальчика), гостя, которого и в глаза не видели. Он не стал разуверять их, ибо это облегчало задачу. И даже подумал, что судьба, растянувши дорогу на столько лет, под конец все-таки милостива. Не надо изобретать повод – причину визита...

А судьба, казалось, и впрямь благоволила полковнику. Мальчик, обитая на девятнадцатом этаже, был авиамоделист и повсюду, на фоне неба, развесил свои игрушки – самолеты Большой войны, которые полковник безошибочно различал, толково разбираясь в вооружении.

Возник легкий спор, где установлена пушка на таком-то союзном истребителе... Мальчик молча и оскорбленно принес справочник на английском языке, и мать гордилась произношением сына.

– Не знаю, – пожал плечами полковник. – Когда я летал на нем...

Мальчику стало неловко – покраснел и заерзал. Но женщина видела его лицо, особенно глаза, полные мучительного любопытства, и откинув пышную шевелюру, взялась расспрашивать...

– Я ведь пижон был, – сказал полковник. – Потому и летчик.

Он коротко разъяснил тот неявный смысл, который обрело пижонство, в частности – тяга к вещам во время войны в авиации. Казалось бы, не все ли равно, в какой куртке или в каком шлеме тебя собьют, но вещи привязывали к земле, надеялся долго носить их, поражая воображение окружающих.

– А был у нас на базе механик, и были у него сапоги. Сейчас и не скажешь, чем уж такие расчудесные... Прошла мода, забылось...

– Да, это правда! – воскликнула женщина. – Недавно показывали по телевизору «Два бойца», и актриса там дико причесана, очень смешно... А я в войну сама так причесывалась, под «Два бойца». – И разметала волосы черной волной.

Полковник прикрыл глаза, словно окунулся с макушкой в ту черную реку... Может быть, и не выплыл...

– Я во время войны в госпитале работала, в Арзамасе. У нас много летчиков лежало.

– А дальше что? – нетерпеливо и требовательно сказал мальчик.

Женщина спохватилась и, отводя детскую невежливость, спросила преувеличенно оживленно:

– Да, что же дальше? Так интересно...

– А дальше – самое забавное. Вернулся из госпиталя, и как раз ввели «челночные» полеты.

Мальчик насторожился и весь как-то сжался.

– То есть такие полеты, что в Москве, например, я поднимаюсь в воздух, над Берлином обязан отбомбиться, а сажусь в Лондоне. Заправился и назад – опять кое-чем фрицев угостить. А из Москвы – в Лондон, а из Лондона в Москву... Так и мотаешься, как челнок.

– Вы были в Лондоне? – удивилась женщина.

А про себя, наверно, подумала: «Смотри-ка, он не так прост! Недаром Сеня...» И еще, вероятно, подумала, что Семен Захарович, ее муж, останется доволен приемом, который она оказала гостю.

– Да, был, – ответил полковник, – полгода почти.

– Ну, мама! – сказал мальчик сердито.

Он испугался, что сейчас разговор пойдет про Лондон (уж мать найдет, что спросить про Лондон!) и тогда не узнаешь самого главного. Но полковник понял опасения мальчика.

– И вот назначили меня в «челночный» рейс, первого в нашей части. И тот механик – он пришел ко мне и обещал свои сапоги, когда полечу. Чтоб не ударить мне в грязь перед британскими офицерами... Накануне сели мы, человек пять, на травке, провода устроили. И механик был. В сапогах. Последний раз надел.

Полковник замолчал, и очень надолго. Как женщина ни сочувствовала сыну, нарушить молчание не решалась.

Дальнейшее – максимально скупо. Налет. Где на травке сидели, дареные сапоги валяются. Один он в живых и остался – полковник. Кинулся к самолету. Над Германией подбили. Выбросился. Союзники в море подобрали. И через полгода на такой вот американской машине домой прилетел.

А его уж на тот свет списали. Пока в госпитале находился (там, в Лондоне), вестей о себе не давал, не до того было. А тут увидели сапоги – ну, значит, капут.

– Вот какая веселая история! – усмехнулся полковник. – С похоронкой...

Пришел Семен Захарович, усталый жизнерадостный человек, и разговор стал провисать, будто тяжелый буксировочный трос. Ибо те, кто его натягивал, несколько растерялись.

Семен Захарович полагал, что гость пришел к жене, а жена полагала, что к мужу. Посторонний же человек, если бы таковой присутствовал, непременно решил бы, что полковник пришел к мальчику.

Тем не менее Семен Захарович все более убеждался, что гость – знакомый жены. Когда пили чай, полковник сказал: «Вы, как прежде, вприкуску?» А нельзя же, черт побери, по внешнему виду определить, кто

пил (или пьет) вприглядку, внакладку... Семен Захарович мог поручиться: куда бы полковник ни смотрел, он вряд ли что-либо, кроме его жены, замечает...

Потом полковник простился, и супруги распутывали сотканную им паутину. Понадобилось двадцать минут, чтобы выяснить: ни к ней, ни к нему гость не приходил.

– Странный человек! – сказала жена.

Мальчик ушел, навязавшись полковнику в провожатые... Но не мальчик же, в самом деле, его пригласил!

– Слушай! – сказал Семен Захарович. – А может, он – тот летчик? Помнишь – Ефим... лежал у вас в Арзамасе в сорок втором, обещал жениться... А после сообщили, что погиб...

– Нет, – сказала женщина, – что ты!

Она, правда, не верила. Вдобавок ей не хотелось, чтобы муж знал, что живет где-то поблизости...

– Нет! Фима обязательно бы нашел меня... нашел раньше... столько лет прошло...

– Он искал все эти годы, – сказал Семен Захарович. – Ты уехала из Арзамаса, вышла замуж, сменила фамилию...

– Но... как же так? – Женщина уронила волосы. – Значит, по-твоему, столько лет наводил справки, столько лет не женился, столько лет жил один, ждал меня... Ведь так не бывает, Сеня. – И погладила мужа по голове.

А полковник шел с мальчиком и часто закрывал глаза, и тогда голос мальчика казался ему далеким голосом женщины.

Ààòòíàóé

Некто Дымщиц написал рассказ, который я называю «Песенка», а он называл «Баллада о Справедливости».

Дымщиц был летчик, занимавшийся литературой в силу возвышенного взгляда. И говорил со мной о будущем авиации, употребляя старинное слово – воздухоплавание.

Трехзначные ТУ еще не летали. Даже как тяжелые бомбардировщики. Хотя, наверное, были придуманы. И Дымщиц кое-что знал о них. Ему было известно, какие события произойдут в ближайшие годы. Турбореактивная эпоха выла в его ушах. И вот Дымщиц говорил мне:

– Это скучно. Какого черта закидывать в небо пятиэтажный дом...

Мы ехали в электричке. Параллельно нам, по шоссе, мчались послевоенные «газики» – тупоносые, как маленький «студебеккер». Американский инженер с русской фамилией (кажется, Бардин) собирал первый транзистор. Но нас в древнем вагоне развлекал нищий.

Самодельная конструкция, сбита из неструганных досок, прыгала между скамейками: «На позицию девушка провожала бойца...» А далее шли слова – стопроцентно народные: «На примете у девушки – уж другой паренек». Тоже, конечно, военный. «С золотыми погонами». Или, попросту, – тыловик.

Давным-давно я пропел этот вариант дома. По малому возрасту характер приобретенных знаний был мне не слишком ясен. Хотелось, чтоб мама глянула на меня. А еще лучше – взяла за руку и повела бы по улицам, рассказывая об отце...

Не стану касаться наших семейных дел. Но были они таковы, что я просыпался за полночь... И слушая песню про другой огонек, мама могла подумать, что укоряю ее. Вдобавок наша соседка... По тысяче причин или по одной моя мама внезапно заплакала.

– Если бы завтра вернулся папа... – сказала она сквозь слезы.

А я кричал среди ночи:

– Мама, мама! Не уходи! Ты где, мама?

И заботливая наша соседка утешала меня. Мама, дескать, на коммутаторе, срочно вызвали...

– Нет! – кричал я. – Неправда! Нет!

А толстый безногий катился в проходе, колотя об пол, как в барабан.

Тележка встала напротив нас, с разгона отскочив от скамейки. Рука поднялась и застыла, отдавая честь. Хотя Дымщиц был без погон, в старой шинели.

– Слава сталинским соколам! – приветствовал инвалид.

Руку держал на весу, растопыривши пальцы, и я увидел твердый желтый нарост, как на копыте.

– «Четвертную», Леня! – скомандовал Дымщиц, вкладывая в инвалида тогдашние три рубля.

Тот запел и поехал.

«Четвертная» была любимая песня моей мамы. И пластинка в шершавом бумажном футляре лежит у меня по сей день.

Но я не хочу ничего слышать. Не хочу видеть, как вылезает мама из военной машины «виллис», как длинные ее ноги тянутся из-под юбки, спускаясь к асфальту. И как идет она, напевая, к нашему дому. Под ручку с высоким майором. Или с веселым полковником.

– Разбейте четвертную мне! – кричал инвалид, удаляясь. – Я музыкантам заплачу! Я слушать музыку хочу и топтать каблуками!

Вот о нем и написал свой рассказ бывший пилот Дымщиц.

Они летали на одной машине. Их подбили. Аккурат в сорок третьем. Когда пропал без вести мой отец – штурман АДД (авиации дальнего действия). Тоже зимой. Глубоко за линией фронта...

Дымшиц был ранен и обгорел. А тот – Леня – ни царапины. И забрал у Дымшица оружие. Забрал продукты. Карту и компас. Даже теплые вещи – те, что сумел снять. И пули еще пожалел – Дымшица пристрелить.

И что там дальше с Леной да с Дымшицем – по рассказу – неважно. Только после войны столкнулись вдруг в электричке. Дымшиц живой, здоровый, летает, в кадрах... А Леня без ног.

*Áíçñ èðá ÷ àð áñðò í é áééáð
È ääéðá ÷ í á ðñéýí è,
Β ÷ áçñéáí òáí çáí éá ÷ á
Β ðéðáðü ÷ áçñéó ðí ÷ á
χòí á í é ðéó ÷ èíññí áí è!*

А что приключилось – поди знай. Приключилось – и ладно. Потому и зовется «Баллада о Справедливости». И написал ее Дымшиц – энтузиаст малой авиации. Он взял свою рукопись и твердо сказал, выделяя слова паузами:

– Полеты с детства. Над землей. На небольшой высоте. Изменят человека. В корне.

*Ðàçñáéðá ÷ àð áñðò í çñ ÷ í á
Í á ò ðñééè ðàçí áí ýéðá
Β ðéðáðü ÷ áçñéó ðí ÷ á
Β ÷ áçñéáí òáí çáí éá ÷ á
Ðñðáí áí è áñéðá!*

А сам Дымшиц уже не летал – работал ветродуйщиком на «Мосфильме». И по заказу режиссеров заводил бескрылые самолеты, которые вращением винта создавали ветер, нужный для киносъемки.

*Ðàçñáéðá ÷ àð áñðò í é áééáð
Í á çñí í èéá áññýðéè.
Β æáí èðá çáñéá ÷ ü ðí ÷ á
Β ÷ áçñéáí òáí çáí éá ÷ á
È áññáð áññ á í í ðýäéá!*

...Мама! Прости меня, мама! Не уходи, мама! Я больше не буду, мама!

Í ðèí á ÷ áí éá

«Ðàçñáéðá ÷ àð áñðò í çñ» – áñðéíéáý í áðí áí áý í áññ ý. Í áññáéè ðééèðá Í áñí Áðñáí áá

Старушка с прорушкой

Ī ēi ōāñ Ētō

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

Речь пойдет о старике. Следственно, обо мне, Пинхасе Коце. В дальнейшем – ПК.

Место действия – Марына роша. Общинный центр. Заседание «Литературного кафе». Время действия – первый и третий вторник каждого месяца. И подходит к ПК некто АД – Абрам Давыдович. Перестаньте, говорит, размачивать общинную сушку в казенной воде. Оторвитесь то есть от дарового угощения и слушайте сюда.

Абрам Давыдович – полвека московский житель. Изображает южнорусский говор исключительно для своего (и нашего с вами) удовольствия.

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

– Как, – спрашивает, – имя и отчество Григоровича?

– Который «Антон Горемыка»?

– Который он! – подтверждает. – «Петербургские шарманщики», «Деревня», «Гуттаперчивый мальчик», «Акробаты благотворительности», «Литературные воспоминания»... Как его имя и отчество?

– Дмитрий Васильевич, – говорю.

– А пишете почему-то – Владимирович...

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

И полюбуйте на мой позор: журнал «Лехаим», № 6, 2003, страница 67, третий столбец, восьмой абзац сверху... Аккурат первую строчку как-нибудь переправьте. А я, Пинхас Коц, навещу северную нашу столицу и повинюсь перед классиком на Волковом кладбище.

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

Хотя вроде бы не до шуток. Абрам Давыдович укоряет нас, что в январской публикации («Воздух времени») рифмовали мы «марранов – баранов». Ведь марраны, дескать, не только евреи, которые покорились королевским указам, безропотно перейдя в католичество, а именно те из них, кто втайне исповедовал иудаизм.

Знаючи! Внесите, прошу вас, терминологическую ясность. Леон Поляков («История антисемитизма») пишет:

Термин «новообращенный христианин», или «конверсо», расширил сферу своего применения и стал обозначать всех, у кого были еврейские предки.

А чуть ниже, в сноске, – цитата из Рабле:

Я (Пантагрюэль) предпочитаю скорее иметь дело с турками, чем с испанцами, большинство которых – марраны, обращенные евреи.

Сам Поляков (в некотором роде) согласен с Пантагрюэлем (и Рабле):

Нет никакой нужды повторять, что чистота крови является мифом и не бывает испанцев, вообще не имеющих хоть одного обрезанного предка.

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

Чтобы развеселить вас, отвлекусь малость в сторону русской литературы. В «Литературном кафе» оно вроде уместно.

Говорят, дневники Блока не напечатаны полностью до сих пор из-за юдофобских выпадов. Великий поэт не прощал евреям собственной родословной. Пращур его приглашен был к царю Алексею Михайловичу как лекарь или аптекарь. По вероисповеданию – христианин. Приехал из Германии. «Значит, немец! – настаивал Блок. – Почему непременно выкрест?»

Раскроем, однако, переведенный с английского справочник. Раздел «Фамилии-аббревиатуры»:

Блок <Ben Loeb Kahen>

Сравни: Брик <Ben Rabbi Yoseph Kohen>, Маршак <Morenu Rabbi Selomo Kluger>

Нет в мире ни одного Блока (Блоха) без иудейского предка.

ŌĒŪĀĪ ĒŌĀÑŪ, ĀĀDĀĒ!

Вспомните, между прочим, рыжего Мотэля из поэмы Уткина:

***Ā ī ōōyāā
Ñ ī īāī āī āēāī
Ī ī ōīēā
Āēīō!***

Вернемся в «Литературное кафе» к нашему благожелательному обличителю, которого, наконец-то, формально представим – Абрам Давыдович Крацер. Человек серьезной биографии и многосторонних интересов, автор содержательных мемуаров и эссеистических записок. Мы же обратимся к путевому очерку «По Испании»:

Я знал об изгнании евреев, что очень многие крестились, сменив старозаветные имена: Барух, Исаак, Мирьям или Сарра на Хуан, Рамирес, Мигель, Изабель... Своим новоявленным братьям дали испанцы довольно обидную кличку «марранос» – свиньи, проклятые. Но выкресты, и подлинные, и мнимые (тайные приверженцы прежней веры), – равно именовали себя древнееврейским словом анусим (изнасилованные). Оно живет за Пиренеями по сей день. Значит, многие поколения (уже пять веков) не забывают далекого прошлого (смотри рассказ Исаака Зингера «Суббота в Лиссабоне»).

Да, в Испании не умерла память о еврейских кварталах в Жироне, Толедо, Барселоне, и недаром местные уроженцы так похожи на обитателей Иерусалима, Тель-Авива...

Таких лиц все меньше в России. Они рассеялись по миру. Кто – на «землю обетованную». Иные – в Европу или Америку, открытую, по легенде, в год изгнания (1492) испанским католиком-марраном. Христофор Колумб будто бы верил, что есть где-то страна, населенная людьми потерянных колен Израилевых и, обогнув землю с запада, найдет он кратчайший путь...

Я думаю, наши потомки, что обретут в Палестине не историческую, а настоящую Родину, – наши правнуки и праправнуки с волнением будут читать на иврите русские книги, бродить в туристической толпе по улицам Москвы, Киева или Минска, разглядывать классические полотна, находя в них нечто до слез близкое.

Эти слезы принесут им радость и успокоение. Как было оно со мной. В Испании. Перед старинной картиной, где сиял семисвечник на расстеленном талесе.

Οἴμαι ἐὸν ἄνθρακας!

Ἰ δὲ ἄνθρακας

Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας - ἰ εἶναι Ἰ ἀγέλας ἐε, - αὐτὸ Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας - ἐμὴ ἀνθρακας

Ἐπαίξι ἀνθρακας! Ἰ ἀνθρακας ἐε ἔτι ἄνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας (Ἐπαύξει, 1988, σ. IV, π. 431, 432), πὸ ἀνθρακας «ἔτι ἄνθρακας».

**Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας,
Ἰ δὲ ἀνθρακας ἐε Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας
«Χοὶ ἀνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας?
Ἰ εἶναι ἄνθρακας!
Ἐπαίξι ἰ εἶναι ἄνθρακας ἐε ἔτι ἄνθρακας
ἀνθρακας ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας
Ἄνθρακας ἐε ἄνθρακας
Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας -
ἐε ἰ εἶναι ἄνθρακας
Ἰ εἶναι ἄνθρακας
ἀνθρακας ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας
ἰ εἶναι ἄνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας
(ἀνθρακας
ἀνθρακας
ἀνθρακας ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας):
«Χοὶ ἀνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας
Ἀνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας!
Ἄνθρακας ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας
ἐε ἰ εἶναι ἄνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας
πὸ ἀνθρακας ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας»
Ἄνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας
«Ὀδὸν τοῖο ἔτι ἄνθρακας ἰ εἶναι ἄνθρακας»**

Смешная история

Ади-Еврей

Революция была в красной рубашке и разговаривала по-немецки. Она стояла на 1-й Мещанской возле метро «Ботанический сад» и тыкала себя в грудь:

– Ich bin ein Maler... Maler.

– Художник! – перевел я с опорой на бабушкин идиш. И для ясности уточнил: – Kuenstler?

– Nein, nein! – замахал руками. – Ein Maler... Maler!

И произвел некий жест, отчего женщина в рабочих штанах сразу же догадалась:

– Да он маляр!

– Ja, ja, Maler! – И будто бы сунул кисть в воображаемое ведро.

Маляром был наш сосед Толя. Так и говорил своей Дусе:

– Я – маляр. А тебе что, надобно академика?

В ответ Дуся хватала его за вихор и таскала по всему нашему бараку на Октябрьской улице, в прежней Марьиной роще.

В будни Толя был тихий. По воскресеньям Дуся пряталась от него у нас, у соседей. Он гонялся за нею чуть ли не с топором, сотрясая квартиру.

– Я маляр, еврей! – ломился к нам в дверь. – А ей что, надобно академика?!

И вот этот датский мальчик в красной рубашке и белых штанах – он тоже, оказывается, маляр. То есть маляр-то его отец. И мальчик помогал ему на каникулах. Заколачивал денежки, чтобы приехать на Всемирный фестиваль молодежи.

Сам-то студент. По-нашему – педагогического училища. Будет преподавать в младших классах. Программа тяжелая – пять языков: английский, немецкий, французский, латынь, греческий...

«Если бы парни всей земли...», – гремела из репродуктора тогдашняя песня. Марк Наумович Бернес призывал нас душевным голосом что-нибудь сотворить. Что-то хорошее. Навалиться всем миром. Разом и впопыхах... Не помню...

– Спроси его насчет безработных...

Да-да, закивал маляр, есть безработные. Получают пособие... Но и у вас тоже имеются.

Как? Здесь, в Москве? Летом 1957 года?

В нашем бараке на Октябрьской улице только-только провели газ, поставили центральное отопление, а прочие удобства перенесли со двора в конец коридора, окончательно подключая к цивилизации.

– У-у, еврей! – кричал маляр Толя. – Лучше бы, так вас и сжак, взорвали!

А датский маляр указывал на троллейбус. Дескать, водитель (и порулил в воздухе) ведет, а девушка (опять же изобразил) отрывает билеты. Это и называется «скрытая безработица». Потому что девушка совершенно лишняя. Вместо нее прекрасно управится механизм.

1-я Мещанская сделалась вскоре проспектом Мира. С одноименным метро.

Но долго еще ходили раскрашенные к фестивалю троллейбусы, автобусы и даже грузовики. Потом они обесцветились. И на облезлых боках появилась скромная надпись черными буквами: маршрут работает без кондуктора.

– Excuse me, – сказал в нашей фестивальной толпе мой дядя Яков Абрамович...

И революция заговорила с ним по-английски.

ІАСААІЕА ІІА ЕІІАӨ

Когда «третья волна» эмиграции окатила Америку, там решили подразобраться, что за русские к ним пожаловали. И как положено по науке, произвели, говорят, социологическое обследование. Составили, надо думать, анкетку с разными любопытными пунктами. И в частности, спрашивают:

Если, извините, сложилась конфликтная ситуация, Вы предпочитаете что: 1) бороться до конца; 2) достичь компромисса; 3) уступить?

Ну и отвечай по принципу – «ненужное зачеркнуть».

И что ж оказалось лишним для бывших наших сограждан, что сидели с нами за одной партией, избирали темой для сочинения «Образ Павки Корчагина», сдавали зачет по «научному изму», получая отгул за прогулки с народной дружиной?

Ведь если честно, русские-то они русские, однако евреи. Древний народ. Пускай по-библейски «жестоковыйный», то бишь «упрямый», да в смысле гибкости – хорошо тренированный. Что мировой, что отечественной историей...

Наше племя очень дрессированное, – писал Эренбург. – Мы видали девятьсот пленений.

Но с детства громившие соглашателей-оппортунистов новые эмигранты презрительно отвергли отступление с компромиссом. Зато в подавляющем большинстве утвердились на пункте «раз» – борьба до конца.

Вот это наше боевое, рыцарское, жестоковыйное качество и окрестили в Америке
КОМПЛЕКС КОРЧАГИНА.

**ÁÚÂØÈÁ Ī ĐÀÇÄĪ ÈÈÈ
ñ àí áéäî ò îî**

– Каганович, вы где работаете?

– На железной дороге.

– А кем?

– У шлагбаума.

– Как? Там разве тоже есть наши!?

День железнодорожника установлен вот по какому поводу: товарищ Иосиф Виссарионович С и прочие ответственные члены (Политбюро и Правительства) принимали в Кремле соответствующих работников. Товарищ С прямо сказал:

– СССР, – говорит, – немыслим без первоклассного ж.-д. транспорта! – И лукаво произнося «ж.-д.», покосился на соседа, железнодорожного наркома Лазаря Моисеевича К.

С тех пор и празднуем. В первое воскресенье августа...

Напрасно и тщетно отстальные граждане умоляли:

**Ī ñòîé, ï áééíéñò! Ī á ñòó-èòá, éíéáñà!
ÈĪááéòîî, íáæí è íá òîðĪ íçà!**

Куда там! Главную-то песню пока не забыли? Сейчас напую. Разом с маленькой байкой, где задействована вся местная азбука, а персонально и эксклюзивно – литеры У, Ы, Э. Слушайте:

– Наш паровоз, вперед лети! – сказал Ы, хмыкая и с ухмылкой. – Знаете песню? Ну и летим... А в коммуне-то – остановка.

– Э? – спросил Э. – Кому не остановка?

– Кому не, а кому надо, – сказал Ы. – Выходит Некто, забрался на паровоз: товарищи-граждане, все на воскресник!

– У-у, – прогудел У, – поехали!

И вся азбука, в полном составе, чокнулась. Чокнутая была азбука.

– Наш паровоз, вперед лети! – сказал Ы, хмыкая и с ухмылкой. – Знаете песню? Ну и летим! А в коммуне-то – остановка.

– Э? – спросил Э. – Кому не остановка?

– Кому не, а кому надо, – сказал Ы. – Дорога-то кончилась. Выходит Некий: «По порядку номеров – рассчитайсь!.. Нечетных, – говорит, – к стенке. Четные-почетные – за работу. Чтоб утром была дорога!»

– У-у, – прогудел У, – поехали!

И чокнутые опять чокнулись.

– Наш паровоз, вперед лети! – сказал Ы.

– Э? – спросил Э.

– Выходит Следующий, – сказал Ы. – Ребята, говорит, без паники. Сохраняйте спокойствие. Бери рельсу сзади, клади наперед!

– У! – сказал У.

– Э? – спросил Э.

– Выходит Будущий, – сказал Ы, – неизвестный молодой человек. Друзья, командует, по местам! Задраить окна и двери, спустить занавески и раскачивать вагон!

**Ī áó Ī áðĪáñç, áí áðáá éáòè!
Á éĪ Ī óíá- Īñòáí íáéá
Áðááñ Īáò ó íáñ Ī óòè.
Á ðéááò ó íáñ- áéí ò íáéá**

DAÑI DB

Èèàí à Àðòè

*Í ðèò-à í òí Èàì óó è Ààð-Èàì óó - ãããã à ðàèì óóá, èíòíðð ÷ èòàðò í àíáá Ááííòóí Ááá
Í ðèò-à í íáííòáííò í ðàííðáò í áçéó ááííí è, ÷ òí í ðèáíè è ðàðíóáí èð Òðàí à*

Жил в Иерусалиме очень богатый человек – Зюша. И собрался отпраздновать свадьбу дочери. Позвал на торжество именитых людей. Среди них – близкого друга Камцу. А слуга по ошибке оповестил злейшего врага – Бар-Камцу.

И правда, немудрено спутать. «Камца» – скупой, а «бар-камца» – сын скупого. Может, и впрямь одна семья. Только скупого отца – Камцу – почитал Зюша как приятеля, а сына скупого – Бар-Камцу – на порог не пускал... А он-то как раз и приходит.

Зюша от злости позеленел.

– Пошел вон! – кричит. – Чтоб духу твоего не было!

Бар-Камца опешил. И в мыслях не держал, что слуга промахнулся. Наоборот, приглашению обрадовался. И служителя, при всей скупости, наградил. «Не иначе, – надеется, – помягчел Зюша. По случаю семейных событий желает мириться». Расщедрился на подарки, речь застольную приготовил... А ему, значит, от ворот поворот.

– Послушай, сосед, – сказал Бар-Камца. – Раз уж оно так случилось и я здесь, позволь мне остаться... Нет ведь никакой причины нам враждовать...

– Вон! – кричит Зюша. – Не то силой выведем!

– Зачем сразу силой? – Бар-Камца вздохнул. – Давай я оплачу твоё угощение... Все, что и съем и выпью.

– Вон! – Зюша затопал ногами. – Эй, слуги!

– А что если, – подмигивает Бар-Камца, – я возьму половину твоих затрат?

– Пошел вон, скупец! – завопил Зюша. – Одни деньги на уме...

– Хорошо, – сник Бар-Камца. – Разреши мне остаться и не позорь, пожалуйста, перед людьми... А я беру на себя все свадебные расходы.

– Вон, говорю! – И слуги вышвырнули Бар-Камцу.

В большой обиде припелся бедняга домой. «Самое горькое, – думает, – никто за меня не вступился!» Ему бы отца навестить, посоветоваться. Да тому сейчас не до сына. В аккурат на свадьбу отправился. Гуляет у Зюши!

«Ладно! – решил Бар-Камца. – Всем отомщу!»

Долго ли, коротко – прибыл в Рим. И шаст к императору. Имею, дескать, наиважнейшее государственное донесение.

– Ну, чего тебе? – император спрашивает.

– Евреи, Ваше Величество, восстали против Рима.

– А чем докажешь?

– А вот, Ваше Величество, – поклонился Бар-Камца, – пошлите в Храм жертвенного тельца.

– И что?

– А то. – И на полу распластался. – То, Ваше Величество, что евреи не примут.

Нахмурился император.

– Быть по сему! – приказал. – А ты, верный еврей, будешь сопровождать.

Бар-Камца привез тельца, которого тщательно, как положено, осмотрели. Видят: губы порезаны, веко надорвано... Или, прикидывают, в дороге не уследили, или Бар-Камца тайком постарался... Да нам-то, евреям, что теперь делать?

Отвергнуть дар императора? Представить Всевышнему жертву с изъяном?.. Нет, рассудили, земного властителя боимся поменьше, чем небесного... Забраковали тельца.

И кесарь – повелитель полумира – подступил к Иерусалиму с несметными легионами. Они разорили город, спалили Храм, изгнали евреев с родимой земли.

.....

– А всего-то, – говорил дедушка, – два соседа повздорили.

Ḍaáo èè òàðñò àí àò ò ù

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 5–7

Āēāāā òāñò í àāōàò àÿ Ā ēīāōēá

Элиезер и Бархияу изо всех сил пытались собрать нужную сумму, чтобы вернуть Ореву долг. Но ничего не получалось. Большинство иерусалимских богачей были саддукеями; их Бгобязненные братья не могли да и не хотели просить о пожертвованиях. А среди немногих состоятельных людей, им обоим близко знакомых и не попавших под влияние приверженцев чуждых взглядов, собрать такие огромные деньги было невозможно.

Прослышав о тщетных попытках братьев рассчитаться с ним, Орев послал сказать Элиезеру: «Не усердствуй чрезмерно, стараясь вернуть мне долг. Теперь я ни в чем не нуждаюсь и готов надолго предоставить тебе длительную отсрочку».

...Миновало уже два года со дня исчезновения Итамара. Тирца по-прежнему отказывалась выйти за другого и хранила верность жениху. Но однажды к Элиезеру явился Орев и сказал без всяких предисловий:

– Сожалею, но я принес вам худую весть. Вы, конечно, слышали про то, как в последнее время на торговых путях близ Андроломосии бесчинствовали дерзкие пираты. Они топили корабли без числа и даже высаживались на сушу, нимало не боясь грабить и жечь прибрежные города и селения. Кесарь наконец выслал против них военный флот. Сражение было долгим, римляне одержали победу, пиратские корабли частично утонули, частично рассеялись по морю. Но римляне тоже понесли тяжелые потери. Корабль Йоно пошел на дно вместе со всей командой. На этом корабле находился Итамар, несчастный сын моего покойного господина.

Услышав это, Тирца в отчаянье заломила руки и разразилась рыданиями. Элиезер даже не пытался ее успокоить – он сам был потрясен до глубины души. Глаза его наполнились слезами:

– Ах, друг мой Эльяким! Отзвучало твое славное имя над горами и долинами Израиля! Исчезло навеки... Откуда эта страшная весть, Орев?

– Наместник вчера прибыл в Кесарию и привез новости прямо из Рима. Один чиновник, с которым я в дружбе, сообщил мне о гибели Итамара.

Орев удалился, оставив Тирцу и ее отца предаваться горю.

На следующий день в дом к Элиезеру постучался человек по имени Сумхус и объявил:

– Благородный господин! Я пришел сюда по поручению почтенного Орева, чьи доброта и праведность достойны всяческих похвал. Он послал меня от его имени просить у тебя руки твоей дочери.

– А сам ты, Сумхус, – мрачно поглядел на гостя Элиезер, – для чего согласился исполнить это поручение? Разве неведомо тебе, что моя семья – одна из самых знатных в Иудее, что мы ведем свой род от царя Давида? По-твоему, такой человек, как я, может выдать свою единственную дочь за бывшего раба?

– А разве спасет тебя твоя родословная от тюрьмы? – возразил Сумхус. – Какой бы она ни была? Берегись, господин мой, возбудить дерзкими словами гнев Орева! Ты сам поставил себя в зависимость от него и его решений. Он хранит подписанное тобой долговое обязательство, которое ты не в состоянии выкупить. В его власти в любой момент заключить тебя в долговую тюрьму. Кроме того, Орев приобрел небывалое расположение римского наместника. Милости Пилата он добился дорогими и многочисленными подношениями. И если тебе придет в голову упомянуть о своем презрении к нему перед наместником, то знай наперед – гнев римлянина будет ужасен. Ты должен помнить слова царя Шломо: «Должник – раб займодавца». Не сможешь вернуть долг – окажешься в тюрьме, а все твое имущество пойдет с молотка. Но поскольку имущества твоего наверняка не хватит для покрытия долга, тебя самого продадут в рабство. И хозяином твоим станет Орев. Именно он. Вот я и спрашиваю: хорошо ли это будет, если потомок царя Давида окажется рабом у бывшего раба?

Элиезер побледнел, глаза его налились кровью. Он силился что-то сказать, но неожиданно почувствовал, что не может вымолвить ни слова. Язык словно парализовало. Сумхус поглядел на него с жалостью:

– Ты спросил меня, отчего я взял на себя поручение Орева. Знай же – я сделал это потому, что весьма уважаю и почитаю тебя и твою дочь и всей душой хотел бы избавить вас от страшной участи. Орев собирался явиться к тебе лично, но я удержал его. Я боялся, что сгоряча ты наговоришь ему всякие обидные вещи и сразу навлечешь на себя беду. Пожалуйста, Элиезер, поразмысли хорошенько над всем, что произошло. Орев, конечно, бывший раб, но разве сейчас в глазах закона он не стал свободным евреем, не стал гражданином Израиля? Кроме того, он еще и сказочно богат, известен как крупный благотворитель, соблюдает заповеди. Все достоинства при нем. Помнишь, что говорили мудрецы по поводу взрослой дочери и освобожденного раба? Подумай, Элиезер, какова будет судьба Тирцы, если все, что ты нажил, пойдет с молотка, а сам ты станешь рабом! Разве найдется тогда хоть один юноша из знатной семьи, который захочет взять ее в жены? С другой стороны, стоит вам обоим согласиться на просьбу Орева, и он немедленно вернет тебе твое долговое обязательство. Видишь, выбор совсем прост: либо богатство и свобода, либо рабство и позор. Выбирай, что тебе больше по нраву... Теперь я отправляюсь домой, а завтра вернусь за ответом.

И Сумхус ушел, оставив хозяина в одиночестве. Сердце Элиезера разрывалось от боли, из глаз текли горячие слезы, которых он даже не замечал. В таком состоянии и застала его дочь, зашедшая к нему с каким-то делом.

– Что случилось, отец? – вскричала она в испуге. – Какое новое горе постигло нас? Отвечай!

– Ужасное горе, ужасное, дочь моя, – проговорил, глотая слезы, Элиезер. – Орев, бесстыжий негодяй, хочет вынудить меня отдать тебя ему в жены. Он не оставил своих намерений. Я целиком и полностью в его руках. У него мое долговое обязательство, а у меня нет денег, чтобы заплатить. И теперь он имеет полное право взять и продать все мое имущество, а меня превратить в собственного раба. Конечно, по закону Торы он этого совершить не сможет, но он подкупил римского наместника, и римляне сделают все, что он у них попросит.

Тирца была сражена. Одна новость страшнее другой! Закрыв лицо руками, она долго и горько плакала. Потом, успокоившись, немного приди в себя, тихо спросила:

– Что же мы станем делать, отец?

– Я выдержу все страдания, что выпадут мне на долю, но не отдам свою дочь, дочь потомка царя Давида, этому презренному и наглому рабу, – твердо сказал Элиезер.

– Но я не выдержу, отец! – воскликнула Тирца. – Как ты не понимаешь? Разве смогу я смотреть на твои мучения, на твои опозоренные седины, зная, что в моей власти избавить тебя от всего этого? Чтобы спасти тебя от нищеты и рабства, я, ни секунды не задумываясь, сделаю абсолютно все. Приму любую участь.

– Ты... Ты готова согласиться?..

– Разве не так же поступил несчастный Итамар, когда пожертвовал собой ради спасения любимого отца? Да и какая разница? Все равно без Итамара нет мне счастья!

Элиезер с тоской смотрел на дочь. Смотрел долго и безотрывно. Разные мысли беспорядочно блуждали в его голове, но он не мог отыскать хоть какой-нибудь выход из тупика. В конце концов, бросившись Тирце на шею, он проговорил с рыданиями:

– О, как скорблю я о судьбе твоей, дочь моя! Ведомо всем – ты достойна куда более завидной участи. Но Всевышний в великой Своей мудрости решил так, как он решил, и нам остается только смириться с его волей!

Когда на следующий день Сумхус объявил Ореву, что отец и дочь согласились на его предложение, радости злодея не было границ. Еще бы! Ведь теперь он достиг предела своих желаний. Теперь он занял место Итамара и в доме Эльякима, и в доме Элиезера. Теперь он не только наследник всего состояния отца бедного юноши, но еще и унаследовал красавицу-невесту, известную своими умом и душевным благородством. Победный вопль сорвался с его губ; потом он произнес надменно:

– Вот поднялся я на вершины гор. И кто сбросит меня вниз?!

*Àëàà ìîî í ààòàò àÿ
Í à êîðàáèà*

Римская боевая галера, рассекающая океанскую гладь, внешне выглядела весьма эффектно. Множество весел в едином ритме вздымались над поверхностью воды и разом снова погружались в глубину, продвигая судно вперед. Это было удивительно красиво. Внутри, однако, галера являла собой гнетущее зрелище. Шестьдесят рабов, прикованных к сиденьям (по три ряда вдоль каждого борта), всем телом налегали на весла, подгоняемые кнутами безжалостных надсмотрщиков. Конец каждого весла был снабжен свинцовой рукоятью, прилаженной к нему с помощью кожаного ремня, что позволяло гребцам совершать круговые движения. Эта конструкция требовала от гребца определенной сноровки и опыта, иначе бывало трудно совладать с набежавшей волной. Гребцы двух ближайших к борту галеры рядов во время плавания сидели на скамьях, гребцы же третьего ряда работали стоя, и весла их были длиннее. Несчастливым запрещалось даже разговаривать между собой. День за днем они проводили на корабле в полном безмолвии. В часы работы они не видели лиц друг друга, видели только загорелые натруженные спины, покрытые обильным потом и бесчисленными шрамами от ударов кнута. Кратких перерывов им едва хватало на еду и сон. Никто никогда не видел галерного гребца улыбающимся или поющим. У этих бедолаг не осталось ни помыслов о свободе, ни надежд, ни желаний. Кого только среди них не было: британцы, ливийцы, лангобарды, евреи, римляне, приговоренные судом к наказанию, скотты, греки, варвары... Их разум мало-помалу угасал, а воля была сломлена беспросветно-жестоким рабством. Лишь единицы умудрились сохранить подобие человеческого облика. Подавляющее же большинство несчастных привыкли к своему полуживотному существованию и превратились в послушные, неразмышляющие придатки к веслам, на которые они машинально налегали даже во время самой сильной бури.

В удобном кресле, возвышавшемся над палубой, восседал римский трибун – капитан судна. Галера плыла, он следил за ее ходом, предавался воспоминаниям, размышлял о самых разных материях. Разумеется, о страданиях, о злосчастной участи гребцов этот человек и думать не думал. Однако их монотонные движения наводили на него скуку, даже тоску, и, чтобы отвлечься, он принялся разглядывать рабов. К ним даже не обращались по имени, их окликали по номерам, начертанным на скамье. Пристальный взгляд капитана скользил от одного гребца к другому, пока не остановился на том, который значился под номером шестидесятым. Как и его товарищи, этот раб был почти обнажен, всю его одежду составляла набедренная повязка. Молодой... По всей видимости, не достиг даже и двадцати. Последнее обстоятельство, впрочем, не возбудило в римлянине жалости, а вот изящный торс, гордая осанка, красивая голова произвели впечатление.

Доселе он полагал, что так великолепно сложены бывают лишь его высокородные соотечественники, неустанно занимающиеся гимнастикой на стадионах. «Этот юноша мне нравится, – пробормотал римлянин себе под нос. – Пожалуй, он заслуживает лучшей участи, чем быть прикованным к галере. Надо бы разузнать о нем побольше и проверить, на что еще он может сгодиться». В этот момент юноша повернул к нему лицо.

– Еврей! – воскликнул про себя римлянин. – И почти отрок!

Щеки юноши зарумянились, когда он заметил обращенный на него взгляд. На мгновение он забыл о весле, но тотчас услышал окрик надсмотрщика. Очнувшийся от грез юный раб вернулся к своим обязанностям и налег на весло с удвоенной силой. Украдкой посмотрев на капитана еще раз, он был удивлен и озадачен доброжелательной улыбкой, осветившей лицо трибуна.

Тем временем корабль вошел в Мессинский пролив, миновал город Мессину и продолжал двигаться на восток, оставив позади клубы дыма, изрыгаемые огромным вулканом. Всякий раз, когда капитан возвращался на свое место, взгляд его безотчетно отыскивал красивого юношу. «Он не такой, как другие, – бормотал римлянин едва слышно. – Парень – еврей. Когда-то один еврей спас мне жизнь. Надо бы узнать, откуда взялся этот». Во время смены вахты он спросил надсмотрщика, проходившего мимо:

– Не знаешь ли ты, кто вон тот раб? Ну, который только что встал со скамьи?

– Номер шестидесятый? – уточнил надсмотрщик, взглянув туда, куда указывал капитан.

– Он самый.

– Господин, конечно, знает, что эта галера построена только несколько месяцев назад; ее команда поэтому еще плохо мне известна.

– Он еврей, – сказал капитан.

– У благородного господина Сирануса острый глаз!

– Он очень юн.

– Незвизрая на это он наш лучший гребец, – усмехнулся надсмотрщик. – Иногда мне кажется, что весло вот-вот сломается под его мощным нажатием.

– Каков нрав этого раба?

– Он очень дисциплинирован. Больше я о нем не могу ничего сказать. Хотя нет... Однажды он просил, чтобы я временно перевел его на другой борт.

– Зачем?

– Он заметил, что когда гребец постоянно сидит у одного и того же борта, у него вырабатывается непреодолимый автоматизм. Возможно, как он сказал, во время бури или в бою ему придется заменить кого-нибудь у другого борта, а он не сможет с этим справиться.

– Это оригинальная, это просто блестящая идея! Что еще ты можешь о нем сказать? Подумай хорошенько!

– Ну разве только то, что он заботится о чистоте своего тела в отличие от товарищей.

– Тут он скорее римлянин, нежели раб-чужеземец, – с удовлетворением кивнул капитан. – Что тебе известно о его прошлом?

– Ничего.

Капитан немного подумал и сказал:

– Если во время следующей смены вахт я буду на палубе, пришли его ко мне.

По прошествии двух часов Сиранус сидел на палубе под корабельным флагом. По выражению его лица можно было понять, что он чего-то ждет. Штурман находился на своем обычном месте, несколько матросов спали в углу. На вершине мачты стоял впередсмотрящий. Неожиданно Сиранус заметил, что к нему приближается кто-то из рабов.

– Я к твоим услугам, господин, – объявил тот подойдя.

Сиранус смотрел на него со скрытым удовольствием. Достойное поведение и учитывая речь свидетельствовали о том, что юноша рос и воспитывался, что называется, в хорошей среде. И наставники его были, очевидно, людьми благородными и образованными. Открытый взгляд юноши скорее можно было назвать любознательным, чем дерзким. Он спокойно и с достоинством встретил пристальный взор своего командира. Ничуть не смутился, не изменился в лице. И капитан заговорил с ним не как господин с рабом, но как старший с младшим:

– Говорят, ты лучший гребец на судне.

– Благодарю тебя за похвалу, мой господин.

– Давно ты стал гребцом?

– Почти три года назад, господин.

– Это тяжкий, изматывающий труд. Мало кому удастся продержаться больше года, а ведь ты еще и совсем юн!

– Благородный господин забывает, сколь важна для человека воля к жизни и как мощно она влияет на выносливость. С ее помощью слабым удается выдержать то, что сокрушает сильных.

– По произношению твоему можно заключить, что ты еврей. Это так?

– Отцы отцов моих были евреями задолго до того как возник Рим.

– Вот и ты несешь в сердце великую гордость своей нации. Чем же ты можешь гордиться?

– Тем, что я еврей.

Сиранус улыбнулся.

– И как же ты попал сюда?
– Я был обвинен в организации заговора с целью свержения римского владычества в Иудее.
– Ты? Не может быть! Ты ведь почти мальчик! Как твое имя?
– Итамар бен Эльяким.
На лицо капитана как будто легла тень, он нахмурился.
– Можешь вернуться на место.
Слегка поклонившись, Итамар направился к своей скамье.

*Ἐὰν ἀνὴρ ἰσχυρὸς αἶψά
Ἐξ ἀνάγκης ἰσχυρὸς αἶψά*

Итамар возвратился и взял в руку весло с волнением и надеждой в душе. Луч солнца неожиданно осветил непроглядную тьму его нынешнего бытия. Он не узнал в капитане спасенного им некогда римского офицера, не вспомнил его имени. Но благородный римлянин одарил его почти дружеской улыбкой, поинтересовался происхождением и прошлым... Всего этого было довольно, чтобы пробудить в юноше радостное предчувствие перемен. В сердце затеплилась вера в спасение. Его впервые посетили мысли о будущем. И в самом деле – отчего бы капитану им интересоваться? Просто из любопытства? Вряд ли. Может, его ожидает скорое освобождение? В противном случае, зачем бы его звали к капитану? Конечно, все это очень странно. И необъяснимо. Уже почти три года Итамар был гребцом, за это время его не раз переводили с корабля на корабль, но ни один римский офицер не удостоил его даже взглядом, не говоря уж о беседе. Галеры бороздили моря, но гребцы ничего не знали о том, каков будет конечный пункт их плавания. Перед боем их с особым тщанием приковывали к скамьям, чтобы никому не пришлось в голову взбунтоваться или сбежать, бросившись в воду в общей суматохе.

Итамара уже потихоньку начала засасывать рутинная ужасающей новой жизни, где нет места упованиям, думам о завтрашнем дне. И вдруг – луч надежды! Перед мысленным взором юноши мелькали картины былого. Когда в тот памятный день он вошел во дворец наместника, страхась за судьбу отца и тревожась за собственную участь, его немедленно схватили, заковали в кандалы и отвезли в тюрьму. Он лишь успел услышать, как Валериус Гратус приказал освободить Эльякима, и понял: жертва его не напрасна. Это было единственным, что осталось в утешение. Без всякого суда и следствия следующим утром под конвоем римских солдат его отправили в Яффо, там перевезли на корабль и приковали к скамье вместе с другими гребцами. С тех пор он бороздил моря с севера на юг и с востока на запад, побывал в разных частях света, но так и не сумел узнать, к берегам каких стран причаливал. Рабов не выпускали на сушу. Они вообще не имели права покинуть судно, только когда их переводили с одного корабля на другой.

Понемногу Итамар стал забывать прошлое, память слабела, он, к примеру, уже почти не помнил свое безоблачное детство. Но после разговора с Сиранусом на него вдруг нахлынули воспоминания о прошлой жизни. Что стало с отцом? Жив ли он или давно умер от тоски по единственному сыну? А Тирца, что с ней? Забыла своего суженого и отдала руку и сердце другому или по-прежнему хранит верность первой любви? Как там Орев, управлявший всем их хозяйством?.. Мысль о рабе оставила в душе неприятный осадок. Возможно ли, чтобы Орев и впрямь был предателем? Хотя в жизни случается всякое... А что случилось с его товарищами – Эльазаром, Бараком, Иеудой и остальными? Попали они, подобно ему, в руки римлянам? А может, им удалось ускользнуть? В сердце юноши неожиданно возникло непреодолимое желание: вернуться на родину и мирно жить там по законам Торы, по заповедям Всевышнего. Ничего подобного он не испытывал с того самого дня, когда впервые поднялся на римское судно, решив, что иерусалимская жизнь оборвалась навеки. Страстная молитва к Отцу Небесному рвалась из его многострадального сердца; глаза бедного Итамара наполнились слезами, пока руки привычно сжимали весла.

Капитана Сирануса тоже обуревали необычное волнение и противоречивые мысли. Сидя на палубе, он размышлял о беседе с еврейским юношей. Поначалу он его не узнал, но звук его имени оживил память капитана. Да, это тот самый молодой человек, что спас ему жизнь, когда во время бури их корабль был в щепки разбит у берегов Яффо. Он хотел бы немедленно его освободить, но не имел на это права. Кроме всего прочего, ему еще и жаль было потерять на редкость умелого гребца. На Каниуса Сирануса возложили трудную и ответственную миссию. Корабль «Артемида», которым он управлял, был флагманом императорского флота, насчитывавшего почти сто кораблей, следовавших за ним на некотором удалении. Он исполнял должность командующего этой армадой. Несколько дней назад ему вручили приказ очистить море от кровожадных пиратов. Пираты буквально терроризировали берега Римской империи. Многочисленные их шайки объединились под властью некоего бандита греческого происхождения и представляли собой грозную и организованную силу. Они внезапно появлялись в каком-нибудь незащищенном месте, нападали на прибрежные города и деревни, разоряли, сжигали их, забирая все ценное: имущество, скот, а порой и самих людей, которых потом продавали в рабство. Римские торговые суда, груженные богатыми товарами, тоже становились их жертвами. Военным кораблям, сопровождавшим торговые караваны, приходилось отступать перед превосходящими силами пиратов. Со слов моряков, плававших на этих кораблях, было известно, что пиратский флот насчитывает примерно шестьдесят судов. Жалобы пострадавших от набегов морских разбойников достигли ушей Рима. И тогда кесарь приказал отрядить целый флот – сотню судов под командованием трибуна Каниуса Сирануса, повелев последнему наголову разбить противника. Но для этого его прежде всего следовало обнаружить.

Сиранусу повезло. Им недавно встретился римский боевой корабль, который вместе с двумя другими кораблями должен был сопровождать торговое судно. Пираты напали на них, захватили торговый корабль, а сопровождающим его галерам удалось ускользнуть. Теперь Сиранус знал, в какой части моря искать разбойников. Он отвлекся от мыслей о еврейском юноше и стал думать, как бы скорее найти пиратов, навязать им бой и уничтожить.

Он совершил жертвоприношение перед идолом, стоявшим посреди палубы, после чего воины начали облачаться в доспехи и разбирать оружие. На палубу подняли великое множество копий, стрел и дротиков, а кроме них – большие пачки шерсти и других легко воспламеняющихся материалов. Потом всех гребцов тщательнее обычного приковали цепями к сиденьям, цепи лежали возле каждой скамьи. Эта мера была надежной страховкой от восстания рабов в разгар битвы. У несчастных не оставалось никакой возможности протестовать. А ведь в случае поражения в бою они все до единого лишались малейшей надежды на спасение: галера шла на дно вместе с ними.

С наступлением темноты на корабле зажгли огни. Капитан прилегал отдохнуть и вскоре погрузился в сон. Через несколько часов кто-то из матросов разбудил его. Сиранус тотчас встал. Он надел шлем, взял щит и меч и поднялся на палубу. Там уже собрались офицеры со своими подразделениями. Пропела труба, к ней присоединились другие. В отдалении были различимы корабли пиратов, стоявшие боевым строем. Римский флот тоже развернулся в боевом порядке, и через короткое время разгорелась жестокая и страшная битва. Баллисты обрушивали камни на пиратский флот, горящие факелы летели сквозь ночь, разрезая тьму. Вдруг ликующе запела труба: римлянам удалось потопить один из вражеских кораблей. Но не прошло и нескольких минут, как победный глас трубы раздался с другой стороны: на сей раз тонул римский корабль. Так и тянулся бой. Время от времени над водной гладью разносились громкие звуки труб, заглушавшие стоны раненых и ужасающие вопли тонущих. Битва продолжалась всю ночь и закончилась лишь на следующий день к полудню, когда римский флот наконец разгромил пиратов. Нескольким разбойничьим судам удалось спастись, зато все остальные были захвачены или потоплены. Римляне во главе с Сиранусом праздновали победу. Сиранус дал команду преследовать уходившие пиратские корабли, затем приказал освободить от оков и привести к нему еврейского гребца.

– Итамар! – произнес он, едва юноша предстал перед ним. – Итамар, ты больше никогда не вернешься на скамью гребцов. Вскоре я возвращаюсь в Рим и там буду просить кесаря о полном твоём освобождении. После блестящей победы на море он не откажет мне в такой малости.

Потрясенный до глубины души Итамар хотел было припасть к ногам Сирануса, но тот остановил его:

– Я ведь в большом долгу перед тобой. Ты когда-то спас мне жизнь. Не помнишь?

Изумленный Итамар пристально взгляделся в своего благодетеля. Глаза его широко раскрылись. Б-же милосердный! Перед ним и вправду был тот самый римский офицер, которого он когда-то уберег от гибели в Яффо! На глазах его показались слезы, а губы стали шептать благодарственную молитву Творцу...

*Āēāāā āāāyō ī āāōāō āy
Ī dāāāō āēūñō āī dāñēdī ō ī*

Великий полководец Сиранус был встречен в Риме с подлинным триумфом. Под торжественное пение труб кесарь увенчал его венком победителя, знаками отличия и преподнес ему ценные подарки. По просьбе трибуна Итамар был освобожден и перестал считаться рабом. Однако ему пришлось дать клятву впредь никогда не участвовать в заговорах против Рима и не выступать против него с оружием в руках. Юноша долго и мучительно колебался, прежде чем дать такую клятву.

– Дорогой друг! – сказал ему Сиранус. – Если ты не захочешь поклясться, то снова окажешься прикованным к гребной скамейке и уже наверняка не сможешь служить своему народу – ни вооруженным, ни безоружным.

– Но как я посмотрю в глаза моим бывшим сподвижникам? – возразил Итамар в отчаянье. – И неужели в час, когда разразится восстание, мне придется остаться в стороне, играя роль пассивного наблюдателя? Я этого не перенесу!

– Послушай меня, – отвечал Сиранус. – Я хочу сделать тебе предложение. Скорее всего отца твоего уже нет в живых, имущество его конфисковано в пользу государства, а твоя невеста вышла за другого. Когда ты вернешься на родину, тебя ожидают нищета и одинокое существование. Ты будешь чувствовать себя несчастным, в особенности потому, что путь назад, к твоим прежним товарищам, тебе теперь заказан. Так зачем же возвращаться в Иудею? У меня есть обширные владения в Испанской провинции, неподалеку от города, в глубокой древности основанного твоими соплеменниками и называемого на вашем языке Толадот, а на туземном наречии зовущегося Толедо. Я отдам тебе в дар одно из своих имений – владей им. А поскольку поблизости поселились твои единоверцы, ты сможешь жить привычной жизнью – в согласии с Торой, с заповедями Б-га.

– Весьма признателен тебе, благородный Каниус, за щедрое твое предложение, – отвечал Итамар. – Я не отказываюсь от него, но и не хочу принять его так сразу, не раздумывая. Мне хотелось бы прежде выяснить, как обстоят дела в Иерусалиме.

В конце концов Итамар согласился принести требовавшуюся от него клятву и стал собираться в дорогу. Сиранус взял на себя заботу обо всех его нуждах. Через неделю в Яффо отплывал корабль, и Итамару на нем было оставлено место. Оставшееся до отъезда время он познакомился со столицей великой Римской

империи. Однако душа его жаждала скорейшего возвращения в Иудею, к своему народу, в свою среду, к учению – он многое позабыл за годы рабства.

За то короткое время, что он провел в Риме, евреи ему почти не встречались.

С первого дня Итамар был угнетен зрелищем огромного, шумного города, населенного идолопоклонниками, попирающими заповеди Всевышнего. Несмотря на это римляне жили в довольстве и пользовались всеми земными благами, не зная страхов и бед. Юноша утешал себя мыслью, что если даже отвергающих Его награждает Всевышний столь щедро за их редкие добрые деяния, то уж воистину безмерно велика должна быть милость Его к любящим Его и творящим Его волю. Итамар не мог не заметить, до какой степени нравственного упадка и развращенности дошла эта, быть может, самая могущественная в мире страна. Ему то и дело на улице попадались мраморные колонны, обернутые нарядными цинковками, чтобы предохранить их от летнего зноя и зимнего холода. А в трущобах он видел умирающих от голода, встречал людей, спавших на улицах, копавшихся в мусорных кучах, не защищенных от зноя, ветра, холода, лишенных самой простой одежды. В памяти его всплывали слова Торы: «И придут корабли от Киттима, и смирят Ашур, и смирят Эвера, но и сами погибнут». Киттим – это римляне, так объясняли Итамару учителя. А еще Римская империя – четвертый зверь в видении Даниэла, про которого тоже было сказано: «...Пока не увидели, как был убит зверь, а тело его сокрушено и отдано на сожжение огню».*

*** *Ááíéjé 7:11***

Погруженный в думы Итамар шел по городским улицам и неожиданно заметил, что навстречу ему спешит римский офицер, окликающая его издали и махая рукой:

– Здравствуй, друг мой дорогой! Вот уж не думал встретить тебя здесь!

Итамар взглянул на офицера, ничего не понимая, и несколько секунд недоуменно его разглядывал. Потом вскричал с радостью:

– Каюс Цимбер! Я с трудом узнал тебя! Смотри-ка, ты уже в больших чинах!

Тот ответил:

– Я же говорил тебе еще четыре года назад в Иерусалиме, что Марс ко мне благоволит! Я участвовал во множестве сражений, имея достаточно шансов проявить доблесть. Но расскажи скорее, как ты попал в Рим! Думаешь здесь остаться? Если у тебя есть время, пойдем ко мне. Там обо всем и поговорим.

Итамар с радостью принял приглашение и в доме друга рассказал тому обо всем, что с ним приключилось. Когда он умолк, Каюс сокрушенно покачал головой:

– Мой бедный друг! Как жестока к тебе судьба! И тут отчасти моя вина: ведь это я тогда, в саду, подзуживал тебя и невольно раздул благородный пламень борьбы в твоем сердце... Стало быть, тебя отправили на галерею без суда и следствия?! Здесь, по-моему, дело нечисто. Надо хорошенько выяснить все обстоятельства. Валериус Гратус сейчас в Риме. Я хорошо знаю его и его семью. Попытаюсь во всем разобраться и сообщу тебе о результатах.

На следующий день Цимбер пришел навестить Итамара, жившего в доме Сирануса.

– Итамар! – заговорил он, едва они остались наедине. – Мне удалось все узнать. Причем, абсолютно достоверно. Но прежде чем я открою тебе правду, ты должен мне обещать, что будешь молчать, ничего не скажешь даже благородному Сиранусу, и то, что сейчас узнаешь, не используешь во вред бывшему наместнику Иудеи. Валериус Гратус – старинный знакомый нашего семейства, и я не хотел бы, чтобы у него были неприятности.

– Даю тебе слово!

– Так вот, тогда Валериусу позарез была нужна большая сумма денег. Он собирался вернуться в Рим и выдвинуть свою кандидатуру на должность консула. Как известно, всякий, кто хочет стать консулом, изо всех сил старается привлечь на свою сторону избирателей, устраивая увеселительные представления, раздавая дорогие подарки... Все это, как ты понимаешь, стоит недешево. Был простейший способ раздобыть крупную сумму – взять да и удвоить налоги в Иудее. Но практическое выполнение этой задачи сильно осложнилось одним обстоятельством. Сирийский наместник, чей ранг выше ранга наместника Иудеи, был личным врагом Валериуса. Он, понятное дело, всегда очень внимательно прислушивался к жалобам иудейских граждан на их правителя и оттого представлял для Гратуса немалую опасность. Но вот однажды к Валериусу Гратусу пришел управляющий твоего отца и предложил ему десять тысяч золотых монет, чтобы тот убрал тебя у него с дороги. Он сообщил ему все, что узнал от тебя о подготовке восстания против Рима, а посему наместник не видел ничего дурного в том, дабы взять деньги за сведения об антиправительственном заговоре. Были посланы три отряда солдат, чтобы арестовать тебя и твоих друзей, но вы успели скрыться. Тогда Орев присоветовал наместнику взять под стражу твоего отца. Он ни секунды не сомневался, что ты сдашься ради спасения старика. Так оно и случилось. Твоего отца освободили, а тебя приговорили к смерти на основании свидетельства «верного и преданного» Орева. Правда, сердце римского наместника оказалось более милосердным, чем сердце вашего управляющего. На него большое впечатление произвела твоя готовность добровольно пойти на смерть, лишь бы спасти отца. И он явил милость, сохранив тебе жизнь. Можно сказать, сделал щедрый подарок.

– Да уж, подарок! – скривился Итамар. – Сохранил мне жизнь! Жизнь раба на галере!

– Но теперь-то ты больше не раб! Все чудесным образом изменилось!

Сердце Итамара сжалось от гнева и возмущения, когда он услышал о подлом предательстве раба, которому так доверял. Великий Б-же! Как этот лицемер умел прикидываться преданным и любящим!

– Послушай, Каюс, – спросил Итамар своего друга. – А не знаешь ли ты, где Орев добыл столько денег?

– Как где? Конечно же, украл у твоего отца!

Итамар заскрипел зубами и сжал кулаки:

– Ничего, вернусь домой, полностью с ним рассчитаюсь!

– Только помни о своем обещании, Итамар! Делай, что хочешь, но так, чтобы не вышло вреда для Валериуса. А теперь, дорогой друг, окажи любезность – представь меня благородному Сиранусу! Я пока еще не удостоился чести познакомиться с этим выдающимся человеком.

Итамар повел друга в покои хозяина и произнес войдя:

– Позволь, уважаемый трибун, рекомендовать тебе друга моего детства, Каюса Цимбера. Храбрый воин, офицер, отличившийся во многих битвах, он жаждет познакомиться с великим полководцем, со славным римским адмиралом и засвидетельствовать ему лично свое величайшее почтение.

– Он твой друг детства, и это для меня рекомендация гораздо более ценная, нежели то, что он заслужил офицерский чин в столь юном возрасте!

Адмирал с улыбкой протянул Каюсу руку, и тот взволнованно проговорил:

– Я счастлив, что мне выпала честь увидеть нашего непревзойденного героя!

Àéàà àààöòàÿ Âîçàðàùáí èá â Êàðóñèè

Когда Итамар простался со своим благодетелем, Сиранус сказал ему:

– Я предвижу большие трудности, которые неизбежно ждут тебя с той самой минуты, как ты попытаешься вернуть себе права и состояние. Посему я счел нелишним помочь тебе в этих обстоятельствах. Я облегчу стоящую перед тобой задачу. Нынешний наместник Иудеи обязан своим положением могучему Луцию Илиусу Сиранусу. Я запасся письмом от него к вашему правителю, где Луций рекомендует тебя самым лестным образом. Береги этот пергамент, он откроет тебе двери любого римского чиновника в Иудее, позволит снискать благосклонность любого из них и обеспечит всяческое содействие.

– Благодарю тебя от всего сердца, дорогой трибун! – ответил Итамар, принимая письмо. – Мне кажется, эта рекомендация, добытая твоими стараниями, сыграет важную роль в моей дальнейшей жизни.

Он хотел поцеловать руку трибуну, но тот резко воспротивился. Потом проговорил на прощанье:

– Езжай с миром, друг мой! И да хранит тебя Б-г отцов твоих во всех начинаниях! Помни: Сиранус всегда готов прийти тебе на помощь... Да! Не забудь, пожалуйста: если по какой-то причине ты не захочешь остаться в Иудее, мое испанское поместье в любой момент готово стать твоим.

– До конца дней я буду вспоминать тебя, мой благодетель, с признательностью и любовью! – воскликнул Итамар.

Путешествие домой было недолгим и благополучным. Сердце Итамара сжалось от волнения и радости, когда нога его ступила на Святую землю в Яффо. Разлука с родиной оказалась слишком долгой. Он припал к земле и целовал ее со слезами на глазах. «Ибо милы рабам Твоим камни ее, и пыль ее любезна». С особой остротой ощутил он справедливость молитвы царя Шломо: «И когда согрешат они пред тобой, ибо нет человека, что не согрешит, и Ты будешь гневаться на них, и отдашь их в руки врагов их, и уведут их в плен, в землю чужую, далекую или близкую, и войдет в сердце их раскаяние в стране их пленения, и взмолятся они пред Тобой в земле их изгнания, и скажут – согрешили мы пред Тобой и творили злое и несправедливое. И вернуться к Тебе всем сердцем своим, и всей душою своей, и будут молиться пред Тобой по обычаю страны своей, который дал Ты отцам их, где город, построенный Тобой, и Храм, на котором Имя Твое называется. И услышишь Ты, ибо небеса – подножие славы Твоей, молитву их, и совершишь их суд. И простишь народу своему, который согрешил пред Тобой, и забудешь все их преступления, которые совершили они пред Тобой, и дашь в сердца врагов их милость к ним».

В тот день Итамар решил, что никогда больше не увлекут его идеи юношей с их горячностью и торопливостью, что поступать будет он всегда лишь по совету умудренных старцев. И вспомнился тут ему Реховам, который пренебрег советом старых и мудрых, ибо не увидел в нем практической пользы, и действовал по совету молодых, и это стоило единства целого государства...

Поначалу Итамар хотел задержаться в Яффо, разузнать, что произошло там за время его отсутствия, немного отдохнуть в своем имении, но тоска по дому неудержимо влекла его в столицу Иудеи. Он купил мула и без промедления отправился в Иерусалим, размышляя по дороге, что следует первым делом предпринять по прибытии в родной город. В Яффо он слышал, что Понтий Пилат, римский наместник, пребывает сейчас в Иерусалиме, и потому решил прежде всего посетить именно его и вручить рекомендательное письмо. Таким образом, любые козни Орева станут для него не страшны. Затем он пойдет к Элиезеру, чтобы узнать, жив ли отец. И лишь потом отправится в свой дом. Но если отец жив, надо будет послать вперед гонца, чтоб подготовить старика к появлению сына. Поднявшись на гору, с вершины которой уже можно было видеть Святой город, Итамар не выдержал, расплакался и долго не мог унять слезы. Через некоторое время, овладев собой, он продолжил путь. Вскоре юноша въехал в Иерусалим, остановился у таверны рядом с Яффскими воротами, поел, отдохнул с дороги, переменял одежды и направился во дворец наместника.

Письмо римского властителя мгновенно открыло перед ним двери в покои Пилата.

– У тебя письмо для меня? – осведомился наместник. – Кто ты и как твое имя?

Итамар ответил:

– Я еврей, сиятельный наместник, и имя мое – Итамар. Я только что прибыл из Рима. Благородный трибун Каниус Сиранус – мой друг и благодетель.

С этими словами Итамар протянул наместнику письмо. Тот внимательно осмотрел его, обратив особое внимание на печать. Потом освободил письмо от нитей и стал читать вслух:

– Благородному Понтию Пилату, наместнику иудейскому, от Луция Илиуса Сирануса, исполняющего должность кесаря, – привет.

Податель сего письма, еврей Итамар бен Эльяким, рекомендован мне одним из моих близких друзей. Посему прошу тебя оказать ему всяческую помощь и содействие во всех его делах и нуждах.

Искренно преданный тебе Сиранус.

– Ну что ж, – сказал Пилат, окончив чтение, – отныне и впредь ты находишься под особым моим покровительством. Я сейчас же распоряжусь, чтобы тебя беспрепятственно пропускали ко мне во всякое время как здесь, так и в Кесарии. А теперь скажи, в чем ты нуждаешься?

– Благодарю тебя, о благородный наместник, за покровительство, которое ты мне столь щедро обещал! Я обращусь к тебе, едва у меня возникнет нужда. Нынче у меня нет никаких особенных просьб. Я более трех лет провел вдали от родного города, и сейчас мне необходимо выяснить, что происходит у меня дома. Я только-только с дороги, а поскольку содержание письма было мне неизвестно, я счел своим долгом прежде всего выполнить возложенное на меня поручение и лишь затем обратиться к собственным делам.

– Ну что ж, тогда приходи ко мне, как только потребуется помощь, – сказал Пилат на прощанье. – В любой день и час.

Покинув наместника, Итамар направился к дому Тирцы. На улицах города ему повстречалось несколько знакомых. Никто его не узнал, так как, работая на галере, он сильно загорел и обзавелся густой черной бородой, изменившей его облик почти до неузнаваемости.

И вот настала заветная минута. Итамар стоит у ворот дома Элиезера бен Звулуна. Постучав в дверь, он услышал голос хозяина, приглашавшего его войти. Итамар переступил порог. Элиезер поднял глаза от свитка, который читал, и взглянул на гостя. У Итамара даже дыхание перехватило от жалости – так постарел Элиезер за эти три года. Во всем его облике были бессильная печаль и уныние. Взор потускнел...

– Кто ты? – удивленно спросил отец Тирцы. – И чего от меня хочешь? Ты одет, как римлянин, хотя лицом бесспорно еврей.

Итамар страшно смутился. Только теперь он сообразил, что поступил неправильно, оставшись в римском одеянии. Ему следовало по приезду одеться как подобает израильтянину. Ибо сказано: «И по обычаям их не поступайте». А это в числе прочего означает и приказ отличаться от других народов даже видом, чтобы внешние различия были столь же явными, сколь и внутренние.

– Я действительно еврей, – отвечал Итамар, – но я только что прибыл из Рима, где был вынужден одеваться как римлянин. У меня просто не хватило времени, чтобы купить в Иерусалиме еврейское платье. Я пришел к тебе, чтобы спросить, как поживает друг твой Эльяким бен Хизкия.

Голос незнакомца, едва тот заговорил, заставил Элиезера а вздрогнуть: до такой степени он напоминал голос погибшего жениха дочери. А уж после последней фразы сомнений не осталось.

– Итамар! – воскликнул он. – Ты ли это? Возможно ли? Благословен Господь Б-г наш, Царь мира, возвращающий к жизни мертвых!

Он бросился к Итамару, заключил его в объятия и расцеловал.

– Я и вправду почти восстал из праха, – отвечал Итамар. – Всевышний в великой милости Своей сотворил со мной истинное чудо. Я пережил годы ужасающего рабства, но сумел сохранить себя и физически, и духовно. А теперь скажи скорей – жив ли еще мой отец?

Элиезер печально склонил голову, не проронив ни звука. Тяжелый вздох вырвался из груди Итамара, глаза наполнились слезами. Он разорвал на себе одежды, сбросил обувь и опустился на пол.

– Благословен Ты, Г-сподь Б-г наш, Царь мира, судящий праведно! – произнес юноша сдавленным голосом и разразился рыданиями.

Элиезер глядел на плачущего взором, полным глубокого сострадания. Потом мягко вымолвил:

– Встань, Итамар, ибо краток должен быть теперь твой траур. Эльяким скончался давно, давно прошло и время положенного траура. Он умер через несколько недель после того, как тебя схватили. Горе его было столь велико, что он не желал ни от кого слышать слова утешения, даже от меня. Лишь раббан Гамлиел однажды пришел к нему в дом, был принят, и они о чем-то долго беседовали.

Итамар поднялся на ноги.

– Еще об одном хочу я спросить. Как поживает дочь твоя Тирца? Жива ли она? Не замужем ли еще?

– Жива, – ответил Элиезер, – и еще не замужем.

– Благословен Всевышний, творящий милости!

– Не торопись радоваться, Итамар! – покачал головой старик и грустно добавил, – Хоть Тирца и не замужем, но уже обещана другому. Свадьба должна состояться в самое ближайшее время.

Лицо Итамара исказилось болью, но он быстро взял себя в руки.

– Что ж, может, это и к лучшему! Кто же тот счастливцев, что снискал ее благосклонность?

– Никто ее благосклонности не снискал. Она категорически отказывалась выходить замуж и собиралась провести всю жизнь, оплакивая тебя. Но обстоятельства сложились так, что ей пришлось согласиться выйти за бывшего раба твоего отца. За Орева.

Глаза Итамара сверкнули гневом.

– Опять этот мерзавец! Как же могло дойти до того, чтобы Тирца решилась стать его женой?

И старик рассказал ему все – от начала и до конца.

Ī ēīī-āī ēā ūāāōō

Евреи век назад

Àèàèñàí àðà Áíññîä

**Çàññàí è:-í àÿ òðíí èèà
«Áíññîä». 1903, ¹ 1:**

«...Даже в тех странах, где вроде бы еврейская жизнь совсем заглохла, заметно ее оживление. Еще недавно швейцарское, например, еврейство казалось окончательно ассимилированным. Полная свобода, “разнокалиберность” коренного населения, отсутствие милитаризма – все это содействовало денационализации швейцарских евреев. Однако под влиянием пришельцев с востока их бытие явно переменилось. Тому немало подтверждений. Воскресают старые еврейские традиции, оказывается возможным создание Союза швейцарских еврейских общин. Да и во Франции наши соплеменники заявили о своем существовании организацией Комитета по борьбе с антисемитизмом».

«Восход». 1903, №1:

«Не раз приходилось нам отмечать за последние годы явные признаки вырождения в Германии уличного, кабацкого антисемитизма. Того антисемитизма, ярким выразителем которого был в начале 90-х Альварт, а теперь сделался граф Пюклер. В этом отношении события текущего года тоже дали немало утешительного».

«Восход». 1903, №2:

«В Германии образовались два новых союза: Союз помощи (рассчитанный на евреев вне Германии) и Союз еврейских богословов, ученых и литераторов. Возникновению Союзов, помимо внутренней потребности немецко-еврейской интеллигенции в разработке еврейских тем, содействовали также и внешние причины. Нигде, вероятно, нет такого количества ученых-антисемитов, как в Германии*. Отчасти из-за болезненно-утрированного национализма, отчасти под влиянием раздражения, вызванного конкуренцией в “тесной” ученой сфере, а нередко и в силу глубоко укоренившихся предрассудков, от которых наука не всегда в состоянии освободить своих адептов. Эти господа усиленно стараются внедрить в сознание немцев идею малой пригодности зловердной еврейской расы для занятий общечеловеческой наукой».

** Áíðèñàí èðíñàí ààèàí èà íààðèèí òíèíèí ìñàí èà ÿèàí àí òí, -èííàí è:-àíðàí è ò:-àíðèññÿ ì íèíààèí. Øèðíèèà ðààí:-èà ì àíññîä ìíòàèèíí ìàðííòóí ì èèè ààèà ÿí àðè:-íí àíññîäèè ìðíòèà í àññ. Íðíòàíòó àá ìíèíààèè èí àèè òí ìíèíààèèàà -òí àððèèðàðèè àíà àíèàà è àíèàà ìðííèèèàññ àí òèññàí èðíñàí è ìàíðèíàí èÿí è (Áàðàèíèàÿ ÿí òèèèíí ààèÿ, ò. 6, ñ 34/371).*

«Áíññîä». 1903, ¹ 2:

«Хотя борьба, разгоревшаяся в Австрии между поборниками прежнего режима и носителями новых идей, закончилась поражением последних, однако это чисто внешнее, а потому и временное поражение. Последний отчет австрийской “Union” свидетельствует, что в 1902 году число членов Союза евреев возросло на тысячу человек – факт, констатирующий рост интереса к еврейским делам даже той части австро-венгерского общества, которая не желает вставать под национальное знамя. Соглашение, заключенное между австрийскими сионистами и националистами* и подписанное представителями обеих партий, вызывает особый интерес. Оно подтверждает реальную возможность совместной работы для представителей еврейской интеллигенции различных направлений, объединенных верой в будущее народа».

** Íðè:-èíà ÿí àíàí íà íàíàèíàí èÿ - àíèèàí èà àèèÿí èÿ òðèíò èàííèí-ìíòèàèèíòè:-àíèí è ìàðèè àí àèàà ñ Èàðèí Èàðíàðí, èíðíðàÿ àèà ñàíð ìðííààíàò ÿí à èíçàí àí çàíèòó ìàðíàí òò ì àíñ íò ÿèíí èòàòàòèè ààðàèíèàí èàíèòàèà. Á 1897 ñàò Èàðíàð àí èçàðàí àððàí èíò òí àí àí ò, è à íà:-àèà XX àèèà àññ ìàðèè àí ñðà ñ èèàðèèàèíí í è èàðíèè:-àíèí è ìàðèèàí àí àèèàññ çíà:-èò àèíñ íà àèèÿí èÿ à ìàðèè àí òà àíèèèà à íàí àí òèññàí èðíñàí òàí àññ òèè (Áàðàèíèàÿ ÿí òèèèíí ààèÿ, ò. 1, ñ 310-357).*

**ÍÀÐÀÁ ÁÛÁÍÐÀÍ È
«Áíññîä». 1903, ¹ 23:**

«За правду и право боремся мы, антисемиты...» Так начинается воззвание Союза немецких антисемитов к избирателям. «Союз немецких антисемитов начиная с 1884 г. стоит на страже интересов нашего христианского немецкого народа».

Та же тема звучит в специальном воззвании, с которым Вильгельм Брун, кандидат антисемитов в пятом берлинском округе, обращается к своим будущим избирателям: «В нашей борьбе за правду и право для нашего немецкого народа и отечества мы хотим стоять в первых рядах и требуем от национально мыслящей части берлинского населения, чтобы она не оставила нас в нашей борьбе одинокими. Поэтому мы призываем всех тех, кто недоволен еврейской парламентской деятельностью и деятельностью находящихся у евреев в услужении берлинских представителей, посещать наши агитационные собрания и этим путем доказать, что мы имеем силу воли противопоставить продвижению социал-демократии лозунг:

“До сих пор и не дальше!”»

«Восход». 1903, №24:

«Результаты германских выборов окончательно еще не выяснились; число перебаллотировок так велико, что возможны значительные колебания, меняющие ситуацию в отдельных партиях. Однако некоторые, для нас особенно интересные, черты нынешних выборов успели определиться. В старом рейхстаге

антисемитская партия представлена была 12 депутатами, из которых пять избраны были при первой же подаче голосов. Теперь этой чести удостоился только Либерман фон Зонненбург. Три округа окончательно потеряны антисемитами. Между прочим, погиб безвозвратно “знаменитый” Альварт. Саксония, недавняя цитадель антисемитизма, завоевана социал-демократами, которые именуют ее уже своим “красным” королевством. Возможно, скорее даже наверняка, несколько антисемитов войдут в состав будущего рейхстага, но лишь благодаря поддержке близких им партий. Обстоятельство это, однако, не умаляет значения того факта, что, так сказать, “чистые” антисемиты потерпели на нынешних выборах полное фиаско.

Радость, испытываемая немецкими евреями по поводу этих результатов, несколько омрачается потерями, понесенными партией свободомыслящих. Умеренный либерализм теряет, видимо, почву под ногами на всем Европейском континенте, уступая место более радикальным течениям. Решающий голос в рейхстаге, как и раньше, будет принадлежать центру, сохранившему прежнее количество голосов. Центр, по обыкновению, должен отстаивать равноправие всех групп, но от этой похвальной традиции он в последнее время стал явно отступать, нередко поддакивая антисемитским ораторам».

«Айноа». 1903. 1 2:

«В венгерском парламенте 10 января происходили дебаты по еврейскому вопросу; они оставили крайне тяжелое впечатление у тех, кто верил в искренность мадьярского либерализма. На заседании обсуждался проект закона “Об оседлости иностранцев”, всецело направленного против евреев, иммигрирующих в Венгрию из соседних стран, преимущественно из Румынии. Закон был принят почти единогласно. Отныне лица, иммигрировавшие в Венгрию, обязаны будут представлять не только удостоверение личности, документы о подданстве (что для румынских евреев невыполнимо), но, по требованию полиции, еще и свидетельства о нравственной благонадежности и, наконец, о средствах к существованию, т.е. о способности прокормить себя и семью. Закон предоставляет полиции право выселять уже поселившихся иностранцев в случае их имущественной несостоятельности или если они почему-либо окажутся негодными с точки зрения общественного спокойствия и порядка.

Самое обидное, впрочем, – даже не принятие законопроекта, которое можно объяснить (хоть и не особенно убедительно) желанием государства самому решать вопрос о допущении новых жителей в страну. Всего обиднее сами дебаты, состоявшиеся при обсуждении законопроекта.

Депутат-еврей Сом Визонтай сделал было попытку направить эти дебаты по правильному пути. Указав на нарушение Румынией Берлинского трактата 1878 года как на ближайшую причину еврейской эмиграции из этой страны и ссылаясь на известную американскую ноту, Визонтай потребовал объяснений относительно мер, которые правительство намерено принять в обеспечение исполнения Берлинского трактата*.

На его запрос Шелл ответил следующее: “Я не думаю, что есть основания обвинять Румынию в неисполнении Берлинского трактата. Напротив, мне известно, что Румыния изменила существовавшие прежде постановления в полном согласии с соответствующими параграфами трактата. Содействовало то или иное из позднейших решений усилению эмиграции и было ли вообще в этом смысле давление со стороны румынского правительства – в исследование этого вопроса я не желаю пускаться. Думаю, впрочем, что это не так: многие жалобы удовлетворены были самим румынским правительством. Но в любом случае это дело внутренней политики Румынии, вмешиваться в которую я тоже не имею ни права, ни охоты. Повторяю, с принципиальной точки зрения Румыния выполнила обязательства, принятые ею на себя по Берлинскому трактату”».

«Политика облеклась такой толстой корою лицемерия, что сквозь нее весьма трудно проникнуть лучу правды. Совершенно очевидно, что если может идти речь о каком-либо исполнении Румынией положений Берлинского трактата, то лишь о формальном. Причем, соблюдая трактат, то есть постановление о равноправии граждан без различия исповеданий, чисто формально, Румыния совершила грубый обман по существу, поскольку именно ту группу населения, интересы которой имели в виду представители европейских держав при заявлении ими требования о равноправии, она лишила пользования не только политическими, но и гражданскими правами»*.

**А 1903 а йта аеуіеаі оіеааоаеіу а Ааіаее уі еааоое ес Дуі уіеа ае ідеіуо саеті і іаіаотіаеі іпде аеу уі еааіотіа іоааіоаеуоу оіпнотіааотіеу ее-ііпде, аіеаі аіоті і ііаааіпнотіа іоааіоауііе аеаііааіаеііпде е і пнотіаао е пнотіааіаіеу. Оае еае дуі уііеаа аааіе іі-ое іа еі ае аіс іаеііпде іоааіоаеуоу пнотіааеуіпнотіа і ііаааіпнотіа, уотіо саеті іа аа іпнотіаеа аіе іоааеоадеуіаі еае іаа, іаіоааеаіау іотіоа іаіеуаа дуі уііеао аааіа іаеіотіаі ааіоаоаі, іоааі аааі ааау Аеуіоау, ііоааіааеііпнотіа іаіііеоті Дуі уіеа і іаіаотіаеі іпде пнотіааеу Ааеііпнотіа оаеоаоа Іаіаеі пнотіаеііеа іоаауіаеа е Дуі уіеа е ідеіуе іоааеіаеііпнотіа іоааеоаеуіпнотіа саеті ііотіаео (Аааеіпнотіау уіоаеііааеу, о. 5, п 423-458).*

*Берлинский конгресс 1878 г., завершивший русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг. и обеспечивший независимость Румынии, принял, несмотря на сопротивление румынских и российских дипломатов, предложенное французским представителем У.Г. Ваддингтоном постановление о том, что полные гражданские и политические права должны быть предоставлены всем жителям Румынии независимо от их вероисповедания. Для осуществления натурализации была создана специальная комиссия, куда вошли известные антисемиты. В 1880 г. румынское гражданство получили 17 человек, в 1881 г. – 6, в 1882 – 2, а за период 1886 – 1900 гг. – 18. Тем не менее евреи были обязаны отбывать воинскую повинность, но только как рядовые (даже врачи). Евреи не могли учиться в

Примечание. Те дрейфусары, для которых Д.Д. носило политический характер, настаивали на подаче апелляции, в то время как сам Дрейфус и его семья были заинтересованы лишь в скорейшем освобождении. Дрейфус отказался от апелляции, после чего президент республики Э. Лусэ по представлению правительства помиловал Дрейфуса (19 сентября 1899), одновременно дав амнистию всем осужденным по его делу.

«Как уже известно из телеграмм, Дрейфус прислал военному министру как главе военного суда просьбу о пересмотре своего дела в следующих выражениях: “Законом от 17 декабря по моей просьбе я исключен из амнистии. И это исключение было обусловлено тем, что двери кассационного суда хотели оставить открытыми для моего требования относительно реабилитации. В виду этого честь имею просить о назначении пересмотра...” Я ждал конца своих мучений, возвращаясь с Чертова острова, ждал, что я увижу родину, родных, услышу, как мою невинность будет провозглашать та самая толпа, которая, будучи введена в обман, приветствовала осуждение изменника. Увы! Если по возвращении во Францию я изведаль преданность людей великой души и силы характера, боровшихся за правду, то я изведаль также и свирепую ненависть врагов. Во время процесса 1899 г. я был предательски ранен кинжалом в спину. Я не мог представить себе повторения подобного злодеяния – такого же, как на первом суде с его ложью и подлогами. И однако ж мое второе осуждение было еще более тяжким, чем то, что произошло в 1899 г.

Несмотря на то что виновный был известен и изобличен, что кассационный суд единогласно признал предателем Эстергази, люди, обманувшие суд в 1899 г., возобновили свои преступные махинации, чтобы обмануть его вторично. Правительство же республики не хотело оставить в тюрьме невинного.

С тех пор, постоянно думая о судебном пересмотре моего дела, я одну за другой отклоняю улики, презирая ложь и клевету, храня молчание в уверенности, что настанет день, когда справедливость восторжествует. Жертва преступных махинаций, дважды учиненного надо мною нарушения закона, я с полным доверием обращаюсь к главе военного суда. Опираясь на новый факт, обнаруженный Ферм де-Бурбонн, и доказанность существования мнимого бодеро с пометками германского императора, я прошу назначить следствие:

1) о том, какое употребление было сделано из этого документа во время разбирательства в Ренне и как это отразилось на обвинительном приговоре, вынесенном мне реннским судом 9 сентября 1899 г.,

2) о ложных показаниях Чернуцкого на реннском суде.

Примите и пр.

Дрейфус».

Гдеи а:аіеа «А 1903 а Адаеодии ііаае еаніаеііііф ааеіао е ііодіаіаае ііаіа даііе:аііааіеу, еіоіодіа аеііі-ееііііа 1906 а Аііаеуеііііуе ііа іодіа аеіаіе, -оі ііаеааоаеіііа іодіа Адаеодіа ііааоаііі іаіаіііаіііу е -оі аеу аа дааеееоаоее іао іаіаіаіе ііоо а аеііаеаі ііааііі дааеодіаеіііа» (Едаоаеу аааеііау ііоееіііаеу, о. 2, н 379).

«Аіііа». 1903, ¹ 26:

«В вышедшей на днях “Еврейской истории” помещена интересная статья Альфреда Фрида о еврейском пролетариате во Франции. Вернее было бы говорить о пролетариате в Париже, так как во французской провинции, за исключением Марселя, Лиона и Байоны, где имеются относительно небольшие группы еврейских пролетариев, евреи везде примыкают к среднему классу.

Факт этот объясняется тем, что еврейские пролетарии вербуются исключительно из класса эмигрантов, а они имеются только в крупных центрах. Малочисленное еврейское население в небольших провинциальных городах офранцузилось и живет припеваючи. Оно подтверждает наблюдение, сделанное Максом Нордау, что еврейские семьи, иммигрировавшие из восточного гетто и поселившиеся в одной из культурных стран, в третьем поколении уже не принадлежат к пролетариям. Всего во Франции насчитывается до 75000 евреев, из них 50000 приходится на Париж. Число еврейских пролетариев в Париже определяется в 20000. Еврейские пролетарии заняты самой разной работой. Большинство приехавших в Париж не имеет никакой профессии. Обыкновенно они начинают с того, что вступают в ряды чистильщиков сапог либо получают места на каучуковых заводах, где не требуются специальные знания. В одном отношении эти евреи отличаются от других пролетариев, живущих во Франции. В стремлении дать своим детям хорошее образование. Это черта, действительно характерная для еврейских иммигрантов во всех странах. Она служит залогом счастливого будущего для многих потомков несчастных выходцев из гетто. И не для них одних».

«Аіііа». 1903, ¹ 4:

«Из компетентного источника мы узнали, что Еврейское колонизационное общество затевает новое крупное предприятие. Оно собирается закупить земли в бразильской провинции Рио-Гранде для устройства там еврейских земледельческих поселений. Есть надежда, что в этой субтропической стране евреи из черты оседлости без особого труда акклиматизируются. Устройство семьи там должно обойтись в какие-нибудь две тысячи франков, и она сможет удовлетворяться всего двадцатью пятью гектарами земли. Евреи в Бразилии превратятся не в фермеров, как в Аргентине, вспахивающих по многу десятин, а в скромных земледельцев, довольствующихся небольшим, но верным заработком. Словом, мы стоим перед новой

Примечание. «Значительную часть еврейских иммигрантов, прибывших в США в конце XIX – начале XX вв., составляли уроженцы Румынии (где до первой мировой войны евреи практически не имели гражданских прав) и Галиции (переживавшей экономический упадок, который в сочетании с быстрым ростом еврейского населения привел к резкому снижению жизненного уровня евреев). Одновременно в США переселялись тысячи евреев из Западной Европы (Германии, Великобритании, Франции), Средиземноморья (Греции, Турции, острова Родос), Сирии, стран Магриба, Центральной Америки и Вест-Индии. Однако их доля в общем потоке еврейской иммиграции была незначительной. В результате уже к началу XX в. подавляющее большинство еврейского населения США составили выходцы из Восточной и Центральной Европы, преимущественно носители языка идиш. Многие из них были крайне бедны (лишь от 6 до 6,1% евреев, прибывших в США из России в 1899 – 1907 гг., имели при себе сумму денег, превышающую 30 долларов) и в первое время по приезде оказывались без средств к существованию. Значительную помощь нуждающимся эмигрантам оказывали общинные благотворительные организации, особенно Объединенное общество еврейской благотворительности, основанное в 1874 г. С 1894 по 1904 г. его поддержкой пользовались около 70 тыс. семей.

Поскольку в конце XIX – начале XX вв. среди еврейских иммигрантов преобладали представители беднейших слоев населения (63% еврейских переселенцев из России, имевших профессии, в 1899 – 1907 гг. составляли рабочие и ремесленники, около 20% – прислуга), то по прибытии в США они начинали, как правило, с работы по найму, прежде всего, в швейной промышленности.

В конце XIX – начале XX вв. немало евреев США работали также в хлебопекарной, мясной, табачной, кожевенной, меховой промышленности, в строительстве. Однако во многих отраслях тяжелой промышленности, переживавших период расцвета (металлургия, тяжелое машиностроение, горнорудное производство), а также на водном и железнодорожном транспорте евреев почти не было.

Второй по значимости сферой занятости новых эмигрантов была мелкая торговля, в том числе и вразнос. Клиентами многих торговцев почти исключительно были жители еврейских кварталов (Краткая еврейская энциклопедия, т. 8, с. 331-334).

«Аїтїа». 1903, 1 12:

«Некоторое время тому назад редактор Еврейской энциклопедии Зингер с большим жаром доказывал, что в Соединенных Штатах происходит ренессанс еврейской науки и что именно в этой стране наука о еврействе суждено развиваться до гигантских размеров.

Действительно ли она сконцентрируется в Америке, мы не знаем, но несомненно, что она делает здесь блестящие успехи – по крайней мере количественно. Все большее и большее число американских университетов учреждают кафедры еврейского языка, литературы, истории.

Когда доктор Зингер разработал план еврейского университета, его многие спрашивали, отчего бы евреям вместо этого не поощрять преподавание еврейской науки в американском университете. В последнее время еврейско-американские меценаты действительно начали выказывать предпочтение последнему варианту. На днях, 5 февраля, освящено было в Кембридже (предместье Бостона) здание Семитического музея, преподнесенное нью-йоркским миллионером Яковом Шиффом Гарвардскому университету, величайшему в Америке. Музей – изящное трехэтажное здание из гранита и кирпича. Первый этаж вмещает библиотеку и три аудитории, остальные два – комнаты для экспонатов. Специальная комната отведена палестинским древностям».

«Аїтїа». 1903, 1 24:

«VI сионистский конгресс

Из достоверного источника сообщают, что Action Comite в заседаниях своих от 11 и 14 июня выработало следующий tagersordnung VI сионистского конгресса. ...Из программы настоящего конгресса тщательно исключены вопросы культурные и экономические, но опять уделено много места вопросам внешней агитации. Программа эта, разумеется, только предварительная и может еще в некоторых пунктах подвергаться изменениям».

«І їаїтїè è àèðæáàÿ ãçàòà», 28 ýї ààðÿ 1903.:

«Сегодня, 28 января, в аудитории соляного городка профессором Петербургской духовной академии И.Г. Троицким была прочитана крайне интересная лекция “О сионизме”.

Сионизм лектор определил как стремление еврейства создать самостоятельное государство на началах еврейской истории и современной культуры. Принципы сионизма заключены в молитвах и богословских сочинениях еврейского народа, которые проникнуты мыслью о восстановлении еврейского государства со столицей в Иерусалиме. Причиной, вызвавшей появление сионизма, нужно считать антисемитизм, с особой силой проявившийся за последнее десятилетие в государствах Старого и даже Нового Света.

Для сплочения евреев и пробуждения их национального самосознания многое сделали международные и сионистские конгрессы. Благодаря им возникло единение еврейства разных стран, началось возрождение древнего еврейского языка. Улучшился состав и образование учителей. Стали появляться еврейские библиотеки и музеи. В Америке создан еврейский университет.

Материальные средства сионистского движения с каждым годом возрастают. Сбор 1897 г. составил 491 тыс. крон. Переселенческий банк в Лондоне имеет в своем фонде свыше 2 1/2 млн. руб.

Далее лектором были приведены мнения государственных людей Европы и некоторых писателей о сионизме. Они опубликованы доктором Гордоном в брошюре “Сионизм и христианство”. Лорд Салисберн высказался так: “Народ, перенесший столько страданий, преследуемый, способен совершить многое. Сионизму можно предсказать успех”. Профессор базельского университета Геман говорит: “Многие народы, находящиеся в рабстве, добивались свободы и самостоятельности. Отчего же это невозможно для еврейской нации, тем более что она избрала для этого мирный путь?”

Д-р Гордон находит, что правительства не противодействуют делу сионизма, а относятся к нему дружелюбно и даже покровительствуют ему. Из русских писателей высказались за сионизм Мордовцев и Меньшин, они верят в его успех.

В заключение лекции г. Троицкий указал, что стремление евреев основать в Палестине государство встретит сильное противодействие как со стороны христиан, так и магометан, которые тоже считают эти места священными для себя. Но есть в сионизме и другая, более важная сторона: он пробудил национальное самосознание еврейского народа. Он поднял знамя, под которое может стать всякий еврей – и образованный, и необразованный: “Самостоятельное еврейское государство. Теперь державы должны признать новый политический фактор, вошедший в их среду, в иудейство”, – такими словами закончил свою лекцию проф. Троицкий».

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ АВГУСТА

01 АВГУСТА

125 лет со дня рождения историка, экономиста, профессора Петроградского университета (ЛГУ), автора трудов по экономической истории средних веков и начального периода нового времени Иосифа Михайловича Кулишера (1878, Киев – 1934, Ленинград).

4 АВГУСТА

20 лет со дня смерти диктора Всесоюзного радио, народного артиста СССР Юрия Борисовича Левитана (1914, Владимир – 1983, Москва).

8 АВГУСТА

85 лет со дня рождения химика и биохимика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по синтезу липидов, антибиотиков, стероидов, функционированию биологических мембран, лауреата Государственной премии СССР Льва Давыдовича Бергельсона (р. 1918, Гайсин Подольской губ.).

50 лет со дня рождения общественного деятеля, правозащитника, главного редактора независимой московской газеты «Экспресс-Хроника» Александра Пинхосовича Подрабиника (р. 1953, Электросталь Московской обл.).

9 АВГУСТА

60 лет со дня смерти живописца, автора пейзажей «Вид Ванса», «Шартрский собор», гротескных портретов, натюрмортов и др. Хаима Сутина (1893, Смилевичи Минской губ. – 1943, Париж).

13 АВГУСТА

90 лет со дня рождения биохимика и биофизика, академика РАН, профессора МГУ, исследовавшего первичные стадии фотосинтеза, открывшего реакцию обратимого фотохимического восстановления хлорофилла (реакция Красновского), лауреата Государственной премии СССР Александра Абрамовича Красновского (1913, Одесса – 1993, Москва).

14 АВГУСТА

140 лет со дня рождения политического деятеля, президента Еврейского национального фонда, одного из создателей Еврейского университета в Иерусалиме Авраама-Менахема-Мендла Усьшкина (1863, Дубровна Могилевской губ. – 1941, Иерусалим).

15 АВГУСТА

115 лет со дня рождения государственного деятеля, наркома финансов СССР, одного из главных инициаторов денежной реформы, приведшей к стабилизации рубля, Григория Яковлевича Сокольникова (наст. фамилия Бриллиант; 1888, Ромны Полтавской губ. – 1939, Верхнеуральск Челябинской губ.).

45 лет со дня рождения писателя сценариста, телеведущего, автора телепрограмм «Итого», «Куклы» и др. Виктора Анатольевича Шендеровича (р. 1958, Москва).

16 АВГУСТА

80 лет со дня рождения государственного деятеля, премьер-министра, министра финансов, обороны и иностранных дел Израиля, председателя социалистической партии «Авода», лауреата Нобелевской премии мира 1994 года Шимона Переса (наст. фамилия Перский; р. 1923, Вишнёво, Польша).

17 АВГУСТА

95 лет со дня рождения Героя Советского Союза, командира подводной лодки, капитана 3-го ранга Самуила Нахмановича Богорада (р. 1908, Витебск).

19 АВГУСТА

65 лет со дня рождения яхтсмена, обладателя трех золотых олимпийских медалей (1968, 1972, 1980 гг.), чемпиона мира 1973 года Валентина Григорьевича Манкина (р. 1938, Белокоровичи Житомирской обл.).

24 АВГУСТА

35 лет со дня смерти патолофизиолога, члена-корреспондента АН УССР, профессора Харьковского медицинского института, автора трудов по вопросам реактивности организма и ее регуляции в патологии и др. Даниила Евсеевича Альперна (1894 – 1968, Харьков).

75 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по физике твердого тела и квантовой электронике, лауреата Государственной премии СССР Владимира Иделевича Переля (р. 1928, Свердловск).

25 АВГУСТА

95 лет со дня рождения конструктора, руководившего созданием автоматических зенитных пушек калибров 37-миллиметровых (образца 1939 г.) и 25-миллиметровых (образца 1940 г.), 37 и 45-миллиметровых палубных зенитных автоматов, 37-миллиметровых спаренных палубных и 37-миллиметровых башенных автоматических зенитных установок, принятых на вооружение Советской Армией и ВМФ, лауреата четырех Государственных премий СССР Льва Абрамовича Локтева (1908, Киев – 1981, Калининград Московской обл.).

26 АВГУСТА

110 лет со дня смерти (28 ава) общественного деятеля, главы ешивы в Воложине рабби Нафтоли-Цви-Иеуды Берлина (1817, Мир Минской губ. – 1893, Варшава).

70 лет со дня рождения историка, академика РАН, автора трудов по истории Древней Индии, Центральной Азии, проблемам древнеиндийской культуры, лауреата Государственной премии СССР Григория Максимовича Бонгарда-Левина (р. 1933, Москва).

27 АААОНОА

95 лет со дня рождения паразитолога, академика АН СССР, директора Зоологического института АН СССР, автора трудов по паразитологии, систематике и филогении моногенетических сосальщиков и других групп плоских червей, их экологии (факторы формирования паразитофауны рыб)

Бориса Евсеевича Быховского (1908, Петербург – 1974, Москва).

95 лет со дня рождения артистки балета, педагога, народной артистки РСФСР, кавалера ордена Британской империи Суламифь Михайловны Мессерер (р. 1908, Вильна).

100 лет со дня рождения режиссера, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда, профессора ГИТИСа, директора и художественного руководителя московского Государственного театра для детей (с 1936 г. – Центральный детский театр), организатора и художественного руководителя Московского детского музыкального театра, автора пьес, либретто детских опер и балетов, лауреата двух Государственных премий СССР Натальи Ильиничны Сац (1903 – 1993, Москва).

29 АААОНОА

65 лет со дня гибели политического деятеля, одного из лидеров левых эсеров, организатора левозероветского мятежа 1918 года Бориса Давидовича Камкова (наст. фамилия Кац; 1885, Сорковский у. Бессарабской губ. – 1938, расстрелян в Москве).

30 АААОНОА

65 лет со дня смерти предпринимателя, основателя и главы одной из крупнейших фирм по производству и продаже косметики Макса Фактора (1877, Лодзь – 1938, Лос-Анджелес).

СЛУЖЕНИЕ СЛОВУ

Ī ài yòè Àěiěnyǐ Cǎidǎi

Умер он в одночасье, как говорили в старину. Это было полной неожиданностью, шоком для всех, кто его знал.

Раннего ухода Зверева ничто не предвещало. Не хворал, не жаловался на недомогание. Был полон сил и энергии. Работал за троих. Одна за другой выходили его книги, постоянно печатались статьи – читатели «Лехаима» хорошо это знают, в редком номере не было его эссе или рецензии.

В последнее время он стал еще и заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература», продолжая читать в РГГУ несколько курсов, пользовавшихся огромной популярностью у студентов. Слухи о том, с каким успехом он читает лекции, доходили даже и до меня, человека, уже далекого от студенческой среды. Но год назад я мог в этом успехе убедиться: на совещании молодых мы вдвоем с Алексеем вели «мастерскую» начинающих критиков и литературоведов. За ним постоянно ходила целая стая молодых людей и девиц, смотревших ему в рот. «Леша, – спросил я у него, – что это они ходят за вами, как за курицей-наседкой?» «А это мои аспиранты и старшекурсники», – ответил Зверев как о чем-то само собой разумеющемся. К этому, наверное, стоит добавить, что окружавшая его на совещании группа молодых «зарубежников» явно выделялась интеллигентностью и уровнем эстетической подготовки... Думаю, он был для них не только преподавателем, но и примером ума, вкуса, образованности.

Вспоминаю, каким он сам был, когда после университета начал трудиться в журнале «Вопросы литературы», где несколько лет мы проработали вместе. Его отличала редкая для молодого человека начитанность, замечательная эрудиция. Литература вообще была смыслом и содержанием его жизни, он очень много читал. Причем не только то, что определялось его специальностью – литература Англии и США. Он ничего не пропускал интересного и в современной русской литературе.

Был он человеком увлекающимся. Помню, одно время его заинтересовали болгары, и он стал основательно заниматься несколькими болгарскими писателями. Уже в наши дни регулярно писал статьи для «Лехаима», потому что ему был интересен предлагаемый журналом для критического рассмотрения литературный материал, посвященный трагической судьбе еврейского народа в минувшем «веке-волкодаве».

...Тогда в «Вопросах литературы» очень быстро выяснилось, что Зверев обладает редко встречающимся органическим соединением способностей: литературоведческая основательность сочеталась у него с острым и ярким критическим анализом. Он писал литературоведчески основательно, но при этом живо и ярко. Уже тогда можно было не сомневаться, что его ждут успехи и в литературоведении, и в критике. Так оно и случилось: защитил сначала кандидатскую, а потом докторскую диссертации, приобрел имя и в литературоведении, и в критике. Стал авторитетным «западником» – научным сотрудником ИМЛИ, потом университетским профессором. Критиком, с мнением которого считались и издатели, и читатели.

И вот еще о чем я хочу сказать, вспоминая те – уже не близкие – времена. Уйдя из «Вопросов литературы», он все равно оставался для сотрудников этого журнала «своим». Его полюбили за открытость, отзывчивость и были благодарны за живую реакцию на все происходящее: он разделял с нами и общие успехи, и общие заботы. Все эти привлекательные человеческие качества он сохранил до своего последнего дня. И я не сомневаюсь, что его будут долго вспоминать как своего и в университете, и в «Иностранке», и в «Лехаиме»...

Зверев был еще молодым исследователем и критиком, когда «Краткая литературная энциклопедия» посвятила ему персональную статью: это было не частым знаком внимания, но настоящим признанием ценности его ранних работ! В той статье говорилось: «Изучает в основном амер. литературу XIX-XX вв.: творчество М. Твена, Ф.С. Фицджеральда, У. Фолкнера, проблемы совр. амер. романа, поэзии. Выступления З. по вопросам теории и методологии совр. критики носят остропублицистич. характер, отмечены пристальным интересом к актуальным явлениям зап.-европ. идеологии и культуры (научно-технич. революция, “черный юмор”, “технократическое сознание” и т.п.)».

Все здесь, как и полагается в энциклопедии, верно. Но с той поры немало воды утекло, существенно расширился круг интересов Зверева. В поле зрения вошли новые явления литературы, пополнился и исследуемый им писательский ряд. В той давней энциклопедической заметке названа лишь одна его книга – о Джеке Лондоне, вышедшая в свет в 1975 году. Я же хочу назвать и другие, всячески рекомендуя их любящим литературу читателям, которые найдут в них много пронизательных наблюдений и свежих, глубоких мыслей: «Модернизм и литература США» (1979), «Американский роман 20 – 30-х годов» (1982), «Грустный солнечный мир Сарояна» (1982), «Мир Марка Твена» (1985), «Звезды падучей камень. Жизнь и поэзия Байрона» (1988), «Дворец на острие иглы. Из художественного опыта XX века» (1989) и самая последняя, вышедшая в прошлом году, – она посвящена Владимиру Набокову.

Эти заметки пишу на следующий день после похорон Алексея Зверева. Я долго думал, как охарактеризовать – пусть в самых общих чертах – его литературную позицию. И решил, что лучше всего это сделать его собственными словами из одной недавней статьи:

«Я не знаю, какой должна быть история литературы, и сомневаюсь, что глаголы долженствования в данном случае действительно подходящие. Но я верю, что она не может не быть историей **литературы** и не может не быть **историей**, то есть дисциплиной, познающей включенность своего предмета в очень сложную систему связей, образующих историческую жизнь».

Подчеркнуто им, а не мной. Да, он чувствовал себя верным и бескомпромиссным служителем литературы, опирающейся на жизнь, отражающей жизнь – и возвращающейся в жизнь с новыми ценностями.

Когда безвременно уходит из жизни человек, мы со скорбью думаем о том, как много он мог еще сделать. Но возникают такие мысли только тогда, когда этот человек продемонстрировал, на что он способен. У одного из русских поэтов XIX века есть замечательные строки об ушедших:

*Ī ī ēēūō Ń Ńōī ēēāō, ēī Ńī Ńūā
ī āō Ńūō
Ńāīēī Ńī Ńōī Ńō āēāī āēy ī āī
āēāī Ńō āī Ńēēē,
Ī ā āī āī Ńō Ńī ēē: ēō ī āō;
Ī ī Ńī āēāī āāōī Ńī Ńō ēp: āūēē.*

Алексей Зверев был для нас одним из таких животворящих спутников, о которых долго и благодарно вспоминают...

Ē. Ēāçāōāī

ИЗ НАШЕЙ АВГУСТОВСКОЙ ПОЧТЫ

ОНИ СПАСЛИ СЛАВЯН

Обращаюсь к родным и близким еврейской семьи Красницких Александра Ионовича и Клары Борисовны с просьбой сообщить мне о судьбе этих людей и прислать их фотографии.

Еще в 70-х годах они жили в Москве на ул. Зорге, д. 135, корп. 6, кв. 17, телефоны: 195-93-67 и 370-36-14.

Дело в том, что эта неординарная семья оказалась, наверное, в числе первых в СССР «Праведников народов мира». Эти москвичи, рискуя жизнью, спасли от неминуемой смерти вырвавшегося в 1937 году из кровавых лап НКВД моего односельчанина Михаила Ивановича Кудренко. Спасли славянина эти евреи еще задолго до второй мировой войны, потому и утверждаю: Красницкие безусловно – истинные Праведники мира, хотя таким званием удостаивают обычно людей, спасавших евреев во время той войны...

Наша многолетняя крестьянская семья также праведна перед евреями. В одной из своих книг, романе «А жизнь одна», я отразил подлинные обстоятельства спасения славянами ни в чем неповинных евреев, попавших в безвыходное положение. Поэтому и считаю долгом рассказать о спасении православного евреями. Такой поступок разве не убеждает, что милосердие не имеет национальности?

*А. Сел-эй-эй,
Хаді-ей-а*

І ПАААА - ЁООА ЁЕЕ

В конце февраля этого года в Киеве состоялся расширенный пленум Еврейского совета Украины. Особенно много внимания уделили борьбе с поднимающими головы неонацизмом и антисемитизмом.

И вот, прочитав статью Аарона (Аркадия) Шмиста «Чом Україна, чому Ізраїль», опубликованную в декабре минувшего года в газете «Шабат Шалом», я долго не мог успокоиться.

Во имя полезной цели – показать, что в украинско-еврейских отношениях с древнейших времен до наших дней все было только хорошо, автор допускает необъективность, антинаучный подход к проблеме. А ведь мы с ним были участниками экскурсии в нацистские лагеря смерти – Освенцим, Майданек, Трешлинка, оба работали на I и II Международных научных конференциях «Проблемы Холокоста в Украине». Как же можно умалчивать обо всех известных мрачных и позорных событиях в истории этих отношений?!

О них ярко и аргументированно написал в августе 2002 года в вестнике «Ткума» главный ученый секретарь Академии истории и культуры евреев Украины им. Ш. Дубнова Александр Найман в своей статье «Социально-психологические предпосылки антиеврейской коллаборации». Найман пишет, что во многих публикациях «фактически предана забвению память жертв хмельниччины, гайдамачщины и трех волн погромов в Украине». Если первая волна погромов 1880-х годов охватила свыше 150 городов, вторая в 1905 – 1907 годы – 640 городов и местечек, то третья волна в 1917 – 1920 годы прокатилась по 584 населенным пунктам двумя тысячами погромов. Только при последнем в нашем Екатеринославе погромщики оставили около 500 убитых, изнасиловали более 100 женщин. Погромы отличались чрезвычайной жестокостью: выколотые глаза, сожжение живых, массовые изнасилования, зверские убийства и лозунги «Бей жидов, спасай Россию (Украину)».

С детства знавшие о погромах 1880-х годов, видевшие погромы 1905 – 1907 годов и прямо или косвенно участвовавшие в погромах гражданской войны, многие были морально готовы к антиеврейским актам фашистов. Они-то и стали активными соучастниками нацистских зверств. Так, в концлагере Трешлинка (Польша) на 24 эсэсовца приходилось свыше 100 украинцев, служивших «верой и правдой» фашистам. А местные полиция в украинских городах и селах активно выявляли и карали подпольщиков, евреев и коммунистов. Полицияев было, по некоторым данным, четверть миллиона. На их совести и белорусская Хатынь. В документах Стокгольмской конференции четко сказано: основными пособниками нацистов в геноциде евреев были прибалты, поляки и украинцы.

В Литве летом 2001 года мне довелось увидеть на фасадах зданий национальные флаги с черной лентой. Оказалось, отмечался день покаяния литовского народа за участие многих его сынов в массовых расстрелах евреев. Почему, спросил я себя, такого нет в нашей Украине? ...Наверное, многие соучастники нацистских зверств постарались (и сумели) избежать ответственности.

Обо всем этом умолчал А. Шмист, а ведь умолчание – это та же ложь и зло, порождающие новое зло. Не так ли?

И в результате: черносотенно-нацистские идеи и настроения, как это отмечали участники нашей II Международной конференции, перекочевывают в третье тысячелетие. Сегодня мы в Украине имеем, к сожалению, солидный список антиеврейских акций: от поджога квартиры поэта Абрама Кацнельсона в Киеве в 1993 году – до погрома Центральной синагоги Бродского, разрушения еврейских памятников на кладбищах. И выступления погромного характера в львовской газетенке «Идеалист» и «солидном научном» киевском журнале «Персонал».

А что сделано для пресечения подобных преступлений против человечности, против принципов, провозглашенных в Конституции Украины? Как сообщили в печати, возбуждено уголовное дело, а в минувшем мае вынесен, наконец, приговор организатору погрома синагоги Бродского...

Конечно, в Украине нынче многое делается для возрождения и развития культуры, религии и традиций малых народов, в том числе и еврейского, изданы отличные законы о нацменьшинствах. Президент Кучма присутствовал при открытии днепропетровской синагоги «Золотая роза», ее посетил председатель Верховной рады Литвин, были они и на открытии мемориалов «Бабий Яр» в Киеве и «Дробицкий Яр» в Харькове. В дни еврейских праздников, как и в дни скорби, посвященные массовому расстрелу евреев в Ботаническом саду, всегда присутствуют руководители нашего столичного города и обл. администрации.

А еврейская община Киева оказывает постоянную материальную помощь сотням вдов нееврейкам: они на учете в благотворительном фонде «Хесед Менахем». Еврейские благотворительные организации и спонсоры оказывают помощь медоборудованием, лекарствами многим больницам города. Наш строящийся поликлинический комплекс будет обслуживать всех жителей областного центра независимо от их национальности. Эти и другие акции способствуют укреплению дружбы и взаимопонимания между всеми гражданами Украины. И наша организация евреев-инвалидов и ветеранов боевых действий, насчитывающая более 100 неевреев, в основном вдов, – коллективный член городского Совета ветеранов войны и труда.

Понятно, что возвеличивание истории, традиций и религии одного народа и умалчивание о том же применительно к другим народам – это унижение. Чем отличается лозунг «Украина для украинцев!» от «Германия для немцев!»? Хорошо ли, когда говорят вместо «граждане Украины», как записано в Конституции страны, – «украинцы»? Ведь каждому понятно: это – не одно и то же!

И в заключение. Надо бы г-ну А. Шмисту в своей статье объективно и недвусмысленно написать, что в многовековой истории украинско-еврейских межнациональных отношений всякое было, в том числе и периоды всплеск дикого антисемитизма. Болезнь эта – многовекового характера, причем, как на государственном, так и на бытовом уровне.

Не случайно лозунг «Никогда больше!», высеченный на памятнике в лагере уничтожения Трелинка, воплощен в рекомендациях Стокгольмской конференции. В частности – о необходимости преподавания уроков Холокоста в школах и вузах в рамках курса истории... Ответственность за свою страну, за свой народ лежит не только на руководителях, но и на всех ее гражданах, желающих, чтобы было меньше преступлений, больше человечности, чтобы действовала Декларация ООН «О правах человека».

*יִי יִיְיָ: אֵי עַבְרַיִם וְנִי אֵינוֹ אֶלֶּם עֵלְמַי
אֵלֵינוּ לְרָא: אֵינֹא אֵי לִי עֵלְמַי וְעֵלְמַי לְרָא אֵינוֹ
עֵלְמַי אֵלֵינוּ, אֵינֹא אֵלֵינוּ, וְיִיְיָ לִי עֵלְמַי
נְ. אִמֵּן
אֵי אֵי דִּי אֵלֵינוּ*